

Институт социологии НАН Украины

С.А.Макеев, С.Н.Оксамитная, Е.В.Швачко

**Социальные идентификации
и идентичности**

Киев — 1996

ББК 55.32
УДК 301

C55 Социальные идентификации и идентичности / С.А.Макеев, С.Н.Оксамитная, Е.В.Швачко. — Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1996. — 185 с.

Ответственный редактор С.А.Макеев

ISBN 966-02-0060-9

Предметом цієї книги є соціальна структура суспільства. Вона трактується як сукупність дій різних суб'єктів з проведення й виявлення відмінностей між індивідами, групами та організаціями, тобто як сукупність ідентифікаційних практик і результатів їх — ідентичностей. Запропоновано теоретичне обґрунтування такого підходу, на матеріалах соціологічних досліджень, проведених в Інституті соціології НАН України, розглянуто окремі різновиди ідентифікаційних практик.

Для наукових працівників, викладачів, студентів.

Предмет настоящей книги — социальная структура общества. Она трактуется как совокупность действий различных субъектов по проведению и установлению отличий между индивидами, группами и организациями, то есть как совокупность идентификационных практик и их результатов — идентичностей. Предложено теоретическое обоснование подобного подхода, на материале социологических исследований, выполненных в Институте социологии НАН Украины, рассмотрены отдельные разновидности идентификационных практик.

Для научных работников, преподавателей и студентов.

Утверждено к печати Ученым советом Института социологии НАН Украины

Редакционно-издательская группа Института социологии НАН Украины
Редактор Л.Г.Макеева

© Макеев С.А., Оксамитная С.Н.,
Швачко Е.В., 1996
© Институт социологии
НАН Украины, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

90-е годы являются для Украины годами трансформаций, перемен и преобразований, в том числе и социальной структуры. За относительно короткий промежуток времени произошли определенные сдвиги: сложились группы и слои, основой существования которых являются негосударственные формы собственности; вступают в силу новые критерии дифференциации и стратификации; постепенно утрачивают значение, отгесняются на второй или даже третий план либо вовсе девальвируются прежние критерии; изменяются характер и содержание отношений между группами, между ними и социальными институтами; нарастает конкуренция за расширение (или сохранение) доступа к материальным, социальным и культурным благам как основе власти и влияния в обществе, за обеспечение признаваемого приемлемым уровня жизни, за присвоение престижа и признания, за всевозможные льготы, привилегии и закрепление их за индивидами и группами.

Во все времена и при любых политических режимах вождеденным объектом притязаний индивидов была собственность в различных ее воплощениях — орудиях и средствах производства, финансовых ресурсах, недвижимости. Однако в Украине лишь в конце прошлого и начале нынешнего десятилетия она стала легальным, легитимным и невозбращаемым объектом присвоения. Таким же объектом стала и власть, чем и были инициированы процессы политического расслоения в обществе, происходящие на фоне быстрого и резкого материального расслоения. Одновременно менялись и критерии распределения между индивидами и группами авторитета, уважения и их символов. Состязательность, правила которой открываются далеко не всем, обусловила возрастание значимости способностей и готовности использовать имеющиеся и открывающиеся возможности присваивать и приумножать собственность, завоевывать авторитет, престиж.

Вместе с тем продолжают действовать критерии, факторы стратификации и дифференциации, адекватные прежнему типу социальной структуры (место в иерархии государственной власти, близость к каналам распределения ограниченных ресурсов), а также относительно независимые от него: профессия, квалификация и компетентность, уровень образования, местожительство, отрасль приложения труда. Причем относительно новые и вполне традиционные факторы вступают в комплекс разнообразных взаимодействий — от дополнения до взаимного исключения. Итогом подобного взаимодействия оказывается конкретный облик социальной структуры: статусная иерархия групп и категорий населения, возможности удовлетворения

ими важнейших жизненных потребностей, степень солидарности или близости между ними, восприимчивость к новым ценностям и идеалам, к способам обоснования собственного поведения, а также к способам истолкования обстоятельств, в которых они находятся. Объективное положение индивидов в системе распределения важнейших жизненных ресурсов, с одной стороны, а также осознание такого положения и соотнесение его с положением “значимых иных”, с другой, во многом определяют оценку ими собственной материальной и социальной ситуации, их самооущение и реальное поведение.

Какой бы набор терминов для описания современной социальной ситуации в Украине ни избрать (примерами тут могут быть наборы, группирующиеся вокруг центральных понятий типа “социальные изменения”, “радикальные общественные трансформации”, “кризис” или даже “катастрофа”), в фокусе подобного описания будет в принципе одно: происходящее с социальной структурой общества в целом и ее отдельными элементами, то есть состояние и динамика процессов дифференциации и стратификации. При этом основной проблемой, подлежащей разрешению, становится проблема идентификации субъектов действия и поведения, их ориентаций и устремлений, проблема предсказуемости их отношения к другим субъектам и социальным институтам, а также проблема самоидентификации индивидов и групп – отнесение и причисление себя к определенным социальным образованиям. Если субъекты в силу каких-либо причин становятся неразличимыми или плохо идентифицируемыми, если общественное мнение, массовое и научное сознание затрудняются установить мотивы и цели их поведения, способности и готовность действовать, если индивиды и группы утрачивают критерии самоидентификации, то в обществе нарастает ощущение дезорганизации и хаоса, к минимуму сводится убеждение в возможности влиять на экономические, политические и социальные процессы, сконструировать безопасный и устойчивый порядок.

Именно при таких обстоятельствах от социологии и социологов ожидают разъяснения, какова же структура общества, к которому мы все принадлежим, каковы доминирующие и второстепенные тенденции дифференциации и стратификации, какие элементы и в какой конфигурации определяют облик и архитектуру нового социального порядка. Как представляется, именно такая ситуация сейчас имеет место: контроль за происходящими в обществе процессами во многом утрачен и государственной властью, и обществом в целом, непонимание происходящего политиками, экспертами, специалистами, рядовыми гражданами уже не скрывается. В свою очередь, и социологи не могут предъявить исчерпывающих или хотя бы удовлетворительных разъяснений, поскольку не располагают достоверным знанием о направлениях, а также способах реконструкции и (воспользуемся здесь известным термином популярного интеллектуального движения) деконструирования социальной структуры в конкретных исторических и социокультурных условиях. Не выработано релевантное концептуальное

представление, позволяющее с большей или меньшей степенью адекватности описывать и объяснять тенденции и механизмы социальной дифференциации и стратификации.

Спектр возможных ответов на вопрос о том, что происходит с социальной структурой в Украине, складывается с учетом наличных политических, экономических и культурных реалий. Он не так уж и разнообразен, а его явственно обозначившейся общей чертой является признание деградации социальной структуры, акцент на тенденциях деструктуризации. Согласно наиболее радикальной в данном отношении точке зрения, современное украинское общество представляет собой аморфное образование, в котором отсутствуют четкие социальные страты, а индивиды утратили критерии социальной самоидентификации (1). Фактически ее дополняет мнение о поляризации (дихотомизации) структуры (2), а в ином варианте — о “люмпенизации” значительной части населения и конституировании слоя “преуспевающих” в условиях глубокого экономического кризиса, о чем сегодня так много говорится: в средствах массовой коммуникации, равно как и в повседневном сознании дихотомический образ социальной структуры воплощен в оппозиции “новых” и “старых” коренных жителей.

Однако если для социолога, какой бы теоретической ориентации он ни придерживался, существует класс запрещенных утверждений, бессодержательных в контексте практикуемой им дисциплины, то к ним несомненно принадлежат высказывания о бесструктурности, не сопровождаемые специальным разъяснением, в каком именно отношении правомерно говорить об отсутствии структуры. Общество без структуры есть нечто для него невообразимое: именно структурированность является необходимым и достаточным условием его существования. Противоположное состояние “обществом” несомненно не является и называться так не может. Здесь нет предмета для социологического объяснения и понимания, здесь доминирует непредсказуемая инертность, отсутствуют правила, тенденции и события. Но если нечто происходит, если фиксируются различные состояния одного и того же объекта, в данном случае общества, то профессиональной обязанностью социолога становится обнаружение и описание социальных субъектов, вступающих между собой в различные виды взаимодействия для достижения тех или иных целей. Иными словами, что бы ни происходило с объектом его наблюдений, социолог продолжает оставаться “структуралистом”: он заранее допускает существование структуры и предпринимает усилия отыскать ее.

Вместе с тем упрощение структуры, способное привести к иллюзии ее исчезновения, не представляет собой нечто небывалое или невероятное. Оно является естественным следствием кризисного состояния общества. Ему обычно сопутствует и утрата со стороны социологов доверия к своему основному инструменту — понятию “социальная структура”. Применительно к украинскому обществу констатация ее кризисного состояния давным-давно превратилась в расхожий штамп, повторение

которого стало уже просто неприличным. Кризис же доверия в рамках научного сообщества преодолевается вновь и вновь предпринимаемыми попытками уточнить понятие социальной структуры, выявить ныне действующие механизмы структуризации общества, а также описать возможные аспекты взаимодействия групп и индивидов с социальными институтами и организациями.

В фокусе нашего внимания будут, разумеется, тенденции трансформации социальной структуры. Однако с одним существенным уточнением: происходящее с ней будет интересовать нас преимущественно с точки зрения институциональной, статусной или профессиональной идентичности и особенностей практик идентификации, к которым прибегают институты, группы и отдельные индивиды в складывающихся социально-исторических реалиях. Сразу же оговоримся, что мы не будем представлять структуру как нечто такое, что существует вне и абсолютно независимо от тех действий социальных агентов, с помощью которых они подтверждают или восстанавливают свою принадлежность к статусам, слоям или группам, то есть подтверждают собственную идентичность или же продуцируют новые образцы и логики идентификации. Односторонне направленная, главным образом структурная детерминация не представляется нам релевантным способом описания и понимания современных процессов, к тому же, как мы попытаемся показать, ее познавательные возможности проблематизируются в свете новых теоретических подходов. Иначе говоря, структуру мы рассматриваем как продукт исторически конкретных обстоятельств, с одной стороны, и действий индивидов, групп и институций, подчиняющихся задаваемым извне правилам или же уклоняющихся от них, с другой. Такие действия мы определяем как идентификационные практики – процедуры отнесения себя или других к определенным позициям в иерархизированном и дифференцированном социальном пространстве, в пространстве взаимных отношений между индивидами или между группами.

Мы исходим, далее, из того, что изменениям социальной структуры непременно сопутствует изменение идентификационных практик. Индивиды и группы оказываются погруженными в ситуацию, требующую навыков обнаруживать себя в конкретной точке социального пространства и социального времени в условиях, когда границы такого пространства и времени весьма неопределенны, лично и коллективно нелегитимны, а ресурсы утверждения новой идентичности крайне дефицитны. Трансформация социальной структуры неизбежно порождает кризис идентичности, отменяет одни идентификационные практики и востребует новые, одни предписанные или же самостоятельно конструируемые и воспроизводимые идентичности заменяет иными. Можно было бы сказать, что внимание к процессу нахождения идентичности оказывается для нас способом изучения социальной структуры, а также личности, соотношенной с ней. В нашем понимании социальная идентификация представляет собой периодический или постоянно возобновляемый попытки индивидов отыскать в социальном пространстве себе подобных и

причислить себя к ним, дистанцируясь от отличающихся по каким-либо значимым признакам. Конечным результатом подобной деятельности оказываются идентичности — ощущение и осознание совпадения, иногда слитности нашего “внешнего Я”, заданного структурными детерминантами и обусловленными ими практическими взаимодействиями с отдельными индивидами, группами, организациями, институтами, а также “Я внутреннего”, предмета самонаблюдения. Для нас это также способ самоопределения личности в процессе биологического и социального взросления, в процессе социализации и адаптации в социуме, который стратифицирован по не всегда понятным основаниям и правилам.

Проблема идентификации, обнаружения собственной идентичности по крайней мере в XX столетии оказывается проблемой едва ли не каждого. И в объяснении, и в понимании того, как она решается, наиболее уместен междисциплинарный подход, позволяющий фиксировать философский, собственно социальный, а также психологический уровни. Это означает, что в процессе идентификации непременно присутствуют элементы константные, не подверженные разрушающему воздействию внешних условий. Продуктивная адаптация в социальном пространстве вообще предполагает отграничения миров “Я” и “не-Я”, независимо от того, осознают это индивиды или ориентируются в социуме автоматически, в соответствии с традициями, нормами, личным опытом.

Вместе с тем очевидно и другое: проблема идентификации актуализируется с возрастанием динамичности жизни в современных обществах, а также в кризисных обстоятельствах. И в первом, и во втором случае, как говорит В.А.Ядов, ссылаясь на А.Гидденса, особое значение придается темпоральному измерению идентификации, сравнению индивидом своего статуса “тогда”, “ныне” и в “будущем”(3). Но, повторим, не только неустойчивость и неупорядоченность современной жизни придают особую остроту проблеме идентификации. Здесь мы вправе предполагать наличие неких фундаментальных потребностей самоорганизации индивидуальной и коллективной жизни, инициирующих у индивида тенденцию к обособлению в контексте поиска коллективной идентичности. Отсюда, скажем так, онтологическая неустранимость амбивалентности в помыслах и действиях индивидов в различных ее воплощениях: при выборе личностной позиции или же в попытках усвоить ценности конкретной группы либо общества в целом. И для социологов, и для социальных психологов ясна органическая взаимосвязь личности и общества. Уже предварительное аналитическое усилие, связанное с концентрацией внимания на одной из составляющих этой дуальной пары, способно привести к недопустимым огрублениям и упрощениям. Однако нет и иного приема познания столь сложных объектов. Памятуя об этом, в первой главе книги мы сосредоточили преимущественное внимание на личностном измерении проблем идентификации и самоидентификации. Во второй и третьей главах акцент переносим на рассмотрение социально-структурных факторов, то есть прослеживаем механизм навязывания, предписывания статусных и ролевых идентичностей

социальными институтами и группами с учетом складывающихся экономических и политических реалий. Четвертая глава представляет собой эмпирическую интерпретацию предлагаемых подходов на основании данных социологических и социально-психологических исследований, проведенных в отделе исследований социальных структур Института социологии НАН Украины в первой половине 90-х годов.

ГЛАВА 1

ЛИЧНОСТНЫЙ РАКУРС ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ

§1. Идентификация и самоидентификация как индивидуальная и социальная проблема

Иностранная терминология достаточно часто встречается в тезаурусе отечественных наук. Такое распространение заимствованных слов не кажется странным, если вспомнить о драматической истории существования и развития обществоведения как системы социальных знаний. Методологические затруднения, связанные с этикетом употребления терминов, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, при переводе всегда сложно найти адекватный речевой эквивалент. Во-вторых, необходимо раскрыть принципиальное значение понятия в категориальном аппарате данной дисциплины. И, в-третьих, как минимум, выбрать корректную интерпретацию из числа весьма многочисленных концептуальных моделей, предложенных конкретными теоретическими перспективами социального знания. Что же можно и следует понимать под идентификацией?

Оказывается, латинские *identicus* — “тождественный”, а *factio* — “осуществление”, или “воплощение” (2). Однако дословно перевести — еще не значит дать дефиницию, зафиксировать содержание понятия в предметной области какой-либо науки. Философская трактовка идентификации уточняет специфику процесса установления тождественности различных объектов с помощью определенных признаков (3). Конечно, и в таком варианте интерпретации все же нет тех существенных особенностей, которые были бы перспективными при операциях с феноменами социальной действительности. Краткий социологический словарь (4) констатирует только психологизм идентификации. Хотя именно в психологической трактовке предлагается уточнить варьирование в данном процессе и “различения”, и “сравнения”, и “нахождения подобия” (5).

Такая дифференциация позволяет воссоздать нюансы и закономерности идентификации. Правда, предмет собственно социологического исследования требует строгого подхода к анализу. Говоря об отличии социологического и психологического ракурсов, В.Ядов (1) считает наглядным исходные точки отсчета в развертывании проблематики идентификации. Соответственно социологический подход направлен на выделение позиции совокупного субъекта в “лице” общества, в то время как подход психологический начинается с толкования

представлений отдельной личности. Видимо, обе схемы возможны. Однако терминологические научные словари, например, рекомендуют при определении идентификации воспроизводить не две, а три реальные сферы функционирования механизмов отождествления. Во-первых, аспект свободной проекции, перенесения субъектом себя в мир образцов-персонификаций, существующих в жизни или выдуманных. Во-вторых, аспект сравнения субъектом собственных норм с нормами номинальной группы. И, наконец, аспект объединения субъектом себя с представителями конкретной социальной группы.

Идеальный вариант трактовки идентификации должен не только учитывать отдельные ракурсы взгляда на проблему, но и обобщить в поле анализа факты проявления разноуровневой композиции человеческих отношений в пределах их социального опосредования. И все же главное при выборе схемы моделирования ситуации отождествления – зафиксировать акт и финал “продолжения” человеком себя в “другом” с “возвращением” к “Я”.

Действительно, сугубо социологический фокус исследования идентификации, подчеркивает В.Ядов (1), формируется за счет выделения тех социально-культурных детерминант, которые определяют процесс групповой солидарности. Однако, наверно, не только. Согласно всегда мудрой диалектике, не существует какой-либо интеграции без дифференциации, синтеза без анализа, “Я” без “не-Я”. Жизнь – это единство противоположностей, а не только борьба, это вечный диалог, в том числе и с самим собой, и с “не-Я”. Извечная актуальность триады “Я”, “Другой” и “Они” предполагает развертку идентификации индивидуальной и социальной. Для этого в теоретическую модель включены субъект (“Я”) со способностью к рефлексии и самоопределению, которые невозможны вне социально-психологического восприятия и понимания визави (“Другого”) и человеческого окружения (“Они”), а также общество, обеспечивающее условный набор функционирующих стереотипов, социальных ролей, номинаций статуса, ценностных образцов, требований и правил поведения, прецедентов продуктивной адаптации индивидов в бытовом, профессиональном и групповом измерениях.

Однако идентификация есть процесс, и резонно предполагать наличие некоего “пускового механизма”. Самый простой вариант – найти его в лице исследователя, который фактически (и в социологии, и в психологии) провоцирует рефлексию у респондента. Ведь для того чтобы ответить на какой-либо вопрос, а тем более обращенный к насущным проблемам индивидуальной или общественной жизни, необходимо обратиться ... к себе при помощи “других”, через окружающие связи, сквозь внешние события. Если индивид постоянно пребывает в кризисных и стрессовых ситуациях, настоятельно востребуемым оказывается спасение от вериг “экзистенциального вакуума”, согласно терминологии В.Франкла (6). Возможно, именно надситуативный прыжок, новый взгляд на старую жизненную проблему подсажает выход из сложившегося положения.

Такое обобщение случившегося становится реальным благодаря накоплению опыта самопознавательных исследований, логического анализа личностной структуры переживаний. Даже элементарный вопрос постороннего, предложенный ненароком, способен вызвать всплеск разносторонних и разнообразных отождествлений у отвечающего. К тому же, сам исследователь вместе с респондентом оказываются под влиянием данных различий. Ведь в идеале один человек для другого обязан быть не столько объектом действия, активности, сколько субъектом взаимопонимания.

Взаимопонимание формируется на фоне развития в отношениях диалогичности и толерантности. А толерантность как феномен из сферы социально-культурных ценностей обеспечивает интеграцию индивидов в контексте воспроизводимой дифференциации. Нуждается в напоминании тот факт, что дизъюнкция в социальном мире всегда относительна и этические правила поведения продолжают поддерживать в человеческом сознании идею мировоззренческой значимости “Другого” как опоры бытия для каждого “Я”. Несомненно, социальные взаимодействия существуют лишь в научных абстракциях, если игнорируется конкретность их проявлений. Подобием такой конкретики может стать микроуровень структуры общества, демонстрирующей специфику функционирования особенного среза отношений, в которых “удерживается” и индивидуальное, и общественное. Процесс идентификации, таким образом, поддерживается самим фактом наличия малой группы.

В круг действующих элементов идентификации входят также образцы, нормы, идеалы. Известно, что целью отождествления в рамках воссоздания “Я-концепции” выступают реальные люди или выдуманные герои, которые персонифицируют модель для подражания. Процесс отбора ее и характер восприятия индивидами себя и других кажутся определяющими для описания проективной ценностной системы респондентов, стереотипов поведения другого человека, становящегося значимым. Тем самым задан и социально-психологический аспект идентификационных практик.

Достаточно похожей оказывается описанная В.Ядовым схема последовательных этапов идентификации, при разработке которой уточнялась диспозиционная концепция регуляции поведения личности (1). Социальное окружение, измерения дистанций на уровне референтных групп или даже общностей детерминируют идентификацию. Ближайшее актуальное окружение, считает В.Ядов, способствует активизации у человека ситуативных предпосылок к социальному действию. Обобщение таких установок позволяет ориентироваться уже в типичных ситуациях при условии развития корпоративно-солидарного поведения. В свою очередь, идентификация с социальными совокупностями на уровне высших диспозиций личности, системы ценностей, идеалов, значимого в жизни формирует стратегию приобщения к массовому социальному движению. Последовательные операции соотношения себя с классом,

народом, нацией, страной в целом символизируют постепенное и поступательное усложнение идентификационных процессов.

Впрочем, стоит попытаться посмотреть на предмет анализа и в плане междисциплинарных показателей идентификации. Если гибкость методологической конструкции, созданной на основе поэтапных переходов идентификационных характеристик относительно двух условных (количественной и качественной) шкал, обеспечивается фиксацией психологической, социально-психологической и философской сети факторов, то целостность ее — принципом единого обобщения и константностью названных шкал. Пусть одна из них отражает количество индивидов, попавших в рефлексивное отождествление, а вторая шкала, с учетом методических реалий каждой из перечисленных выше дисциплин, — глубину информационного, качественного измерения итогов идентификации. Изображение такой фигуры, которая выглядит как перекрещивающиеся треугольники или большая буква X, схематически воссоздает абрис обеих шкал.

В таком символе начало (именно точка перекрещивания) условно фиксирует общепсихологический уровень идентификации, ступень “Я”. Чем больше людей в окружении “Я”, тем последовательнее осуществляется “переход” к социально-психологической сфере. Дальнейшее (конечно, не только арифметическое) изменение ракурса в плане “пространственных” показателей идентификации относительно исходного “Я” приведет к оперированию собственно социальными факторами, которые можно “переводить” в философскую плоскость отождествления. В последнем случае “Я”-маленькое превращается в “Я”-большое. Полная реконструкция такой наглядной фигуры происходит благодаря зеркальному отображению верхнего треугольника и расширению его в противоположном направлении.

Важное уточнение: анализ своеобразия отождествлений человека может начинаться, например, с психологического уровня, а финишировать философским и наоборот. Интересно, что античные мыслители почти в такой же форме “песочных часов” или пересечения треугольников видели символическую взаимосвязь микро- и макрокосмов, равнозначных, равновеликих, ориентированных на бесконечность познания, на соотношенность абстрактного и конкретного, человека и мироздания. Причем собственно макрокосмос в истории знания постепенно трансформировался в природное, божественное, социальное окружение.

Для предотвращения редукции необходимо из каждого последовательного ракурса исследования идентификации отобрать универсальные единицы, репрезентирующие все ступени определения — от общепсихологического до философского (или в обратном направлении, в зависимости от исходного пункта анализа). Правда, предложенная схема применима для изучения любых сложных конструкций социума. Но факторами именно идентификационных измерений служат более конкретные константы: надситуативный компонент (исследователь,

наблюдатель, искусственный источник рефлексии), малая группа и проективный образец.

Несколько слов о методологической дифференциации терминов “идентификация” и “самоидентификация”. Первое понятие по смыслу предполагает наличие второго, “вбирает” его сущность, ведь идентификация — феномен отождествления субъектом себя с образцом. Если учитывать весь комплекс действия идентификации, то есть и проективную модель, и механизм воспроизведения, и результат по сравнению с процессом, явным становится факт акцентирования термином “самоидентификация” только отдельных моментов в распознавании “Я” и “не-Я”.

При этом вероятным окажется эффект субъект-объектной действительности в целостном “Я” при условии развертки рефлексии. Самоидентификация предполагает активную регуляцию индивидуального познания. Дистанционные показатели влияния, конечно, также остаются важнейшими и определяющими, однако в рамках личностных экзистенций не акцентируются, абстрактно нивелируются. Яркий пример самоидентификации можно найти в работе С.Кьеркегора, посвященной переживанию человеком отчаяния и страха (7). Автор рассматривает три варианта формирования “Я-образа” в соответствии со свойствами природы. Это “Я” в неведении своей самости, “Я”, погруженное в отчаяние и не желающее быть собой. И “Я” с актуализированной потребностью превратить переживание (при попытке отыскать собственную, вечную сущность) в вызов. Интересный нюанс: С.Кьеркегор считает, что в двух последних случаях личность осознает свое “Я”, приближаясь к реальной объективации.

Уместно сравнить выделенные типы идентификационных конструкций с общепсихологическим различием отождествления формального и реального. В.Хессле, размышляя по поводу вопроса о кризисе индивидуальной и коллективной идентичностей, начинает анализ с уточнения онтологического статуса эмпирического объекта (8). Действительно, каждый предмет имеет формальную идентичность, которая при дифференциации и открытии подобия в живых организмах приобретает характеристики реальной. Возникает вопрос: как возможны более тонкие дефиниции, относящиеся к объектам идентификации и позволяющие, тем не менее, удержать в концептуальном пространстве и обобщенное, и конкретное?

Действительно, философия, с одной стороны, позволяет манипулировать абстракциями, осуществляющими надситуативные прорывы в идеальный план проблем типа “здесь и теперь”, к достижению результатов логического оперирования индивидом сравнительными системами и моделями. А с другой, предлагает общие теоретические схемы, возникающие на основании переработки, трансформации и накопления социальных знаний и опыта. Результатом достаточно сложных идентификационных механизмов, не столько чувственным, сколько мыслительным, является обобщенное “МЫ”. Для того чтобы

определить “СВОИХ” среди “ВСЕХ”, необходимо научиться переводить “Я” во множественное число вначале с помощью различения и синтеза по отношению к “ТЫ”. Однако “МЫ” — это не просто суммарный показатель отдельных частей целого. С. Франк подчеркивает в “МЫ” стойкую объемность и единство множественности (9).

Функционирование связей “Я — ТЫ — МЫ” (производных от “Я — Другой- ОНИ”) восходит к праистокам толерантного сосуществования несхожих индивидов, ищущих отождествления и настаивающих на отчуждении. Обращение к современной этологической теории, претендующей на обоснование причин не только поведения животных, но и социальных феноменов регуляции активности, позволит выяснить вероятные толкования известных правил жизнедеятельности. И хотя этологической теории присуща эклектичность в использовании фактов биосоциальной детерминации поведенческих актов, некоторые сентенции одного из знаменитых создателей направления Нобелевского лауреата К. Лоренца вызывают постоянный интерес. Кажется, всем известен евангельский завет о невозможности — в идеале — ответа “ударом на удар”. Оказывается, основанием такой модели поведения является древний инстинктивный комплекс действия, связанный с прекращением насилия (10). Однако декларация принципа терпимости, необходимости толерантно относиться к “не-Я” вообще останется только добрым пожеланием, если в конкретных ситуациях общения не преодолено часто возникающее рассогласование между предложенным идеалом и формой его объективации. Вот почему перспективы коррекции социального поведения людей всегда будут интересовать исследователей. Хотя конструктивность такой коррекции в плане воплощения ценностных ориентаций личности имеет смысл только в том случае, когда образец закрепляется в мировоззрении и формирует самосознание.

Проблемы поиска гармонии в социальных отношениях реальны и сложны, касаются ли они мирового масштаба или соседских встреч. Философское осознание значимости процесса постоянного соотношения в динамике позиций “Я” и “не-Я” обязано главенствовать и учитываться при разработке тактики, стратегии и политики неконфликтной коммуникации. И совсем не обязательно в данном контексте имеется в виду выбор групповых, межнациональных или индивидуальных направлений общения. Эмпирический путь к объективации образцов терпимости при идентификации раскрывает другой подход, когда субъект обобщает до уровня философии собственный жизненный опыт и даже поступковые ошибки, связанные с последствиями нарушений общечеловеческих норм. После “промысливания” таких ситуаций человек может попытаться осторожно использовать модель “гибких линий” поведения. Существование и развитие толерантности в целом (конструктивного содержания социально-психологического отождествления в диалектическом единстве с отчуждением) обеспечивают мир и согласие, блокируют порыв к враждебному реагированию на чужих и посторонних.

Как известно, ситуация обострения крайностей во взаимоотношениях требует коррекции позиций субъектов в плане их перспектив, касающихся нивелирования конфликта. Толерантное поведение позволяет не доводить естественно возникающие и существующие в норме противоречия до коллизии. И хотя социальные катастрофы, войны неизбежны, терпимость необходима. Уместно в этом контексте вспомнить, например, национально-освободительное движение индийского народа против колониализма, уникальный вклад М.Ганди, Дж.Неру и других философов и политических деятелей в разработку искусства компромисса, в интерпретацию своеобразия ограничений в использовании ахимсы и т.д.

Идентификация, как и толерантность, хотя бы “первичная”, на уровне допущения различий, но равноправия визави стимулируется процессом раскрытия в “ДРУГОМ” особенностей партнера. Идея “значимого человеческого поведения”, формирующегося на сравнении поведенческих позиций субъектов, объединенных общей целью, уточняется в концепции “социального действия” М.Вебера (11). Достаточно справедливым кажется его призыв к социологам с предложением не пугаться элементов интерпретации, разъяснения индивидуальных аспектов поступков отдельных личностей в их сравнении с поступками окружающих.

Не требует излишних доказательств тот известный факт, что в повседневной жизни придерживаться канонов социального терпения тяжело. Особенно, если оно не является частью мировоззренческих представлений. К тому же, нетолерантность сопровождает кризисные явления экономического и политического характера.

Идентификационные механизмы в истории человеческих общностей кодируются составляющими дизъюнктивных и конъюнктивных процессов. Вероятно, “Другой” или “другие ОНИ” должны были бы выступать исключительно в качестве конкурентов для “Я” в борьбе за выживание, возможность реализовать первичные потребности организма. Однако даже в мире животных наиболее сильный инстинктивно придерживается правила на прекращение схватки, если противник, проигрывая, открывает, так же инстинктивно, биологически незащищенное, доступное для нападения место на теле (10).

А теперь обратимся к социальному миру, где дизъюнкция в рамках собственно человеческой природы должна анализироваться с учетом эффектов разделения труда. Именно они готовят пропасть и разъединяют судьбы (12). Хотя известно также, что базовые отношения отдельной личности касаются в целом трех систем: мира вещей, мира людей и мира “Я”. Доказано, что рост ценности вещей обычно обесценивает идеи (13). Но остаются ли при этом социально и психологически сформированная сущность мира “Я” и рефлексивная реконструкция идентификации неизменными?

Сложный и разрушительный процесс отчуждения труда и его продукта приводит к нивелировке родовой жизни человека, когда отделение своего “Я” и чужого толкает личность к отрицанию других и самоотрицанию.

В не очень-то популярных прежде, а нынче и вовсе забытых "Экономическо-философских рукописях 1844 года" К.Маркс мастерски проиллюстрировал таким образом коллизию между производителем и не-производителем.

Диалектика настаивает: дизъюнктивные тенденции в социуме относительны, а крайности существуют только во времена кризиса. Поэтому, подчеркивал Ф.Энгельс в знаменитых письмах к К.Шмидту и П.Лаврову, абсолютизация одного взгляда или позиции обманчива (14), историческая "борьба всех против всех" вряд ли бывает непримиримой (15).

Воссоздание подобной относительности удерживает не только экономический аспект рассмотрения идентификации. П.Сорокин, например, доводит до общетеоретического канона определение результатов взаимодействия между отождествлением и отчуждением. Внутригрупповой конфликт, в частности, явление не столь уж распространенное. Ведь если считать иначе, то трудно понять процесс постепенного, но реального примирения социальных слоев (16). К тому же, взгляд на социальную ситуацию, когда кажется, что все воюют против всех, меняя направление агрессии и позицию, не отвечает действительности. Объективное свидетельство подтверждает антитезис. Продолжительное существование человека на земле было бы невозможно, если бы деструктивные отношения и тенденции были всеобщими. Только с прекращением функционирования последней диады "Я" и "не-Я" вероятность объективации ценностных перспектив исчерпывает себя.

И в то же время проблемность закрепления толерантности в повседневной жизни — не находка современности. Противоречия между идеалом терпения и реальной стратегией поведения вечны, как мир. Они остаются в отношениях людей независимо от того, какая форма религии или идеологии господствует. Как известно, достаточно суровая кастовая идентификация регламентировала образ жизни (даже в потустороннем мире) в индийском обществе, где философия толерантности называлась, тем не менее, высокой мудростью. Церковь не отреклась от гуманизма, благословляя крестовые походы. Пробудившийся в эпоху Возрождения интерес к человеку сопутствовал нетерпимости к еретикам. И хотя масоны провозглашали равноправие, в среде членов Ордена, как правило, принимавших в различные эпохи участие в военных и революционных походах и движениях, папифизм, по-видимому, не доминировал. Очевидно, рассогласование между вербальным принятием ценности и объективным поведением оказывается обычным вариантом решения сложных этических задач и предполагает смирение.

Идентификация — специфический механизм возникновения и закрепления толерантности как активного восприятия характеристик социального мира. Терпения и поддерживающего его внутреннего усилия иногда бывает необходимо больше, как справедливо замечает П.Сорокин (16), чем допускается внешним действием.

Своеобразным синонимом толерантности выступает любовь.

И толерантность, и любовь предусматривают функционирование идентификации, в свою очередь наполняющей содержанием за счет их развития. Отождествлению и отчуждению присущ элемент рефлексии, связанный у “Я” с определением “СВОИХ” и “ПОСТОРОННИХ”. Именно любовь и терпение фиксируют равновесие крайностей эгоизма и альтруизма, в основе которых также находится идентификация. Эти категории в междисциплинарной плоскости создают тончайшие узоры зависимостей между составляющими человеческих отношений.

Преимущественно к социологическому обобщению приходит, например, В.Соловьев в произведении, посвященном феномену любви, когда перспективы исторического процесса анализирует при помощи воссоздания оснований фактически социальной идентификации. Действительно, процесс трансформации и разрушения ложных или несовершенных конструкций человеческих союзов достигает апогея только при наличии исходного личностного выявления права для “не-Я” быть значимым (17). И в этом абсолютный смысл любви.

Идентификация приобретает значимость самодостаточности как ценности в процессе раскрытия глобальных закономерностей построения общества с уточняющим влиянием баланса присутствующих “Я” и “не-Я”. Н.Федоров, в частности, констатирует, что ориентация на знание только себя в этом мире есть социальное зло, точно так же и другая крайность, связанная с выделением только других, есть псевдодобродетель. В контексте поиска “золотой середины” (в рамках осмысления различных стратегий поведения) правило жить “не для себя и не для других, а всеми и для всех” (18, с.153) можно оценивать, естественно, как крайне романтическое, но и достаточно мудрое, более того – великое. Именно так понимал закон любви к ближнему С.Франк, когда писал, что даже интуитивное восприятие своеобразного “не-Я” как тождественного для “Я” существа, с участью которого неразрывна их общая судьба, существа, вызывающего сочувственное сопереживание, – истинная, незыблемая и вечная основа формирования любого общества (18).

Насколько непреодолимой выглядит пропасть между позициями людей в плане воссоздания экономических и этических подходов? Фактически противопоставляет принцип любви и ориентацию на улучшение материального благополучия классов и наций на пути к объединению и согласию П.Тейяр де Шарден. Именно в близости он видит всеобщее чувство, возрождающее эффект “персонализации” в тотальности общества и нивелирующее “антиперсоналистский” комплекс, парализующий человека (19).

Представители “религиозно-космического” направления были, как известно, последователями феноменологической методологии в определении отождествления “Я” и “не-Я”. Однако в ракурсе иных подходов и доктрин, например в социально-этических представлениях А.Шопенгауэра, также присутствует описание идентификации в развитии ... сопереживания. Предусмотрительность и снисходительность

интерпретируются А.Шопенгауэром в контексте принципов реагирования на любого “ДРУГОГО” (23). Соблюдение элементарных правил поведения и следование общепринятым канонам построения межличностного общения считаются необходимыми условиями, благодаря которым человек избегает убытков и потерь, споров и ссор. А.Шопенгауэр предлагает учиться принимать “ДРУГОГО” таким, каким он есть, а для более полного понимания его личностных особенностей и целостного статуса рекомендует рассматривать комплекс характеристик, включающий и индивидуальные свойства, и собственно социальные характеристики, например должность, национальность, семейное положение.

Еще одним специфическим вариантом идентификационных правил может считаться феномен тактичности. Как уточнял Г.Зиммель, возникает она исключительно в процессе ограничения личностью своих порывов там, где этого требуют права окружающих (20). К слову, Дж.Тернер, например, назвал Г.Зиммеля первым европейским социологом, обратившимся к проблематике реального взаимодействия людей (21), хотя более известны в этом плане разработки Дж.Мида и других представителей интеракционистского направления. Наличие у индивидов способности с помощью фантазии “репетировать” и таким образом отбирать адекватные ситуативному контексту модели поведения характеризует микроуровневый пласт социальной структуры. Она же, согласно Дж.Миду, определяет наличие группового постоянства и стабильности при построении общественных связей. Г.Блумер попытался разъяснить феномен интерпретации в процессе придания значения поступкам субъектов, участвующих в групповом действии (22). Причем вариант неадекватной интерпретации может привести к развитию конфликта.

Конфликтность в отношениях как тема исследований находится в центре внимания социологов приблизительно с конца XIX столетия. Однако еще издавна существовали интенции сводить социальное к особенностям психологического вообще в контексте поисков факторов конфликта. Идентификация общественного объединялась с фрагментами теоретического видения составляющих духовного. Интересно, что у Платона, например, социальное отождествление или поиск отличий были подчинены выделению профессиональных и сословных показателей с параллельным вероятностным копированием отдельных частей души. При этом “разумные” слои населения, элита, уподоблялись философам, которые (в идеале) должны были править и сдерживать “натуральность” человеческого естества.

Собственно социальный контроль осуществляет нормативное регулирование в группах, организациях, обществе в целом. В процессе социализации, когда индивиды усваивают правила допустимого поведения, он регламентирует основания субъект-субъектных отношений. Причем, вероятно, субъектами идентификации являются не только конкретные люди, но и общности. XVII век оставил человечеству

в наследство творческие разработки Г.Гроция, С.Пуфендорфа и великолепного Г.Лейбница, которые в предложенных вариантах кодексов международного права акцентировали необходимость актуализации терпимости, мудрости и взаимопонимания — общеизвестных, но редко используемых способов мирного сосуществования.

Скорее всего, идентификация объективируется и тогда, когда требование соблюдать толерантность приостанавливается, хотя и тогда терпимость присутствует на уровне первичного размежевания в социальном пространстве “ВСЕХ” и выделения чужаков с дальнейшим игнорированием их, агрессивностью по отношению к ним и т.д. В этом парадоксальности сочетания в идентификации социально-психологических установок с толерантным смыслом, даже если толерантность как ценность не закрепляется. Важно помнить: прежде чем обесценить, нужно допустить. Допустить возможность проявления дистанцированности чужого, своеобразного, но реального. Вопрос о благосклонности к нему возникает потом, в связи с решением проблемы — терпеть потому, что существует, или потому, что не такой, как “Я”? Потому, что “не-Я”? Но возможно ли “Я” без “не-Я”?

Логику подобных вопросов хотелось бы проиллюстрировать на примере размышлений в духе неофрейдизма и социально-культурного психоанализа. Вообще-то, во-первых, вряд ли современная наука способна безапелляционно доказать врожденность или приобретенность альтруистических задатков у человека. Во-вторых, иллюстрация, которая позволяет не углубляться в разнообразные трактовки невротических конфликтов или причин девиантного поведения, обращает внимание именно на идентификационный аспект конкуренции, например, как специфической формы социальной активности. К.Хорни, в частности, отождествляет весь спектр отношений индивидов с соперничеством: в экономической сфере, в семье, в общении с близкими (24). Однако “базовому страху” конкуренции противопоставляется, согласно той же концепции, вечное желание человеческого существа обрести безопасность и любовь.

Собственно гуманистическое направление в психологии, представленное Г.Олпортом, А.Маслоу, Ш.Бюлер и другими исследователями, с позиций воссоздания экзистенциальности личности подтверждает наличие первичной потребности у человека отдать и принять доброту и моральность (25). Преодоление жизненных барьеров в любви ради любви демонстрирует именно идентификация, объединяя в своих поисках философские, социальные и психологические основания. Интересно, необходимо ли преодоление барьеров для достижения ситуации отчуждения?

§2. Идентификационные механизмы на микроуровне социума

Анализ проблем, репрезентирующих динамику развития и

существования человеческих отношений, требует междисциплинарного подхода с позиций этики, социологии и психологии. Сложно с этим не согласиться. И тем не менее, имеют право на существование авторские поправки, касающиеся отдельных акцентов в рамках выделенной позиции. Так, настаивает на объединении этической и социально-психологической тематики, в частности, В.Шердаков (26), размышляет об уточнении рамок собственно социологической парадигмы в междисциплинарной плоскости В.Ядов(1), предлагает назвать углубленную конвергенцию конкретных наук “социологической социальной психологией” М.Кон (27).

Вероятно, реконструировать все методологические и методические нюансы при внедрении междисциплинарности невозможно. Однако условно отмеченные ступени обобщения позволяют присмотреться к основному в развитии идентификационных механизмов. Философский уровень анализа кажется слишком абстрактным для того, чтобы проследить, как и где (в плане влияния социальной среды) происходят отождествления или отчуждения.

Функционирование макро- и микромиров в аспекте уточнения принципиальных методологических детерминант общечеловеческого и индивидуального поведения – тема извечных поисков, тесно связанных с исследованиями социальной стратификации. И хотя античные ученые выделяли, как правило, универсальные явления философско-социального и психологического характера (28), современная социология до сих пор пристально анализирует феномены социальной структуризации в контексте изменений и взаимовлияния факторов, отражающих специфику макро- и микроуровней группообразования.

Сначала искали центральную ячейку, “социальный атом”. Логично было бы, наверное, вслед за Г.Зиммелем и Дж.Морено объяснить сперва закономерности функционирования контактов индивида с его окружением. При этом, конечно, важно помнить о принципиальной невозможности сведения социального целого к воспроизведению алгебраического суммирования количества присутствующих. Общество, как известно, является совокупностью исторических, обусловленных диалектикой развития отношений. Необходимое уточнение делает П.Сорокин, подчеркивая: даже миллион изолированных людей не моделируют общества, поскольку они не будут влиять друг на друга (16). Идентификация по критерию принадлежности к единой общности требует наличия именно действующих контактов. Хотя, несомненно, опосредованность межличностных связей кардинально отличается на макро- и микроуровнях социального устройства.

Теоретическое сравнение высказываний представителей различных исследовательских течений, например С.Франка и Т.Ньюкома, об основах социальной организации любой степени сложности и перспективах ее формирования удивляет. Оказывается, речь идет об одном и том же. Согласие остается крайне необходимым условием нормального существования общества. И С.Франк (9), и Т.Ньюком

(29), в частности, определяют фактически тождественный результату идентификации фундамент для построения человеческого общежития. Причем степень достижения любви к ближнему или собственно согласия, равнозначно важных, оценивается достаточно адекватно по признакам реального проявления, однако вне показателей интенсивности. Вероятно, наличие согласия как такового в данном случае нивелирует динамичность его объективации.

И согласие, и любовь – во всех ракурсах обобщения – являются синонимами толерантности. В современной западной социологии терпимость традиционно (30) анализируется в исследованиях региональной дифференциации и миграции (Дж.Рид; С.Тач), касающихся социальной правомерности euthanasia и prohibition (М.Абрахамсон и В.Картер); возможностей существования и реализации доктрин расизма, милитаризма, коммунизма (Т.Вильсон); неконформности религиозной, политической (Л.Смит и К.Петерсон) и сексуальной (Г.Стефан и Д.Мак-Маллин).

Известно, что толерантность на биопсихологическом уровне приобретает элементарную форму адаптации индивидов к окружающей среде за счет ослабления реагирования на раздражители, способные вызвать фрустрацию (5). Обзор отечественной литературы, посвященной рассмотрению влияния этико-культурных ценностей на сознание человека, подтвердил, к сожалению, следующий вывод: категория толерантности употребляется только в контексте авторских размышлений о природе сопутствующих или каких-либо иных социальных феноменов. Иногда явление терпимости констатируется опосредованно, с помощью дефиниций-синонимов, или операционально.

Особенности ситуации исследования условий формирования толерантности в контексте осмысленных и значимых социальных взаимодействий можно объяснить некоторыми обстоятельствами. Во-первых, до недавнего времени ценность толерантности в контексте ортодоксальной марксистской социологии фактически не обосновывалась. Во-вторых, даже признание важности толерантности как универсального фундамента для построения контактов различной формы, от межличностных до межгосударственных, не подкреплялось всесторонним изучением содержания понятия в комплексе объективных и субъективных переменных. В качестве примера, фиксирующего состояние разработанности проблематики в рамках отечественной науки, можно сослаться на уникальные исследования “социальной патологии” в современном украинском обществе (31). Знакомство с данным источником сопровождалось размышлением о том, что авторский вариант трактовки феномена толерантности в приведенном контексте мог бы претендовать на роль первооткрывателя особенностей терпимого отношения ко всем “не-Я” с учетом социально-демографических, национальных и региональных факторов детерминации. Однако, к сожалению, толерантность в этой публикации интерпретируется достаточно своеобразно, в рамках изложения совершенно иной тематики.

И, к тому же, авторы используют категорию терпимости скорее для демонстрации противоположного явления.

В социологической литературе макрозависимости обычно исчерпывают проблематику идентификации. Но, как известно, наличие четких границ между различными направлениями или сферами социального знания — редкость. В зарубежной социологии изучение взаимосвязей макро- и микроопосредования социальной стратификации в целом уравновешено, в отличие от доминирующих тенденций в отечественных источниках. Поэтому видится необходимым принципиальный пересмотр и корректировка традиционного подхода, например, к выделению малых групп как второстепенных по значимости социальных элементов. Правда, функции и роль этих образований никогда не отрицались, однако базовыми на пути поиска изначального уровня социальной структуры считались исключительно макрзакономерности.

В зарубежной социологии и социальной психологии логично соотносятся, в частности, *self-perception* или *self-evaluation* (в единой тематике) с национальными, этническими и расовыми показателями. А классовая идентификация не совпадает с принятыми в рамках классического отечественного обществознания трактовками. К тому же, адекватное объединение микро- и макрофеноменов в контексте отождествления или отчуждения кажется перспективным благодаря введению понятия социального статуса.

Г. Лонг предлагает, ссылаясь на разработки Ансельма Штраусса, представить потрясающий процесс трансформации социальной структуры в “Я-концепциях” (32). В ракурсе сравнения *organization* и *identify* последняя категория, способствуя приближению к определению личностных атрибутов индивидуального бытия в единстве с различными пластами историко-социального развития американского общества, позволяет уточнить именно нюансы статуса. В приведенном источнике использовались биографии... из некрологов за 1856-1972 годы. Предметом исследования стали составляющие содержания реплик, характеристик, направлений человеческой активности, с одной стороны, а с другой — культура, манера повествования и описания, формулировки конкретных портретных зарисовок, которые позволили обобщить отражение динамики структуризации социального в индивидуальном цикле жизни человека. Более того, частные интересы, привычки, даже слабости и недостатки, кажется, оживили атрибуты организации — членство, позиции, удостоверения, сертификаты способностей, долги, обязанности, работу.

Н.Дентон и Д.Мессей очертили, для воссоздания варианта *social identify*, модели поведения и эффекты статуса представителей национальных меньшинств на примере жизни карибских испанцев (33). Акцент на социально-психологическом факторе на фоне собственно социологических конструкций помог также М.Хаджес и Д.Демо открыть в подробностях соотношение выделенных показателей в занимаемой чернокожими американцами социальной нише существования (34).

Оказалось, что уважение к себе значительно влияет на макросоциальные контакты в общине, среди родственников и друзей. Причем высокий потенциал такой зависимости не деформировался наличием низкого социального статуса респондентов. А вот переменные личностной активности связывались с этим статусом, воссоздавая макросоциальную систему неравенства.

Р.делла Фейв усложняет схему анализа self-evaluation за счет введения категории легитимности, используемой для констатации объединения феноменов социальной стратификации и стратификации “Я-установок” (35). Достаточно вспомнить классические традиции стратификационной теории вообще в рамках функционалистского подхода (Т.Парсонс, С.Келлер, К.Девис), теории круговорота элит (В.Парето, Р.Дарендорф) и радикального конфликта (К.Маркс, Ю.Хабермас), чтобы допустить осуществление перехода ориентаций макроструктуры общества в индивидуальное сознание. К тому же, понятие легитимности как формы контроля, считает Р.делла Фейв, можно применять для уточнения особенностей и режима власти, и статусной иерархии, и “Я-системы”.

В упомянутых подходах отсутствуют конкретные модели идентификации, но предпринимается попытка приблизиться к их определению с помощью “удержания” факторов Я-стороны. Недостаточность конкретики ликвидируют образцы процессов классового отождествления или отчуждения. Конечно, в данном случае речь идет не об идеологических канонах выделения рабочих, крестьян и “прослойки”. Анализируется отдельная шкала с разрядами. И.Симпсон, Д.Старк и Р.Джексон, например, указывают на функционирование gender-моделей классовой идентификации (36). В рамках исследования используются критерии специфичности приобщения к семейной жизни и труду мужчин и женщин. Классовая идентификация, по мнению авторов разработки, прогнозируется с помощью отыскания оснований, связанных у мужчин с типом труда и позицией в иерархии контроля (supervisory), а у женщин — с условиями самозанятости, выбором популярных среди представительниц прекрасного пола профессий и участием в различных по уставу объединениях.

Конечно, и в предложенных выше вариантах идентификации проявляются отдельные черты социального статуса, откорректированного принадлежности к конкретной половине человечества. Симпсон и ее коллеги уточняют: если иметь в виду традиционные подходы к измерению идентификационных механизмов, то для мужчин они зафиксируются при анализе традиционных показателей — переменных контроля и власти при описании характеристик рабочего места, а также дохода, квалификации и уровня образования. В случае изучения идентификаций женского пола необходимо выяснить фактор замужества и детерминированность личностного социоэкономического статуса, складывающегося под воздействием влияния положения мужа в обществе.

В традиционных теориях класса как такового ни К.Маркс, ни

М.Вебер фактически не рассматривали особенности включенности “дамской” позиции в экономическую сферу. А.Гидденс и Ф.Паркин исправили такую несправедливость введением статуса неработающих, к примеру женщин, в социальную структуру. Об этом факте напоминают Н.Девис и Р.Робинсон, предлагая три собственные модели классовой идентификации женатых мужчин и замужних дам (37). Рассмотрение “независимой” модели предоставляет возможность охарактеризовать некоторую принципиальную самостоятельность каждого из семейной пары. “Долевой” вариант определяет равный статусный вклад мужа и жены. А “заимствованный” указывает на ... статусную однородность в диаде.

Таким образом, уточнение особенностей идентификации уместно продолжить на уровне анализа отношений в малой группе, ведь семья является подобным микроуровневым срезом в структуре общества. Различные микросоциологические конструкции могут выступать в качестве своеобразных аналогий макросоциальных систем. Определяющими характеристиками малых групп традиционно считают относительную непосредственность контактов между индивидами в условной замкнутости пространства и незначительное количество участвующих в мероприятиях, связанных с достижением общей цели. В марксистски ориентированной социологии роль малых групп в общественном структурировании фактически не отрицалась, однако всячески игнорировалась. Ведь основополагающими назывались все-таки отношения между классами. Тем не менее в многочисленных социологических и социально-психологических обзорах, посвященных микроуровневым образованиям, подробно освещались проблемы, отражающие неоднозначность в толковании специфики малых групп. Предлагались разнообразные подходы к разработкам классификаций и математическим расчетам социометрических процедур (см., например, 38, 39, 40, 41, 42, 43).

Анализ своеобразия микроуровня структуры общества позволяет изучить возможности влияния социальных факторов на идентификацию, поскольку именно в малых группах, как справедливо замечает Миллз, в миниатюре представлены важнейшие социетальные черты, в том числе: разделение труда, система этической символики, феномены обмена, иерархия престижа, методы управления (44). Если расширить толкование субъект-субъектного общения в границах малых групп за счет введения функционирующих социальных стереотипов, ценностных образцов, моделей для поступкового подражания и т.д., идентификационный механизм наполнится действенной межличностной конкретикой. А отождествление и отчуждение сопровождают выделение подобия или различий в понимании существования отношений как таковых. “Иной” будет присутствовать в любом ракурсе идентификационного процесса, на перекрестке ориентаций к “своим” или “чужим”, поскольку первичная дифференциация оказывается исходным звеном в многомерности принятия окружающих.

Значимое человеческое поведение, согласно М.Веберу, объективировано ситуативным сопоставлением субъектом своих намерений с позицией другого субъекта (11). В схеме исследования тенденций к “Я” и от “Я” появляются вариативные полюса в дихотомии социального направления в сторону “эгоизма” или “альтруизма”, которые задают содержательные и оценочные параметры в проблематике идентификации.

Моральный контекст отождествления или отчуждения задается уровнем репрезентации толерантности. На уровне возможностей сравнивать “Я” и “не-Я” в целом механизмы терпимости и собственно идентификации совпадают. Вернее, процессуальная сторона соотношения “внутреннего” и “внешнего” миров для первичного анализа инаковости и противоположности “других” для “Я” не отличается принципиально. Для того чтобы идентификация стала возможной, необходим хотя бы “момент” толерантности как допущения самости объекта сравнения. Процесс придания ему значения будет разворачиваться параллельно реализации потребностей субъекта распознавания. Развитие идентификации в дальнейшем проходит с фиксацией (в идеале) партнера уже в качестве субъекта. Принятие визави отделенным, самостоятельным в выборе и активным, со своими особенностями определяет эволюцию толерантности. Ее феномен символизирует “точку” уравнивания, диалектического перехода от отчуждения к отождествлению. Результат такого “усреднения” ориентаций в сторону “Я” и “не-Я”, социальные установки и социальная среда раскроют закономерности этого явления с помощью оттеснения крайностей эгоизма и альтруизма. Система факторов идентификации оказывается условной и относительной, однако, тем не менее, реальной за счет наполнения ситуативной конкретикой. Толерантность не только опосредует приведенные противоположности, но и является индикатором каждой из них, хотя, на первый взгляд, это кажется странным. И все же, существование терпимости обуславливает исправление исчерпаемости и ограничений в крайностях эгоизма или альтруизма. Рассмотрим классический и достаточно древний пример.

Еще в Старом и Новом заветах христианство, как известно, пыталось регламентировать социальное поведение людей. Конечно, альтруистические каноны преобладали, например, в знаменитом призыве любить врагов своих. Однако эффект прощения других имел и “обратную” сторону: давал возможность прощения от других. Комментируя такую двойственность, П.Сорокин приветствовал принцип активной толерантности в отличие от недейственности и пассивности (16).

Наиболее удачно альтруизм рассматривается в контексте анализа специфичности восприятия интересов других людей, когда эти интересы оказываются для “Я” целью поведения (50). Хотя, конечно, во внешних формах поступкового рисунка могут быть сконцентрированы самые разные личностные смыслы как причины демонстрации альтруизма. Спектр мотиваций и их иерархия — многовариантны и при подчеркивании эгоистичности, которую не следует путать с эгоцентризмом. Эгоизм характеризуется преобладанием в моделировании поведения интересов

“Я” (индивидуального или группового субъекта), первичностью именно этих перспектив по сравнению с перспективами окружающих. Крайности альтруизма способствуют развитию конформности, нивелировке собственного достоинства, гордости, самости. Индивидуалистичность гарантирована расцветом эгоизма. Подходы к оцениванию социальной роли данных феноменов весьма разнообразны. Р.Мертон, например, считает конформность условием сохранения стабильности в обществе (45), а В.Франкл призывает к открытию иммунитета против конформизма и тоталитарности (6). Причем данное зло, согласно В.Франклу, есть болезненным следствием “экзистенциального вакуума”.

Парадокс терпимости связан с одномоментностью “удержания” крайностей, опосредованием и прекращением расхождения. Однако толерантность не превращает нечто в ничто, а отражает в ситуативной фиксации одновременно и одномоментно и негативность, и позитивность события или оценивания.

В тоталитарном обществе доминирует индивидуальный конформизм в практиках социальной идентификации. Но обезличенность становится своеобразным “перевертышем”, когда альтруизм лишен естественных свойств и фактически прикрывает... эгоизм отдельной группы, организации, человека. В обществе, где открыто доминируют эгоистические приоритеты, собственно индивидуализация потребностей теряет смысл. Ведь повсеместно ширится опасение отстать от “неповторимых” других, лишиться таким образом общепринятого стандарта “быть особенным” в жизнедеятельности. Аналогичные закономерности отмечает Б.Портянкин, сравнивая достаточно сильные в индивидуалистических обществах тенденции коммуитаризма (46). Более того, было установлено, что вследствие грандиозных социальных преобразований любой политической режим, построенный на принципах коммуитаризма, оставаясь в сущности своей индивидуалистическим, как правило, изменяется, принимая плюралистические ориентации. Тогда и оказывается совершенно пустым принципиальное противопоставление индивидуалистического Запада и коммунистического Востока. Такой вывод – дополнительное косвенное доказательство в пользу необходимости переходить в анализе идентификации на микроуровень социальной структуры. К тому же, выбор мотиваций в приведенных поведенческих тенденциях детерминирован культурно-историческими условиями и объективирован в ракурсе личностных альтернатив, а рамки групповых форм нормативности закрепляют этот выбор.

Сужение эмоциональной сферы симпатии как важнейшего основания для идентификационных преобразований в различных вариантах “социальной связи”, ограничение взаимодействия людей исключительно кругом своих сторонников – вот те причины, которые совершенно справедливо А.Звоницкая назвала показателями деградации обычаев и нравов (73). Данная сентенция фиксирует закономерности определенного регресса отношений, возможного в любую эпоху. И хотя А.Звоницкая сводила всю социальную систему к уровню фактического

общения индивидов, она предлагала конкретный выход из положения кризиса нравов: индивиды должны восстановить акценты подобия среди враждующих сторон.

Глубинные механизмы такого восстановления (а иногда собственно построения) достаточно сложны и многоплановы. Ведь речь идет об осознании специфики отношений и реконструкции подобия (но не безусловного тождества) при попытке примирить крайности позиций. Следует также говорить не только про осознание, но и про переоценку перспектив. Переосмысление и переоценка содержания событий и особенностей индивидуальных позиций в проблемно-конфликтной ситуации определяют в целом действие и характер функционирования рефлексии (67). Конечно, осмысление и переосмысление, оценка и переоценивание – различные этапы и аспекты единого процесса.

Рефлексия универсальна. Приближаясь к самоидентификации, она отражает и элементы толерантности, и круг как бытового, так и философского (мировоззренческого) видения действительности. В варианте общежитейского уровня – это идентификация, не выходящая за границы непосредственной связи. Это, как считает С.Рубинштейн, специфическая сфера жизнедеятельности, находящаяся вне поиска человеком смыслообразования (47). Только навык постоянной актуализации рефлексии гарантирует качественно другое “философское” измерение существования, сугубо человеческое. Идентификация человека с конкретным типом жизнеописания и углубление самопознания означают наличие рефлексии. А выбор варианта жизненной модели – это выбор ориентации и образца ценностной системы, как и попытка объективации данных феноменов в действительности, в отношениях с другими людьми.

Разрабатывая для себя стратегию поведения, используют, как правило неосознанно, распространенные социальные стереотипы и эффекты восприятия человеческого окружения. Причем специфику такого запаса схем-трактовок социальных событий и поступков обеспечивают нормы и образцы группового уровня, страты, общества в целом. Прежде всего такие образцы отражают наличие отобранных и заведомо удачных способов, конструктивных моделей общения и разрешения стандартных проблем, связанных с вариантами выхода из конфликтов или правилами недопущения подобных ситуаций. Стереотипы кодируют составляющие социального опыта, системы распоряджений, регламентирующих выделенные, принятые формы этикета. Важнейшими функциями актуальных схем-трактовок поведения являются предвидение и предупреждение конкретных поступковых проявлений, регуляция в целом социальных взаимоотношений. Однако всегда следует помнить как минимум о двойственности стереотипов (48, 49). Негативная сторона внедрения определенных клише в социальную перцепцию – фундамент для всевозможных ошибок и крайностей в оценивании, в отношениях вообще. Таким образом, подобные схемы-трактовок могут деформировать процесс идентификации.

Анализ источников возникновения стереотипов подтверждает факт влияния специфических социальных ролей, выступающих некоторым основанием дифференциации субъектов в обществе. Роли опосредованы многочисленными социально-экономическими, общекультурными и социально-психологическими обстоятельствами. В частности, среди последних — составляющие межгруппового взаимодействия и сугубо межличностного восприятия. И тот, и другой аспекты микроуровневого движения в социальной структуре корректируют стереотипные явления (50, 51). И конечно же, запасы схем-трактовок, необходимых для оценивания содержания социальных контактов, усиленно пополняются средствами массовой коммуникации.

Согласно материалам эмпирических исследований, бытовое видение и интерпретация отношений к “иным” основываются на прямых и косвенных формах интеракции. Э.Игли и М.Кайт, например, отмечают опосредованность суждений населения об особенностях зарубежных наций. Оказывается основными детерминантами формирования общественного мнения служат функции культурного обмена, ситуация наличия или отсутствия войны, а также уровень развития торговли с объектом оценивания (50). При этом в системе разнообразных факторов, способствующих вычленению критериев для обоснования процесса идентификации, безусловно доминируют газеты и телевидение. Многомерный поток информации сопутствует эффектам совокупной мотивации среди членов отдельных социальных групп и обнажает требования конкретного образца морали, реконструирующего стиль жизни в данном обществе.

Последовательность традиций, в том числе и навыков оценивания “не-Я”, обеспечивается, как известно, системой социальных институтов, достаточно сложной и разносторонней. Сознательное ограничение рассмотрения его только перспективой социально-культурных институтов уже позволяет проследить ряд закономерностей, касающихся их вклада в идентификацию. В этой связи логично было бы вспомнить о классических работах П.Лазарфельда, Х.Годэ, Б.Берельсона, раскрывающих своеобразие размежевания, расслоения потока информации в сознании воспринимающей аудитории. Данные исследования привлекли внимание к традиционным приемам, которые используются людьми, ориентированными на передачу определенного объема сообщений. Выяснилось, что на уровне вторичного пересказывания фактически всегда существует когорта “переводчиков” информации. Они-то, прежде всего, и обосновывают общую позицию и взгляды в рамках группы остальных реципиентов. Наличие такого звена — еще одно доказательство необходимости учета многоракурсности при изучении идентификации, специфики трактовки социальных ценностей в пространстве малой группы.

Действительно, малая группа — целая система с разноаспектными межличностными “внутренними” отношениями. Ю.Андреев, например, констатирует безусловную социальность общения, его конкретно-

историческое содержание (53), поскольку уровень образования, мировоззрение, нормативность – все, чем руководствуются субъекты при взаимодействии, социальны. С другой стороны, даже контакт “лицом к лицу” детерминирован соотношением уровня воспитания общающихся, личностным опытом, дифференцирующими показателями индивидуально-психологических портретов. Поэтому, вероятно, всегда следует делать качественное уточнение, если в контексте выявления различий между малыми и большими группами фигурирует понятие “непосредственность”. Для того чтобы избежать редукции, требуется, скорее всего, выяснить особенности функционирования малой группы как модели, не тождественной обществу в целом, но такой, которая в “снятом” виде имеет определенные черты макроструктуры.

Малая группа – очень “удобное” звено для исследовательских намерений проследить восхождение к макроорганизации и обратно к уровню проблем личности. Установить динамику корректировки ценностных образцов в контексте идентификации логично за счет детализации мотивов статусного оценивания, реализуемого в общении. В связи с многомерным и неоднозначным, неодномоментным и динамичным процессом осмысления и осознания всей поступковой схемы, требуемой для адекватного воспроизведения и построения стратегии поведения, наблюдается неполная объективация замысла и только частичное вынесение вовне констатаций, касающихся сопоставления различных позиций партнеров. Поэтому принципиальным оказывается целостное воссоздание прямых и косвенных доказательств наличия идентификации в конкретной ситуации контакта.

Ценностные образцы не всегда будут совпадать в картине пересекающихся потоков моделирования норм на макро- и микроуровнях опосредования. Скорее речь идет об элементарном расхождении между вербальной декларацией (“так должно быть”) и собственно поступковым принятием морали (“а вот так есть”). Существуют и другие ракурсы зависимостей, иные параллели. Например, гражданский мир не будет обеспечен как таковой, если в простейших структурах социального образования окажется доминирующим образец конфликта: этнического, группового или семейного. Хотя и конфликт, и согласие считаются диалектически связанными в процессе закономерного развития общества, все же именно толерантность в качестве составляющей и определяющей идентификационного механизма координирует априори противоположные позиции.

Традиционные попытки интеракционистов поместить социальность в рамки психологического и строить новую общественную систему на основании симпатии и т.д. содержали, несомненно, рациональное зерно, а конкретно: необходимость учета актуализации личностного содержания коммуникации в противовес абсолютизации функций исключительно экономического фактора в жизнедеятельности общества. Рассмотрение субъект-субъектной интеграции, складывающейся независимо от прямого обмена продуктами или услугами, – такой вариант исследовательской

схемы может оказаться перспективным на пути разностороннего изучения идентификации с воспроизведением и макро-, и микрозависимостей.

Выделяя в структуре общества ряд концентрических окружностей, символизирующих принципиальные характеристики социального устройства (профессиональные, сословные, национальные, политические), А.Звоницкая совершенно справедливо поместила личность в центре их пересечений (73). Субъект абсорбирует в своих отношениях весь спектр социальных связей. К такому же выводу пришел Э.Ильенков, предлагая исследовать “динамический ансамбль людей” во всех их взаимодействиях, которые всегда и везде имели, имеют и будут иметь социально-историческое, а не естественно-природное содержание (54).

Малая группа универсально фиксирует, с одной стороны, результат частных, личностных вариантов взаимодействия и, с другой – компонентов влияния общей композиции социального целого. Я.Коломинский, А.Добрович и многие другие авторы (55) попытались структурировать микроуровень отношений, дать интерпретацию особенностей различных по форме и сущности контактов. Е.Головаха и Н.Панина, например, предлагают очертить специфические круги общения с учетом наличия согласия и взаимопонимания (55). В вариантах определения своеобразия социально-ролевого, делового и интимно-личностного ракурсов отношений фактически представлена все та же индентификация.

С помощью информационного обеспечения общения формируется особенная концептуальная модель, обобщающая содержание партнерских позиций. Актуализация рефлексии стимулирует механизм раскрытия значимости “Я” в соотношении с оцениванием “ДРУГОГО” (и наоборот) на фоне субъект-субъектного обмена итогами контакта. Оба исходных звена (и “Я” и “ДРУГОЙ”) в такой системе осмысления и анализа, выражения собственного мнения, поступковой реализации и фиксации перспектив во взаимодействии важны одновременно. Если этого нет – объективируются эгоистические приоритеты или крайности альтруизма.

Даже самый простой акт общения требует навыка антиципации, предвидения суждений и действий партнера. Идентификация обуславливает развитие такого навыка. “Момент” же отождествления себя с конкретным социальным целым воспроизводится тогда, когда каждое “Я” допускает подобие своих ориентаций с ориентациями всех “не-Я”. А.Звоницкая называет такой процесс допущения подобия эктивацией (73). Фактически восстанавливается согласованность совместных действий, которая в результате символизирует наличие общей цели. Социально-психологические механизмы возникновения идентификационного осмысления “МЫ” связаны именно с проекцией личностных образцов в идеальное отражение окружающих. Значимый “ДРУГОЙ” появляется в ситуации взаимодействия, определяющего и задающего континуум способов реализации потребностей субъектов.

В общении наблюдается специфический круговорот зависимостей

между единицами контактов “Я”-”ДРУГОЙ”-”ОНИ”. Эффект интерпретации субъектом существенных качеств других людей фиксируется в вариантах реагирования на этих людей, обнаруживается в поступковой стратегии по отношению к ним. “ОНИ” вызывают некоторый ответ у данного конкретного человека. К тому же, допускает, в частности, А.Бодалев (56), по аналогичному принципу оценивается поведение отдельного индивида его окружением. То есть человек получает от других то, что заслуживает своими поступками. А расшифровка индивидуальных или групповых форм поведения зависит от предложенных со стороны различных взаимодействующих позиций стратегий. И наоборот, результаты интерпретации могут быть реализованы в данных отношениях.

Таким образом, декодировка социально-психологического подтекста субъект-субъектного реагирования в рамках малой группы выглядит достаточно сложно. Если учитывать ориентации “Я”, “ДРУГОГО”, “ОНИ”, то опосредованно, с помощью “ДРУГОГО”, каждое “Я” пытается познать себя. Параллельно в этой же системе контактов “Я” конструирует отношение с “ДРУГИМ”, выступающим составной частью фона общения, членом группы “ОНИ”. К тому же, и “Я” является задействованным в данной организации связей уровня “ОНИ”. Самоидентификация неразрывна с идентификацией. Далее, на оценки и мнения “ДРУГОГО” (одного из “ОНИ”) воздействуют “ОНИ” в плане группового основания детерминации отношения “Я” к себе и “ДРУГОГО” к себе. Конечно, “ОНИ” будут активно корректировать межличностные связи своих “составляющих”, неких индивидуальных “Я” и “ДРУГОГО”. Кроме того, “ОНИ”, как правило, выбирают стратегию и тактику собственного поведения и к “Я”, и к “ДРУГОМУ” с учетом специфики диадности последних, хотя и “Я”, и “ДРУГОЙ” – компоненты в условной интеграции “ОНИ”, факторы объединения, индикаторы идентификации самой группы.

Каждый принимающий участие во взаимодействии, таким образом, не существует вне общеконтекстуальных закономерностей. И, несомненно, содержание общения субъектов малой группы детерминировано множественностью факторов, относящихся к макроструктуре общества (социальные институты, совокупность ролей и конгломерат стереотипных конструкций восприятия “Я” и “не-Я”). Проследить за объективацией данных переменных реально именно в малой группе, где наглядны коммуникативные образчики и ценностные модели, поглощающие одновременно и коллективную, и индивидуальную интерпретацию. Микроуровень социальных отношений фактически раскрывает многомерность прямого и обратного влияния социальных институтов, позволяет дешифровать не только особенности интериоризации нормативного материала населением, но и оценивание субъектами деятельности этих институтов. Т.Парсонс, к слову, подчеркивал принципиальную важность изучения проблемы обратной связи, отражающейся на существовании социальных институтов как

таковых (57).

Социальный ракурс анализа идентификации допускает корректировку стереотипных представлений в программе коммуникативных действий, проявляющихся на фоне актуализации исторически значимой для общества определенной эпохи ведущей, доминирующей ценностной системы. Действительно, усвоенный социально-культурный образец воссоздается в рамках межличностного общения в форме поступков, которые являются индикаторами мировоззренческих установок. Навыки сравнения социально-психологического подтекста поведенческих позиций “Я” и “не-Я” постепенно (на протяжении жизненного пути личности или в актуальном ситуативном измерении) автоматизируются и приобретают самостоятельность рефлексивного толка. Объективные границы диалога обеспечивают, во-первых, нивелировку крайностей эго- или альтруистических ориентаций, а во-вторых, раскрывают механизмы развития субъект-субъектного взаимодействия с усилением заинтересованности всех контактирующих в совместном разрешении противоречивых, насущных и перспективных задач сторон.

§3. Индивидуальный процесс идентификации

Построение теоретической схемы исследования идентификации требует определения еще одного уровня ее функционирования. Динамика индивидуального отождествления или отчуждения реконструируется в соотношениях между “Я” и “не-Я”. В таком процессе оказываются задействованными минимум три сферы (5): ракурс объединения “Я” и “не-Я” с актуализацией первичного “принятия” визави; ракурс проектирования в мир “не-Я” и, наконец, ракурс замены себя другим (и наоборот).

Подробный обзор литературы, посвященной проблематике индивидуальной идентификации, предлагают Р.Кричевский и Е.Дубовская (58), обобщая весь спектр имеющихся в западной и отечественной социальной психологии подходов. Такое обобщение воссоздается с помощью условной дихотомии. Во-первых, с одной стороны, отмечается факт традиционной интерпретации феноменов отождествления и отчуждения в рамках механизмов социализации. Во-вторых, в обзоре фиксируется тенденция весьма ограниченного, к сожалению, анализа идентификации в групповом общении.

Авторы обзора считают, что в исследованиях идентификации доминирует дифференциация когнитивной и эмоциональной составляющих процесса. Рациональность согласования представлений субъекта о себе и представлений о нем со стороны окружения (в качестве цели отождествления или отчуждения) подчеркивают, к примеру, Э.Стотланд и Л.Кенон. В отличие от них В.Петровский и Н.Авдеева рассматривают идентификацию сквозь эмоциональную “призму” сопереживания. Размышляя над вопросом об ограниченности той или иной крайности в описании феномена, Р.Кричевский и Е.Дубовская акцентируют внимание

на проблематике межличностного соотношения с учетом ряда ценностных эталонов (лидерства, в частности) для участвующих в процессе идентификации. Причем процесс отождествления или отчуждения объективируется в рамках подражания поступкам других людей в сходных актах действия или в символических их эквивалентах.

Ссылаясь на классические подходы в исследовании идентификации, Р.Кричевский и Е.Дубовская говорят о возможностях расширенного толкования феномена. Выясняется, что идентификация – это и копирование (А.Бандура), и приобретение (Д.Гевиртц), и установление отношения (Р.Адамок, Е.Дейгер), и уподобление (М.Герберт, Б.Парыгин), и сознательное подражание (Г.Гибш, М.Форберг).

Индивидуальная форма идентификации несводима только к эффекту становления “Я”-концепции. Опираясь данной категорией, следует помнить о необходимости адекватного анализа феномена, предполагающего учет его двойственной природы. Эта двойственность отражает объединение конкретных направлений социализации: во-первых, формирования индивидуальностью собственного образца, выяснения своей идентичности и, во-вторых, самоотождествления с окружением – другими людьми, группой, ценностными моделями. Конечно, подобная двойственность, указывает Я.Украинский (59), достаточно условна и исчезает при конкретном рассмотрении идентификации. Однако методологическая значимость такого выделения безусловна. Более того, применение данной схемы обеспечивает и в конкретном исследовании многомерный подход с уточнением влияния макросоциальных зависимостей.

Как справедливо замечает М.Розенберг, self-concept в аспекте построения отношения к себе как к объекту пропагандирует потенциал системного анализа, учитывающего и психологические факторы, и психоаналитические выкладки, и социологические обобщения (60). Кроме того считается, что изучение “Я”-концепции служит открытию нового пути к научному прогрессу в целом.

Рефлексия должна быть оценена с учетом своей социальной роли. Действительно, рефлексия связана с идентификацией хотя бы на уровне самоидентификационных измерений. Рефлексия на фоне отождествления или отчуждения обеспечивает корректировку коллективного и личного интересов, трансформацию мотивационных переменных поведения. Известно, что ценности общества и ценности индивидов обычно никогда полностью не совпадают (61). Однако достижение такой важной согласованности между вербальным и реальным принятием социальных правил поведения стимулирует рефлексивная интериоризация, привнесение в “контекст обязательности” межличностного смысла, оживляющего общее, должное и общественно необходимое.

Попытки соотносить идентификационные практики с этическими образцами не застраховывают от девиантности поведения. Последнее есть результатом недостаточной социализированности отдельных индивидов вследствие отсутствия гармонии “внутренней” и “внешней”

детерминации поступков. Нарушение национальной или личностной, духовной или физической суверенности “ДРУГИХ” есть посягательство на идентичность. Неким препятствием для подобных посягательств могут стать рефлексивные способности и тонкое социальное мышление, живое моральное сознание и даже художественное воображение, перекодирующие идеальные (не всегда идеализированные) модели в план реальных жизненных отношений и в план самовоспитания (62). Д.Шоу и Л.Андерсон всего несколькими штрихами проиллюстрировали реконструкцию идентичностей представителями социального дна — бездомными (63) и пришли к удивительному выводу, анализируя эффект рассказа или проговаривания респондентами собственной социальной ситуации проживания. Оказалось, что социальная (ролевая) и персональная идентичности как результат развернутой идентификации конгруэнтны в том случае, когда ясно и четко сформулированы.

Как известно, у каждого человека есть множество возможностей для отождествлений, корректирующихся ситуацией. Новый контекст влечет за собой дифференциацию в идеальном измерении условий и ролей из цикла идентификации. Ситуацию отождествления П.Бурке и С.Франзони интерпретируют в ракурсе локализации социальных отношений с воссозданием их символики и даже физических параметров, хотя исследовалась с помощью когнитивно-аффективных факторов практически интернализированная позиционная конструкция (74).

Рефлексия, детерминированная формой идентификации, фиксирует появление обобщенной “Я”-концепции. В литературе встречается достаточно интересное в этом плане допущение. Оказывается, что комбинация повышенной конформности на фоне снижения самооценки нивелирует не только достоинство и честь “Я”, но и ослабляет толерантность как таковую (64), ликвидирует баланс собственно идентификационного потенциала.

Известно, что развитие личности сопровождается усложнением содержания и формы реагирования на значимые жизненные события, других людей. Социальный опыт и результаты конструктивного исправления ошибок в совершенных поступках создают условия для выбора субъектом неповторимой манеры поведения. Кроме того, постепенно увеличивается дистанция, определяющая расхождение между скрытым внутренним миром “Я” и его проявлениями вовне. Наиболее существенные возрастные кризисы в жизни прежде всего связаны с самоидентификацией, формированием “внутреннего” пространства переживаний, наполненного субъективно важными изменениями. Л.Выготский (65) подробно проанализировал конкретику обострения психологических проблем именно в эти особенные периоды, когда наглядным становится переструктурирование потребностей и побуждений к действию и поступкам, когда трансформируются отношения к окружающим и к самому себе.

Исполняя различные социально-психологические роли, субъект активно пытается использовать маски, с его точки зрения адекватные

требованиям ситуации. К тому же, навыки общения способствуют разработке личностью собственных типологий других людей. Поэтому весьма важно обобщить источники информации и критерии, с помощью которых создается индивидуальный или групповой социально-психологический портрет из окружения субъекта. Активаторами диалогичности в отношениях выступают рефлексия и толерантность на фоне идентификационных преобразований. Ограничение в крайностях позиционного поведения приводит к самоотрицанию “Я” при игнорировании “ДРУГОГО” и наоборот – к распаду “ДРУГИХ”, когда игнорируется каждое “Я”.

В незнакомых, необычных, особо значимых ситуациях первая реакция субъекта на социальный объект восприятия основывается на феномене “первичной” толерантности. Д.Миллер и К.Мак-Фарланд предлагают называть его “страхом замешательства” (66). В критический момент человек пытается как бы “выдержать” партнерскую дистанцию, зарезервировать при отборе соответствующей позиции в отношениях время для анализа появившихся мотивов. Если личность все-таки придерживается правила терпения хотя бы на элементарном уровне первого ответа на любую инициативу визави, тогда при повторении подобной ситуации вероятность продуктивного решения в поисках пути выхода из возможного конфликта, кризиса непонимания мотивационных факторов поведения другого человека повышается. Увеличение латентного периода реакции в таких случаях помогает “погасить” негативную эмоциональность в виде раздражения, обиды и т.д. И хотя всем понятно, что обуздание слишком быстрого ответа, неуместного жеста, волнения, которые проявятся на весах измерения стойкости позиции, не является свидетельством полного понимания противоположной стороны, партнера по общению, но именно “замедление шага”, равное терпению, демонстрирует иногда защитные функции поведения, возведенные на моральном фундаменте по принципу: “лучше отрезать один раз, но семь раз отмерить”. Вероятно, “замедление” ответа не тождественно измерению времени. Большинство сложных ситуаций требует мгновенного решения. Вот тогда-то уместен навык толерантности, фиксирующий силу мировоззренческих установок.

Еще одной производной от феномена следования моральным нормам в отношениях является продуктивность результата, выигрыш за счет отстаивания собственной позиции и как следствие – уменьшение потерь от риска содеянного, сохранение социальной нормы поведения. В результате человек не выходит за рамки собственных принципов, чтобы не сломать “Я”, для которого еще не пришло время поступка в плане “хирургического” вмешательства и последующей смены жизненной ситуации или коррекции устаревших, тормозящих развитие ценностного ряда жизненных образцов поведения. Однако очень часто именно воздержание от излишеств неадекватного действия обеспечивает самозащиту личности. Интересно, что отказ от несвоевременного поступка равносителен ... поступку.

Это тонкое искусство — находить “золотую середину” в отношениях, разрушая собственный эгоизм или самоотрицание. В равной степени есть искусством фиксирование субъективной слабости партнера, который демонстрирует... агрессивную форму поведения. Мера сочетания внутреннего (к “Я”) и внешнего (к “ДРУГОМУ”) движений достаточно индивидуальна и условна, однако свидетельствует о законах идентификации.

Введение в научное употребление данной категории приписывают З.Фрейду, трактовавшему механизм усвоения ребенком значимых образцов и моделей поведения из референтного круга других людей соответственно типу половой принадлежности. В своем тематическом обзоре идентификационного процесса Р.Кричевский и Е.Дубовская (58) ссылаются на пример выделения З.Фрейдом двух вариантов отождествления. В одном случае классик психоанализа фиксирует нелибидозную форму идентификации, а в другом — либидозную или защитную, хотя в обоих случаях речь идет о единой потребности индивида нивелировать или угрозу потери награды, поощрения, или угрозу наказания. Однако З.Фрейд наблюдал за отождествлением на материале, достаточно специфическом. Причем акцентировалась исключительная эмоциональность в протекании идентификации. Тем не менее, если иметь в виду не интерпретацию патологии депрессий или выбора сексуальных ролей, возможно найдутся и иные критерии для оценки этого сложнейшего процесса. Что же происходит с идентификацией в онтогенезе?

Доказывая необходимость выделения особенных этапов и уровней отождествления, Я.Украинский, например, начинает рассмотрение развития феномена с обоснования стадий восприятия и интерпретирования в межличностном пространстве, пытаясь удержать в поле зрения и психологический, и социальный контексты (59). Первым, элементарным фактом отождествления является имитация, сохраняющая свою роль не только в детстве, но и в зрелом возрасте человека. Действительно, соглашаясь в целом с автором цитируемой публикации, можно считать такой уровень идентификации копирующим, непосредственно отражающим, неосознаваемым. И, конечно, формирование мировоззрения, личностных принципов, опыта оценивания существующего во внешнем обогащает имитацию и постепенно поднимает ее на новые ступени идентификации. Эти более сложные уровни свидетельствуют о наличии навыка раскрытия значения, понимания, интерпретации и принятия, интернализации предложенных моделей поведения, конструкции и реконструкции стратегий индивидуальной жизни, общения и т.д. Однако необходимое усложнение анализа идентификации требует определенных уточнений такой схемы. Особенно это касается феномена игры. Трудно согласиться с допущением функционирования такой интересной, социально обусловленной формы активности и познания исключительно в сфере имитации, даже с учетом целостного процесса развития ребенка.

Если вспомнить классические каноны возрастной психологии, ориентируясь на выделение роли ведущей деятельности в периодизации жизненного пути, наглядными становятся закономерности воздействия игры на идентификацию. До трех лет у ребенка (в рамках доминирующего эмоционального контакта со взрослыми и предметного освоения окружающего пространства) игра еще не имеет статуса ролевой и сюжетной, находясь на уровне манипуляций с объектами. Ведущей она будет в дошкольном возрасте, но останется не только имитацией, развившись в творческий подход к существованию и решению собственных проблем на протяжении всей жизни человека. Динамика условности-реальности объединяет вымысел с действительностью, как и способность личности к “вознесению” над ситуацией в идеальный пласт за счет репродуктивной и активной фантазии и мышления. Регламентация правил поведения, выделение основных черт конкретного статуса, попытки “войти” в ситуацию, поиск “награды” и даже энергетический стимул, эстетичность и, наконец, своеобразная субъективная относительность – все эти характеристики сближают игру с собственно жизнью.

Р.Кричевский и Е.Дубовская в обзоре исследований идентификации (58) упоминают тезис А.Бандуры относительно определенных сложностей в выделении имитации и отождествления. Получается, что опыт не способствует четкой дифференциации этих явлений, но специфичность каждого из них, возможно, оттенит ... объединение в игре. Более того, игру иногда корректнее использовать собственно вместо эксперимента. Однако об этом – дальше, в четвертой главе.

Если все-таки оставить без внимания факты осознаваемости или неосознаваемости на разных уровнях идентификационных превращений, а говорить лишь об эффектах проекции, понятным становится уместность выделения В.Просецким трех своеобразных процессов имитации. Среди них названы (68) подражание-мечта, подражание-игра и подражание-действие. Зафиксировать в эксперименте проявления мечты или действия сложно. Как же быть с игрой?

Безусловно, в игре субъект познает ту радость жизни, которая не обретается иным способом. Двойственность реальности-условности в такой форме деятельности, считает И.Берлянд, связана с тем, что играющий изменяет ситуацию, помня, тем не менее, про выдумку (69). Дialeктичность подобных превращений усиливается и углубляется за счет специфики восприятия результатов фантазии. Наслаждение от игры было бы невозможным, если бы субъект полностью осознавал иллюзорность происходящего. Конечно, выдумка не тождественна правде реального существования, играющий способен их различить. Однако именно в игре доминирует эффект переноса “Я”, проекции себя в мир идеальных форм, в изображение. Ребенок, слушая сказку, находится вне событий сюжета, но сравнивает свое поведение с поступками героя, соотнося “Я” с “не-Я”, который заинтересовал, стал значимым. В этот момент не существует иллюзии! Хотя маленький слушатель всегда помнит

о том, что он все-таки только наблюдает за событиями чужой жизни.

Подобные феномены идентификации демонстрируют важнейшие проективные качества человеческой активности в познании вообще. А согласно толкованиям в рамках интеракционизма и теории ролей принцип игры детерминирует повсеместно человеческие контакты. Его используют и внедряют психоаналитики для реабилитации и консультаций. Э.Берн, например, называет игры необычайно серьезным явлением и показывает ошибочность гедонистических подходов, в рамках которых такая форма действительно оказывается всего лишь переживанием и ожиданием наслаждения (70).

К теории игр специалисты обращаются также и в тех случаях, когда констатируют ее родство с культурой. Г.Зиммель, в частности, считает, что некоторые явления нашего поведения возникли с помощью игры с символическим наполнением (20). Более того, охота, тренировка тела и души, соревнование, риск и прочее постепенно утратили черты сугубо развлечений, хотя все еще привносят в современную жизнь особенный вкус и, конечно же, достаточно привлекательны. Акцентируя факт тождественности в оперировании символикой, наличие элементов условности и в культуре, и в игре, Г.Нудия подчеркивает: любая игра обязательно демонстрирует абсолютно реальную жизнь (71). Такой вывод обеспечивает возможность внедрения своеобразных проективных моделей и методик в изучение организации человеческих отношений.

Мнения и суждения “Я” о “ДРУГОМ” изменяются от первого впечатления до более устойчивых оценок визави в контексте совместной деятельности или поступковых проявлений. Так происходит идентификация и “переидентификация” в коммуникативных актах. При этом актуализируется терпимость, способствующая определению допустимости своеобразного “ДРУГОГО”, хотя познание человеческого окружения, как и конкретного индивида, в принципе бесконечно и субъективно по сути. В.Франкл приписывает Гете сентенцию о том, что, принимая личность такой, какой она есть, мы делаем ее хуже (6). Когда же мы принимаем человека таким, каким он должен быть, мы заставляем его ориентироваться на то, каким он может стать. Тезис о существовании личности в моделировании будущего развития провозглашает и Э.Фромм, анализируя вслед за Г.Гегелем и К.Марксом феномен отчуждения (72). Действительно, человеческая реальность – достаточно парадоксальная система.

Естественность существования идентификации в общении обусловлена механизмом осознания субъектами реалий взаимодействия, с чем и связана значимость выработки концепции поведения и отношений в контексте трансформаций информационного пласта, посвященного совокупным элементам коммуникации в многофакторной системе “оценивающий-оцениваемый”. Мировоззренческое как ступень закрепления концепции достигается стимулированием рефлексивного “выхода” личности за пределы ситуации конкретного контакта, но при помощи метода обобщения именно тех информационных источников,

которые предлагаются и задаются этой ситуацией. Умения и навыки подобного социально-психологического анализа формируются за счет индивидуального оценивания зависимостей между “Я” – “ДРУГИМ” – “ОНИ”. Постепенно процесс соотношения “Я” и “не-Я” автоматизируется, однако ситуация остается тем важнейшим показателем, который и в дальнейшем определит дифференциацию идентичностей (74). Более того, считает В.Франкл, в современных условиях, когда десять знаменитых заповедей потеряли силу и влияние, человек обязан готовиться воспринимать уже десять тысяч канонов, на которые ориентируют его десять тысяч новых жизненных ситуаций (6). К тому же, безусловно, особенно активизируют рефлексию и идентификацию насущные проблемы, конфликты, кризисы.

Тот факт, что субъект, оказываясь в сложной ситуации, начинает поиск идеализированной модели на будущее, надеясь на возможные позитивные качества партнеров по общению, ожидает помощи и содействия в решении и разъяснении проблемы, не является новым. Опосредование информационных элементов поднимает личность в рефлексивном потоке “над” ситуативным измерением, но так, чтобы сложилась достаточно адекватная оценка положения и состояния. Углубление в ситуацию вызывает обобщающий дистанционный осмотр, наблюдение за тем, что произошло, осмысление случившегося.

На основании приведенных размышлений можно предположить отсутствие парадокса в том, например, что человек, которого окружающие привыкли считать циничным, определяет достаточно четкий идеал морали, стремится к совершенству, вероятно даже не всегда жизненному. Хотя, конечно, те проявления, которые интерпретируются в характере данного представителя циников как негативные, чаще действительно оказываются эффектом своеобразной демонстративной “защитной” реакции. Чем больше накапливается внутренних проблем с идентификацией и самоидентификацией, тем сильнее внешняя защита, изощреннее маскировка. Возрастные кризисы, особенно в середине жизни, увеличивают психологическую отягощенность ситуации.

Диалектика “бытового” и “философского” уровней субъективного переживания имеет не только сугубо научное, но и практическое (даже психотерапевтическое) значение, поскольку появляется возможность оперировать с разными мирами одного человека. “Бытовое”, “жизненное”, по С.Рубинштейну (47), существование протекает в рамках непосредственных связей, вне смыслообразования. И только на ином, “философском”, уровне актуализация рефлексии условно “приостанавливает” непрерывный поток жизни для того, чтобы человек осознал собственное положение. Субъект оказывается вне ситуации, над ситуацией. Возможности развития данного жизненного периода исчерпываются, конкретный этап познания и самопознания завершается. На новом витке личностной эволюции происходит “возвращение” в контекст бытовой ситуации, “отлет” в осознание. Опять повторяется – на новой ступени – все тот же круг идентификационных преобразований:

надситуативность, поворот назад к ситуации, опосредование и т.д.

Именно такой субъективно насыщенный способ существования актуализирует рефлекссию, позволяет приблизиться к адекватному пониманию характера отношений “Я” и “не-Я”, “Я” и “не-Я” во мне и в другом. Это процесс обобщения разноплановых фактов социальной действительности. Обретение дистанции обзора позволяет как бы избавиться от проблематичной эмоциональной зависимости, рационально “вернуться” в границы ситуации, но уже с опытом представлений о ней. После появления и снятия в поступках конкретных противоречий переходы “ИЗ” и “В” ситуацию повторяются.

Констатация своеобразного автоматизма рефлексии, без дополнительного искусственного источника внешнего стимулирования, свидетельствует, согласно С.Рубинштейну, о появлении моральности на новом основании осмысленности совокупного отношения к жизни, а не только к отдельным ее фактам. Изменения программ осознания, детерминирующие поведение, связаны с коррекцией стереотипов в процессе межличностного оценивания и определения статусов. Вероятно, поиск операциональных показателей идентификации и самоидентификации позволит перспективно объединить философское содержание этих феноменов, социологический контекст объективации на групповом и индивидуальном уровнях, а также психологические механизмы их проявления, обобщение которых “возвращает” к философической вечности.

ГЛАВА 2

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ

§1. Понятие “социальная структура”

Понятие “социальная структура” очевидно принадлежит к классу междисциплинарных, но лишь в социологии оно претендует на то, чтобы репрезентировать едва ли не всю науку. Быть может, именно широкое использование его историками, экономистами, социологами и антропологами приводит к тому, что время от времени возникают и высказываются сомнения в теоретической и познавательной продуктивности понятия. Со времен К.Леви-Строса(1) контекст применения понятия стал еще менее благоприятным вследствие заметного снижения влияния и авторитета структурализма как интеллектуального движения в социальных и гуманитарных науках. В конце 80-х годов А.Гидденс, имея в виду некоторые итоги дискуссий вокруг постмодернизма и постструктурализма, счел это движение окончательно утратившим жизненную энергию, мертвым (2). Тем не менее в то же десятилетие интерес к нему в контексте обсуждения теоретических проблем соотношения между “социальной структурой” и “действием”(3) возрос и поддерживался на постоянно высоком уровне в связи с изучением проблем социального неравенства в динамично меняющихся экономических и политических реалиях западных и восточных обществ.

В общем самые разные причины — от тех, что порождены конкретной ситуацией посткоммунистических стран, до отражающих некоторые тенденции эволюции теоретико-методологических оснований социального и гуманитарного знания — побуждают социологов вновь и вновь уточнять представления о социальной структуре (4), сетовать на неопределенность понятия, предлагать новые формулировки и интерпретации классических традиций теоретизирования о структуре (5), имея в виду как исторический, так и современный контексты функционирования термина в системе знания об обществе.

Неоднократно констатировалось, что фонд основных значений понятия “социальная структура” составляют не просто различные, но порой противоположные определения. В пределах одних социологических концептуализаций ее трактуют как нечто идеальное, в других — как материальное, доступное непосредственному наблюдению и изучению (6). Представление о структуре как совокупности мировоззренческих

и культурных бинарных оппозиций восходит к поздним работам Э.Дюркгейма и последовательно проведено в исследованиях К.Леви-Строса. По мнению последнего, понятие социальной структуры относится не к действительности, а к мысленным моделям, построенным по ее подобию.

Более мягкой версией того же представления является интерпретация структуры как взаимосвязанной совокупности ценностей и норм, которую легко обнаружить у Э.Дюркгейма в виде коллективных представлений, в относительно завершённом виде — в теоретическом наследии Т.Парсонса с его акцентом на ценностно-нормативном регулировании поведения, а в современных исследованиях — у А.Гидденса в концепции структуры как правил и ресурсов индивидуального и группового поведения, что и позволяет, по мнению английского социолога, преодолеть непродуктивное различие “структуры” и “действия”, макро- и микроподхода к анализу социальной реальности (7). Критики заметили, что все названные авторы отождествляют структуру с культурой, считая последнюю важнейшим видом структуры.

Несколько иной интерпретационный ракурс предложен британской культурной антропологией. Здесь структура традиционно рассматривается как нечто гораздо более осязаемое и реальное — в виде отношений, связывающих различные элементы целого. Такие отношения образуют взаимосвязанные конфигурации, или сети, по которым протекают разнообразные ресурсы и в узлах которых находятся социальные агенты (индивиды, группы, организации или даже социальные институты). Для своего изучения они потребовали создания особых методических процедур (*network analyses*) в антропологии (8), которые впоследствии нашли применение и в социологии (9).

Несколько отличное представление о социальной структуре развивалось Р.Линтоном, сторонником символического интеракционизма и структурного функционализма. Тремя ее основными элементами предлагалось считать: а) социальный статус, б) формирующиеся на его основе экспектации по выполнению предписываемых статусом прав и обязанностей, в) социальные роли как динамический аспект статуса. В конце 50-х годов Р.Мертон уточнял, что с конкретным статусом связана не одна роль, как предлагал считать Р.Линтон, но некий ансамбль ролей (*role-set*). Принятие подобного допущения обязывало к рассмотрению особенностей “работы” структурных механизмов, обеспечивающих непротиворечивое согласование всех связанных со статусом ролей(10). Идея Р.Линтона о том, что именно культура является связующим звеном между социальной структурой и личностью, вдохновила теоретические и эмпирические исследования, прочно вошла в основной фонд социологического знания.

В марксизме, особенно в той его достаточно ортодоксальной версии, которая доминировала в СССР и отдельных восточноевропейских странах, социальная структура трактовалась как совокупность различных социальных общностей — классов, слоев, групп, социально-

демографических категорий (женщины, пенсионеры, молодежь, дети) и связывающих их отношений. Вместе с тем интерес к проблеме классов и классовой структуре в современной западной социологии конечно же не является данью конъюнктуре, связанной с существованием социалистических государств и коммунистической идеологии. Работы Э.Райта в рамках, как он ее определяет, “неомарксистской традиции”, предлагающей учитывать три принципиальных измерения классовой структуры: владение собственностью, обладание властью и профессиональную компетентность, а также Дж.Голдторпа в рамках “неовеберовской” традиции, акцентирующей внимание на рыночной ситуации и ситуации занятости на конкретном рабочем месте (сложность труда, ответственность, степень автономности в работе), наиболее известны и авторитетны.

М.Вебер, напомним, важнейшими элементами стратификационных измерений считал рыночные, или классовые, ситуации в сфере распределения экономических благ, статусные группы в сфере распределения чести и славы (престижа), партии в сфере распределения власти и влияния в государстве. Тогда и структура преимущественно предстает как структура неравенства. К.Девис и В.Мур в своей функциональной теории стратификации трактовали социальную структуру как совокупность позиций, отличающихся требованиями к уровню развития способностей и умений претендентов на их заполнение, которые также неравны в объеме благ, удовлетворяющих важнейшие жизненные потребности. Т.Парсонс настаивал на том, что критерии стратификации, а значит, критерии идентификации индивидов и групп, как и основания для самоидентификации, задает доминирующий в данном обществе социальный институт. В 70-е и 80-е годы все более адекватно осознается, что прогресс в области рационализации совместной жизни и производства благ приводит к тому, что все большее значение среди элементов социальной структуры общества приобретают организации.

Тем не менее отличия в исходных методологических посылах и конечных выводах не заслоняют общего, присущего разным направлениям в социологии, которые уделяют большую или меньшую степень внимания собственно социоструктурной проблематике. Прежде всего они сходятся, пожалуй, в том, что между элементами социальной структуры существует два основных типа отношений (эквивалентного и неэквивалентного, симметричного и несимметричного) и доминирования (господства – подчинения). Изучая традиционные общества, сначала Дж.Фрезер, а позже и К.Леви-Строс констатировали, что обмен женщинами (невестами) оказывается и предпосылкой, и результатом воспроизводства социальной структуры как структуры родства. Социальную мобильность, традицию изучения которой заложил в 1927 году П.Сорокин, также можно трактовать как своеобразный обмен между группами и слоями, имеющий определенные социальные последствия для индивидов и групп (11). Концептуализации Дж.Хоманса и П.Блау, приверженцев анализа сетей в социологии, уточняют предметную

и прагматическую значимость практик обмена в структурировании и поддержании взаимодействия различных частей социального целого. Анализ же отношений доминирования ведется в конфликтологической версии современного социологического мышления и воображения.

До недавнего времени социологи, принадлежащие к разным школам и исповедующие разные методологические принципы, привычно связывали со структурой представление об инвариантном, неизменном: с тем, что предопределяет течение социальных процессов и поведение индивидов, что поставляет объяснительные схемы и контексты понимания, но само по себе достаточно инертно и устойчиво, не способно радикально изменяться в исторически короткие промежутки времени, что и позволяет структуре оставаться собственно “структурой”.

Предъявлять структурные объяснения в социологии и структурализме как в направлении теоретизирования значит предъявлять объяснения, заведомо синхронные, отвлекающиеся от фактора времени. Аtempоральные же истолкования оказываются принципиально пространственными и другими быть не могут. Вспомним, что о социальном пространстве говорил еще П.Сорокин, а из современников на нем настаивает П.Бурдьё, концептуализируя неоднородность пространства в виде “полей”. Не одно поколение социологов измеряет “дистанции” между группами, отыскивает наиболее точные координаты “позиций”, изучает “вертикальную” и “горизонтальную” мобильность, т.е. прибегает к сугубо пространственным аналогиям в описании социальных различий. Даже сознание и мышление реконструируются в соответствии с пространственными моделями: именно таковы бинарные оппозиции в качестве конститутивных элементов первобытного и вообще неразвитого отображения действительности. Нельзя исключать, что подобное представление в науках о формах общезития людей сложилось и укрепилось в процессе изучения традиционных (по определению К.Леви-Строса, “холодных”), медленно эволюционировавших обществ. Но и в конце XX ст. такое пространственно морфологическое представление, как мы видим, явно не исчерпало эвристического потенциала, задавая методологические ориентиры теоретическим и эмпирическим исследованиям.

Классический структурализм в социологии, таким образом, разводит, даже противопоставляет “структуру” отдельным индивидам. Структура есть нечто внешнее, неподатливое, предписывающее и принуждающее. Три утверждения характеризуют онтологический и гносеологический статусы именно такого представления о социальной структуре. Во-первых, структура есть нечто, существующее до и независимо от индивидов и групп. При этом безразлично, мыслится ли она в качестве идеального образования (бинарные культурные оппозиции К.Леви-Строса или “социальные правила и ресурсы” А.Гидденса) или же материального (“позиции” в производстве благ, как они понимаются в марксизме, и “позиции” как “вклады” в выживание общества – в функционализме, “ситуации” на рынке труда и на конкретном рабочем месте, позиции

в “полях” распределения экономического, политического, культурного и символического капиталов, по П.Бурдьё, или же как “сети” у канадских и американских исследователей практик обмена различными видами ресурсов между социальными субъектами). Во-вторых, структура не просто дана или задана, она порождает всевозможные формы общественной жизни, поддерживает их, оформляет, сочетает и согласовывает — она есть порождающий и предписывающий принцип любых видов индивидуального и коллективного поведения. Каждый действующий член общества вынужден к ней приспособливаться, осознавая или не осознавая те ограничения, которые она налагает. Кроме того, как в отношении отдельного индивида, так и в отношении групп и категорий населения структура есть некое условие обнаружения ими и подтверждения собственной социальной идентичности. В-третьих, структура есть объяснительный принцип, к ней все редуцируется, из нее все выводится; иными словами — это фундаментальная для цикла социальных дисциплин независимая переменная, практически никогда этот статус не утрачивающая.

Тем не менее вариабельность подходов к изучению социальной структуры, вплоть до взаимоисключающих определений и интерпретаций, невольно создает впечатление нарушения гласных и негласных конвенций по употреблению терминологии научным сообществом. Постоянно возобновляемые попытки уточнения содержания понятия несомненно вдохновляются подобным впечатлением. Впечатлением, следует признать, довольно поверхностным, поскольку оно фиксирует лишь противостояние и конкуренцию различных способов и традиций восприятия и дифференцированного представления социального целого в образах и моделях. Такое впечатление осознанно или же инстинктивно навевает допущением об особой значимости одного из способов. Но то, что в первом приближении представляется изъяном, в более широкой перспективе оказывается предпосылкой самой возможности понимания и объяснения.

Концептуальное отображение столь сложного объекта, каким является социальная структура, вероятно не состоится как без достаточно абстрактных пространственно морфологических трактовок, так и без попыток введения временного параметра для более точного воспроизведения конкретных характеристик материальной или идеальной реальности (социология, как это установлено еще О.Конттом и обосновано Э.Дюркгеймом, изучает как материальные, так и идеальные “вещи”: оба рода вещей есть для нее реальностью). В сумме представлений о структуре временной параметр содержался уже в концепции роли как динамичном аспекте статуса, ибо роль исполняется, т.е. длится. Но эвристический потенциал обращения к временному параметру оставался невостребованным до тех пор, пока в фокусе внимания исследователей не оказались проблемы воспроизводства социальной структуры.

§2. Механизм воспроизводства социальной структуры

Пожалуй, “онтологическое” и главным образом статичное представление о социальной структуре продолжает доминировать в современной эмпирически ориентированной социологии, превращая эту отрасль знания в подобие социальной морфологии – учения о пространственной неоднородности (пространственных локализациях) общества, о границах и дистанциях, природе и функциях частей. Но в теоретической социологии ситуация уже несколько иная. На смену былому противопоставлению “структуры” и “действия” пришла точка зрения, согласно которой структуры поддерживаются и видоизменяются на микроуровне социума действиями отдельных индивидов (12). Можно было бы сказать, что индивиды производят и воспроизводят структуру целенаправленно, но также и ненамеренно – своими поведенческими реакциями, своей активностью. К тому же, в этой спонтанной, но одновременно и обусловленной деятельности идентифицируют ее, причисляют себя к конкретным элементам и тем самым самоидентифицируются. В этой связи А.Гидденс предпочитает говорить о “дуальности” структуры как единстве пребывающего и процессуального. Тем самым и структура предстает не как нечто пребывающее и чувственно воспринимаемое вследствие присущей ей жесткости, массивности и неподатливости, но в совершенно новом качестве – она есть (пребывает) и одновременно возникает во взаимодействиях индивидов. Структура, говорит в этой связи Гидденс, присутствует “виртуально”.

Принуждение воспроизводить структуры, достигать идентичности имеется всегда, независимо от того, ощущают его индивиды или нет. Подчиняясь ему, индивиды “выбирают необходимое” (П.Бурдьё), то, что задано и предписано стабильной неоднородностью социального пространства. Воспроизводство в неизменном виде есть условие сохранения структуры во времени, а значит, и условие непрерывно поддерживаемого порядка, а также неоспариваемой включенности индивидов и групп в этот порядок как основы их идентичности. Причем характеристики репродуцируемых элементов структуры соответствуют требованиям основных звеньев механизма их воспроизводства, являются продуктами их согласованной работы. Такие элементы называют “системными”(13), поскольку они как бы запрограммированы доминирующими социальными отношениями и востребуются ими. Социальная структура, следовательно, есть принуждение воспроизводить системные элементы посредством формирования соответствующего целерационального и ценностно ориентированного поведения индивидов.

Вместе с тем сближение понятий “структура” и “действие” не только позволяет разрешать отдельные теоретические затруднения (сближать и соотносить, например, макро- и микроподходы к изучению реальности и представлению ее в понятиях), но и проявляет новые. Действиями индивидов поддерживаются как структуры, так и сети коммуникаций

между ними, а также между отдельными индивидами. Структура, разумеется, представляет собой не только элементы (чему соответствует термин “состав”, употребляемый частью ориентированных на статистику социологов), но и связи между ними. Однако интерпретация структуры с точки зрения отношений очевидно сближает ее с понятием “система” и требует указаний на отличия.

Гидденс, например, полагает, что суммарным эффектом действий социальных агентов является система, а не структура (14). Отсюда, помимо всего прочего, следует, что рассмотрение взаимосвязей элементов мы вправе заключать констатациями о “системности” структуры, ее стабильности и ограниченности воспроизводимых отношений природе того целого, которое мы автоматическим образом именуем “обществом” и которое Парсонс в послевоенных работах называл “социальной системой”.

Именно в рамках данного конструкта появляется возможность продуктивно соотносить структуру и действие, ведь системность имманентно предполагает динамический, процессуальный аспект, а наряду с этим допускает существование и перманентное воспроизведение обширного проблемного ареала, в котором интегрированность системы постоянно ставится под угрозу не находящими взаимопонимания агентами действия. Пожалуй, наиболее значительные обретения теоретической социологии связаны с различиями и оппозициями, вводимыми в связи с понятием “социальная система”.

Парсонс выделяет в системе четыре “части”, или суб-системы – адаптации, достижения цели, интеграции, латентных функций (известная AGIL – схема). В начале 70-х годов Дэвид Локвуд вводит различие между системной и социальной интеграцией. Системная интеграция есть продукт деятельности деперсонализованных институтов, а социальная – продукт взаимопонимания и согласованного определения ситуации, достигнутых преследуемыми различными интересами и целями индивидами, т.е. субъектами, находящимися в состоянии конфликта. В “Теории коммуникативного действия” Ю.Хабермас критически рассматривает наследие Парсонса и вводит противопоставление “системы” и “жизненного мира” с их различными субъектами, детерминантами поведения и стратегиями действия.

Итак, сегодня все еще существует достаточно поводов акцентировать внимание на статичном аспекте социального целого, вводимого понятием “структура” и отсылающего к набору элементов и социальных дистанций (неравенств) между ними. Однако не менее важно отчетливо представлять механизм его воспроизводства или, что то же самое, механизм дифференциации и стратификации, механизм воспроизводства идентичности. Относящийся сюда комплекс проблем в последнее время разрабатывается в так называемой теории структуризации – концептуализации конститутивных условий и правил воспроизводства социальной жизни в повседневных практиках индивидов (15).

В ее построениях социологи – Антони Гидденс является тут самым цитируемым автором (16) – исходя из того, что индивиды не просто

воспроизводят социальную систему по заранее заданным шаблонам и конфигурациям (некоему плану, олицетворяющему структуру), но и обладают относительной свободой по отношению к принуждающим и унифицирующим интенциям и потенциям наличного социального порядка. Другими словами, своими действиями, своим поведением они структурируют (дифференцируют и стратифицируют) обозримое и в определенной степени подвластное им пространство совместной жизни. В то же время мера свободы и ограничения действий индивидов, групп, организаций складывается в соответствии с конкретными историческими обстоятельствами и социально-экономическими реалиями. Разумеется, подобная мера не является жесткой, поскольку индивиды и группы способны не только пользоваться предоставляемой свободой и возможностями, но и расширять их за счет ограничения свободы и возможностей поведения иных социальных субъектов.

Вместе с тем сближение структуры и действия — чему до сих пор уделялось недостаточное внимание — имеет ближайшим своим следствием формирование некоего нового теоретического единства “структуры — действия” как отражения неразрывности пространственно-временных характеристик конструкции социальной реальности, не полностью покрываемого понятием “система”. Дело в том, что понятие “действие” влечет за собой соответствующий шлейф смыслов и значений. Здесь, как и во многих иных случаях, продуктивным оказывается обращение к социологической классике, в частности к воззрениям Т. Парсонса.

Еще в первой своей книге “Структура социального действия” он отмечал, что в качестве процесса действие разворачивается, осуществляется и “протекает” во времени. Его никак невозможно мыслить без временных характеристик, оно имеет начало, продолжение и завершение — вполне определенную длительность. Кроме того, даже с сугубо структурной точки зрения действие телеологично, то есть направлено к определенной цели. А цель сама по себе вводит будущее в качестве темпоральной перспективы действия, поскольку цель по определению есть некое желательное, предполагаемое, но еще актуально не существующее состояние или положение.

Любая человеческая активность, далее, это всегда затраты сил, эмоций, вообще говоря энергетический процесс. Для своего достижения цель требует от индивида, в равной степени как и от некоего коллективного субъекта, определенной “работы” и усилий. Без этого цель не приближается, а будущее не наступает. Имея это в виду, есть основания говорить, что действие как процесс оказывается превращением, конвертацией индивидом или группой средств, условий и норм в цель с помощью принципиально измеримых “затрат и издержек”, или (что то же самое) в один из модусов времени — в будущее.

Причем не одно только достижение цели требует усилий. В контексте действия как процесса его четырехэлементная, по Парсонсу, структура легко сворачивается в двухэлементную: порядок условий (цели, средства, условия), а также нормативный порядок. В объективной реальности оба

порядка никогда не совпадают друг с другом, а неминуемое расхождение между условиями и нормами создает известное напряжение. Ослабить или вовсе снять его можно лишь при посредстве усилий и энергии, исходящих от отдельного человека или коллектива и направленных на “изобретение” таких правил и образцов взаимодействия, которые не предписаны нормативным порядком, устанавливаются для конкретных ситуаций и значимы только для них. Иначе говоря, сближение структуры и действия ближайшим следствием имеет вовлечение в рассмотрение институализированных и летучих, кратковременных ценностно-символических аспектов индивидуального и группового поведения — на это обращает внимание Дж.Александр в своем комментарии к впервые опубликованной недавно рукописи Т.Парсонса о социальных институтах (17).

Социальное действие поэтому оказывается таким приспособлением порядка условий к нормативному порядку, в котором субъектами рационально или расточительно расходуются мыслительная, эмоциональная и чисто физическая энергия. Таким образом, длительность, энергетика (время и энергия), а также моральные аспекты деятельности, задаваемые общезначимым и ситуативным ценностно-нормативными контекстами поведения, — вот три важнейших момента, существенно корректирующих сугубо пространственную презентацию структуры и сообщающих ей динамические и этические характеристики.

Исходя из устоявшихся значений понятия “социальная структура”, принимая поправки, вводимые темпоральными, энергетическими и нравственными модусами концепта “действие”, а также учитывая основные послылки концепции структуризации, механизм воспроизводства дифференцированного и стратифицированного пространства совместной жизни людей, в котором время, ценности и энергетика поступков являются органичными измерениями, можно представить в виде взаимодействия четырех основных элементов:

- а) социальных институтов;
- б) культуры;
- в) организаций;
- г) действий индивидов и групп.

Когда мы говорим, что в данной схеме элементы взаимодействуют, то это означает, что они являются предпосылками друг друга. Так, действия индивидов (сообществ индивидов) не просто направлены на достижение некоей цели при помощи этически приемлемых или доступных средств, в данных условиях и в рамках признанных норм (структура действия по Парсонсу). Любое социальное действие всегда есть действие институциональное, поскольку его возможность и осуществимость предзаданы институтом. Оно устойчиво во времени, в той или иной степени легитимно и принципиально не ново. В этом смысле действие оказывается действием фрагмента института, его части или, лучше, “институционального звена”.

Линтоном и Парсонсом твердо установлено, что статусы и роли

обуславливают действие. Таков их ответ на важнейший в социологии вопрос о предпосылках и возможности социального порядка, то есть на вопрос о том, каким образом вся совокупность разнонаправленных действий не разрушает социальную систему, но способствует ее более или менее стабильному воспроизведению, каким образом поведение оказывается все-таки предсказуемым, а его итогом становится устойчивая конфигурация, которую Парсонс называет социальной системой, то есть неким структурированным порядком?

Иначе говоря, элементы действий и отдельные действия интегрируются в целостную и стабильную систему взаимодействий (социальную структуру) посредством социальных институтов. Институты представляют собой устойчивые во времени, общепризнанные в данном обществе статусно-ролевые комплексы, имеющие стратегическое значение для поддержания структур и сетей взаимодействия между индивидами и объединениями индивидов. Они предоставляют в их распоряжение определенные материалы и содержание для ожиданий и ориентаций, которые имеют для субъектов действия инструментальное (цели и средства) или экспрессивное (символическое) значение.

Индивиды, далее, в своих действиях непременно соотносятся и соотнобразуются с наличными и легитимными в обществе правилами и стандартами, позволяющими или запрещающими конкретные формы поведения, средства достижения целей и т.п. Индивиды, следовательно, демонстрируют некую степень конформизма с общими установлениями, ориентируясь на возможные благоприятные для себя реакции других, а также избегая негативных реакций с их стороны. И этим, в который раз, обнаруживают способность восприимчивости.

Институты, таким образом, обеспечивают непротиворечивое согласование индивидуальных и коллективных ожиданий с независимо от них существующими общезначимыми или маргинальными статусно-ролевыми и нормативными комплексами, как побуждая, так и принуждая агентов к социально приемлемым формам поведения. Поэтому когда мы говорим “институт собственности”, то подразумеваем соотносительность, неамбивалентное сочетание личностных и групповых ожиданий относительно возможностей обладать вещами и капиталом с ценностно-нормативными установлениями, определяющими права и обязанности субъектов действия, которые притязают на обладание видным положением в обществе, капиталом и вещами.

Конкретные статусы и роли, модели реального и символического поведения могут иметь значимость и быть обязательными лишь для отдельных групп или индивидов. В последнем случае имеет смысл говорить об определенной степени институционализации статусов, ролей, способов воспринимать и интерпретировать окружающее, а следовательно, и об их ограниченной возможности влиять на ожидания членов общества. Более того, легко представима ситуация, когда в социуме социальный институт отсутствует или утвердился лишь частично, а соответствующие практики тем не менее распространены в той или иной

мере. Основанием действий в данном случае является весь фонд образцов и моделей поведения, накопленный человечеством или его крупными составляющими типа континентальных культур. Мы видим, к примеру, как в странах с переходной экономикой рыночные взаимодействия возникают и поддерживаются при отсутствии развитого института рынка или же внезапно распространяются архаические, казалось бы навсегда изжитые формы экономических взаимодействий, например прямой продуктообмена (“бартер”). И тогда в тезисе об институциональной обусловленности действия, в иных случаях ограниченной и неполной, мы в состоянии различить еще один аспект — своими действиями индивиды и их объединения способны как воспроизводить наличные в данном обществе социальные институты, так и постепенно утверждать еще не сформировавшиеся или же извлекать из исторического забвения анахронические.

Институты, наконец, задают и освящают иерархию организаций и видов деятельности, вводя наиболее общие критерии стратификации и дифференциации. Если вкратце резюмировать цель и содержание структурирующей деятельности институтов, то она сводится к следующему. Социальные институты устанавливают и воспроизводят набор позиций в масштабе всего общества и взаимные отношения между ними. Они, кроме того, продуцируют правила, ограничения и возможности, ориентируясь на которые индивиды заполняют данные позиции. Институты вырабатывают критерии и схемы неравного материального и социального вознаграждения за исполнение обязанностей на конкретных позициях, а систематическим применением их стратифицируют и идентифицируют индивидов и группы. Они, иначе говоря, “встраивают” (термин функциональной концепции неравенства) вознаграждение в позиции и несут ответственность за то, чтобы вознаграждение было достаточным для мотивации желательного или приемлемого поведения индивидов и групп. Для последних же вознаграждение, помимо всего прочего, выступает условием идентификации с профессией и институтом.

В периоды исторических и социальных изменений структурирующая деятельность институтов обнаруживает очевидную зависимость от общей и групповой культуры — легитимных, признанных, а также не обсуждаемых стандартов поведения в разнообразных ситуациях, способное сведения незнакомых ситуаций к узнаваемым, зависимость от однажды усвоенных и непроблематичных образцов оценки процессов и фактов. Именно культурой задается содержание ожиданий, восприятий, схем и стереотипов интерпретации действительности — некоего фонда ментальных структур, сопровождающих образования, более чувственные и осязаемые (позиции, “места”, группы), и не поддающихся исключению из состава современных социологических представлений о мире людей. Если институты задают модели и образцы поведения, то культура присваивает им конкретную степень приемлемости, легитимности, дозволенности.

Критерии “правильной”, “справедливой” стратификации и

идентичности также во многом задаются культурой — неоспариваемой традицией и памятью, поддерживающими обычный порядок и заведенный ход вещей. Ею же устанавливается, какие формы и глубина стратификации считаются и признаются “неправильными”, неорганичными, неадекватными. Что считать полезным и важным, что почетным и уважаемым, что высоким и что низким, что наказуемым, а что вознаграждаемым — предписывается культурой, но в большей или меньшей степени корректируется эмпирическими обстоятельствами или индивидуальным жизненным опытом, связанным с движением в иерархически организованном поле взаимодействия социальных субъектов. Культура, следовательно, непосредственно участвует в воспроизводстве социальной структуры и идентичностей, акцентируя внимание на ценностно-нормативных аспектах и контекстах стратификации и идентификации, сообщая конкретным формам расслоения в обществе легитимность или же объявляя их нелегитимными.

Весьма важным агентом структурирования социального пространства являются организации. Дело в том, что критерии оценок позиций институты устанавливают не прямо, но опосредованно: оценивая значимость и важность организаций, исходя из признанных культурных образцов и иерархии ценностей. Стратификация организаций в определенном смысле предшествует стратификации позиций и корректирует последнюю. Во многих случаях статус позиции задается статусом организации. В 60 — 80-е годы работать на предприятиях оборонной промышленности означало обладать более высоким материальным статусом, чем работа на аналогичной позиции в гражданском секторе экономики. Именно эти предприятия обладали преимуществами в оплате, в дополнительных льготах и вознаграждениях.

Ныне ситуация обратная — военно-промышленный комплекс в глубоком кризисе, а процветающими, предприписывающими своим работникам высокий статус и подтверждающими их профессиональную идентичность, а также создающими благоприятные условия для идентификации с организацией, являются предприятия негосударственной формы собственности, учреждения в сфере финансов и обращения денежного капитала. Принципа, впрочем, это не меняет, поскольку дело не в том, какие организации наделяют статусами, то есть дифференцируют и стратифицируют, а в том, что они продолжают участвовать в воспроизводстве социальной структуры. Причем степень их участия такова, что они в отдельных случаях в состоянии заметно корректировать критерии расслоения, диктуемые институтами, или даже вводить и устанавливать собственные. Иначе говоря, они способны углублять неравенство, едва намеченное институтами, или же проводить его там и в такой степени, которые институтами не предусматривались. При определенных условиях, таким образом, организации вступают в конкуренцию с институтами по поводу приемлемой и допустимой степени стратификации, исходя при этом из собственных возможностей и ориентируясь на культивируемые ценностные образцы и нормы.

Со своей стороны индивиды используют организации в качестве средства противостояния и противодействия подчиняющим интенциям и тенденциям социальных институтов. Влиять на институты, особенно такой как государство, участвовать в конкуренции за ограниченные ресурсы и добиваться успеха можно сегодня только при помощи организаций. Присоединяться к организации, причислять себя к ней и, наконец, участвовать в ней, принимая на себя обязательства и подчиняясь действующим здесь правилам и регламентам — такова участь отдельного индивида, ищущего свою “позицию” в социуме и воспроизводящего ее своей активностью.

Основанием “действия” организации является также некое институциональное звено, то есть фрагмент института. Причем вовсе не обязательно, чтобы такой институт был традиционным для конкретного общества или хотя бы легитимным. Легальность организаций, их гласная и нескрываемая деятельность лишь в той или иной степени может соответствовать формальным правилам и нормам. С не меньшим успехом организации опираются на совокупность прецедентов, лакуны в законодательстве, на традицию и прочее. Легализация может обеспечиваться самыми разнообразными способами, особенно в обществах, находящихся в процессе социально-экономических и политических трансформаций. Причем институциональное звено не гарантирует автоматически преуспевание организации, оно представляет собой необходимое, но не достаточное условие ее функционирования.

Стратификационные системы, наконец, воспроизводятся действиями индивидов, групп и организаций. Легко вообразить себе ситуацию, когда содержание и способы индивидуальных и групповых действий опираются на легитимные и институциональные ресурсы, правила и возможности, регулируются всем понятными и одобряемыми ценностями. И вовсе не обязательно, чтобы схемы и модели поведения уже существовали и были известны заранее. Они могут возникать как бы невзначай, иногда в пределах, предписанных своевольным сочетанием универсальных и национальных институтов и культур.

В то же время не составит труда представить ситуацию, ей противоположную. Для нее характерно то, что структуры деградируют и слабеют (в наиболее радикальном случае — рассеиваются и обрушиваются), ибо индивиды массово уклоняются от социальной повинности их воспроизводить, вдруг ощущают себя свободными по отношению к ним, утрачивают и не в состоянии отыскать шаблоны и образцы, в соответствии с которыми они могли бы воспроизводить структуру, а также идентифицировать себя с ее элементами. Утрачивать функциональную значимость — такова судьба социальных институтов, партий и организаций, групп, сетей обменов и зависимостей, внезапно оказавшихся без поддержки индивидов и не воспроизводимых их повседневными практиками. Конечно, существование подобных структур может поддерживаться искусственно — волей и амбицией одних

заинтересованных лиц и групп, инертностью и податливостью других. Какой-то срок репродуцируемые не действиями целеустремленных и заинтересованных социальных агентов, но общественной инерцией элементы социальной структуры и модели идентификации продолжают бытовать в качестве “фантомов”, мнимо увеличивающих ее разнообразие. Причем не всегда и вовсе не обязательно они будут откровенно дисфункциональны: их присутствие может не возмущать течение социальных процессов, но сказываться на эмоциональной атмосфере в обществе, а также направлять действия индивидов. Вместе с тем в социальной структуре всегда наличествуют слои и группы, своим существованием обязанные активности субъектов ее воспроизводства. Иногда они превращаются в острую социальную проблему для общества (злоупотребляющие доверием “доверительные общества”, нелегитимные полувоенные организации молодежи, нищие, безработные, бездомные, беспризорные дети), вызывая острые дискуссии и политические потрясения.

Структура есть, несомненно, заранее заданной возможностью действия по определенным канонам и легитимным стандартам. Однако действия не только в соответствии с ними, но и отклоняясь от них, игнорируя их, ориентируясь на модели и образцы поведения, релевантные иным культурам, экономическим и политическим системам. Большинство индивидов принимают предлагаемые условия деятельности и подчиняются им. Некоторая же часть не принимает их и не подчиняется им, не признает правила поведения и идентификации обязательными для себя, обосновывая или не утруждая себя обоснованием подобной установки. Отступление от господствующих в данной общественной системе ценностей и норм, следование нелегитимным или преследуемым ведут к формированию более или менее устойчивых “несистемных” элементов социальной структуры, то есть не являющихся более или менее адекватным воплощением наличных институтов. Однако в переходных, трансформирующихся обществах едва ли не большинство позиций, статусов, ролей, идентичностей оказываются, наконец, “несистемными”, ибо проблематично само существование “системы” в качестве институционального и легитимного образования.

В данном случае имеется в виду не столько девиантное, уголовно наказуемое поведение, ведущее к формированию слоя постоянных клиентов правоохранительных органов. Речь идет об инновационной социальной деятельности, не регулируемой и не направляемой общепринятыми нормами в той мере, в какой это признается сторонниками структурного функционализма, результатом которой могут быть элементы социальной структуры, способные существенно повлиять на весь механизм ее воспроизводства только тем, что зададут новые образцы деятельности, поведения, самоощущения. Интеллектуалы-диссиденты, культура авангарда или андеграунда, параллельная или теневая экономика со своими сетями и каналами обмена и распределения — таковы наиболее известные примеры “несистемных” элементов и

относительно завершенных “несистемных” структур.

Индивиды действуют, разумеется, не как изолированные одиночки, но как представители конкретных общностей и организаций. Они принадлежат к ним и либо причисляют, либо не причисляют себя к такого рода общностям. Причем цели и ценности поведения могут черпаться не только из доминирующей культуры, но и культуры альтернативной, чей статус не подтверждаем большинством, не институционализирован. Возможности поступать именно таким образом открываются прежде всего в периоды преобразований, расширения палитры ценностных и нормативных доминант, складывания новых иерархий предпочтений и критериев стратификации, ослабления или даже утраты индивидами групповой, статусной и профессиональной идентичности. Как раз тогда индивиды и группы активно и отовсюду заимствуют и присваивают приглянувшиеся идеалы, символы, модели трудового и внетрудового поведения, создают предпосылки для их воплощения в повседневных практиках. Как раз тогда наблюдается более или менее массовый процесс кризиса идентичности и смены ее.

Таким образом, конечным продуктом воспроизводства социума в перспективе соотношения структуры и действия являются не слои и группы, не позиции и статусы сами по себе, но идентичности – институционально санкционированное, социально признанное, лично значимое и подтвержденное соответствие (совместимость) индивида занимаемой позиции в стратифицированном пространстве. Идентичность, следовательно, является “вещью” чувственно-сверхчувственной, объективно-субъективной, сплавом надличностного и личностного. Вслед за Гидденсом повторим еще раз – идентичности присутствуют виртуально.

§3. Статусно-символические идентичности в социальной структуре

Памятуя о природе и происхождении идентичностей, мы вправе именовать их “статусно-символическими” идентичностями. Понятие “социальный статус” принадлежит к числу центральных в социологии и, быть может, именно вследствие этого не имеет твердо зафиксированных и общепринятых определений (18). Оно входит в терминологический словарь различных теоретических построений – достаточно упомянуть понимающую социологию М.Вебера, культурную антропологию Р.Линтона, структурный функционализм и символический интеракционизм. Учитывая смысловую неоднородность понятия, целесообразно выделить по крайней мере пять типов контекста, которые уточняют представление о статусе.

Во-первых, о статусе говорят применительно к неравному распределению власти в обществе в целом, в организации или в группе. Обладать статусом – значит распоряжаться определенным объемом власти, иметь авторитет и влияние. Во-вторых, статус – это некоторая сумма прав, обязанностей и возможностей, зафиксированная

главным образом в формальных социальных и юридических нормах, но также и в обычаях и традициях, обслуживающих практику общения и взаимодействия. В-третьих, статус — это характеристика сложившихся у индивида или группы объемов и ассортимента потребляемых товаров и услуг. Именно в подобном контексте социологи говорят о потребительском статусе (19) или, вслед за М.Вебером, о стиле жизни. В-четвертых, статус — это признание, оценка другими, конкретное место на шкале уважения и авторитета, предписываемое внешними “инстанциями восприятия” (20). Все четыре названных контекста М.Вебер считал достаточными для описания таких общностей, как статусные группы (21). В-пятых, под статусом понимается также выбор индивидами, группами или организациями какой-либо позиции, отношения к тем или иным аспектам жизни, фактам, событиям.

О статусе, далее, можно говорить применительно к трем различным субъектам: индивидам, группам, организациям. Их статусы, очевидно, не совпадают, но и не представляют собой нечто абсолютно независимое друг от друга. Причем на индивида неизбежно падает тень статуса группы и организации, которые безотносительно к воле и желанию индивидов наделяют их статусными характеристиками, предписывая им конкретный статус, то есть идентифицируя и поставляя материал для идентификации другими и самим индивидом. Реальному положению дел скорее всего соответствует утверждение, что статус и предписан личностям, и достигается ими. Он не редуцируется к личностным качествам и прошлой деятельности без остатка, в нем обязательно присутствует нечто, имеющее надындивидуальную природу — то, чем наделяют индивида институты и группы, к которым он принадлежит и с которыми идентифицирует себя. Впрочем, подобная констатация по крайней мере тривиальна, поскольку после работ Э.Мэйо, обобщающих и пропагандирующих результаты экспериментов в Хогторне, твердо установлено, что поведение индивидов на производстве обусловлено принадлежностью к группе и их статусом в ней, а также статусом группы на предприятии или в фирме.

Греческое слово “статус” первоначально означало — “поза борца, изготовившегося к схватке”, но уже в риторике было переосмыслено (22). В современной социологии признано, что субъекты не просто занимают статусы или достигают их, но и соотносят себя с ними, идентифицируют себя с ними, ожидая подобной идентификации от других. Идентификация — как социальная так и личностная — не может состояться без статуса, он есть необходимой предпосылкой процедур соотношения, причисления и отождествления. Индивиды не просто занимают “позиции”, они вступают в обладание определенным объемом возможностей и благ, распоряжаются ими и в этом жизненном процессе обретают идентичность, утверждают в слитности с внешне заданными, более или менее устойчивыми конфигурациями социума.

В то же время для уверенного отнесения себя к ним, для эффективного включения в социальную жизнь индивид должен уметь распознавать

или даже только угадывать статусы по символам. Пространство взаимодействия индивидов наполнено разнообразными статусными знаками и символами. Члены общества непрерывно производят статусно-символические идентичности в качестве обязательных элементов социальной структуры, по сути же — социального порядка. Конструировать их, воспринимать, реагировать на них и ожидать реакции других вполне естественно для участвующих во взаимодействии и коммуникации в рамках общественного целого.

Этимология слова “символ” прямо указывает на социальные и коммуникативные функции: символами “назывались у древних греков подходящие друг к другу по линии облома осколками одной пластинки, складывая которые, опознавали друг друга люди, связанные союзом наследственной дружбы” (23). Символы предназначались только для своих и не поддавались расшифровке другими. Они обслуживали замкнутую среду, избегающую огласки и привлечения внимания. Но практически одновременно развивается и символика социального статуса. Так, носить длинные волосы позволялось лишь свободнорожденным, полноправным жителям Спарты.

В современных обществах соотношение символов и статуса несколько сложнее. Обладание статусом предполагает вовлеченность в иерархически и горизонтально упорядоченную систему взаимодействия с другими субъектами. В стабильном обществе эффективность взаимодействия не в последнюю очередь поддерживается тем, что индивиды принимают сложившееся распределение статусов и не настаивают на их редистрибуции, не оспаривают правомерность существующего порядка. Относительная простота идентификации статусов облегчает контакты и предохраняет от недоразумений.

Кроме того, процесс жизнедеятельности индивидов оказывается одновременно процессом эксплуатации статусов для удовлетворения насущных потребностей. Предоставляемые статусом возможности часто обмениваются на иные возможности, по разным причинам недоступные в данный момент. Так возникает и укрепляется система взаимной зависимости, а из совокупной массы “других” выделяются значимые и полезные. Опирающиеся на статусы индивиды активно вступают во взаимодействие и искривляют социальное пространство, стягивая его в устойчивые сети и узлы. Статусы, в итоге, становятся источниками самоутверждения, идентичности внешнего и внутреннего “Я”, неким гарантом собственной ценности, удовлетворения личностных амбиций и притязаний, а также образцом для идентификации прочих статусов. Нацеленность на идентификацию статусов позволяет обнаруживать их стабильные сочетания, а значит — облегчать ориентацию в социальном пространстве.

В межличностном общении, однако, до обмена статусами дело не доходит. Подобный обмен — сюжет сказок и литературных произведений, создаваемая изредка социологами прожективная ситуация, но в жизни он не встречается. Есть основания полагать, что статусы можно приобрести

за деньги, однако занимаемым положением люди не меняются. Более распространены ситуации с отказом от идентификации с собственным статусом, а также попытки отождествления с другими. Индивиды и группы, находящиеся в оппозиции к существующему порядку или отказывающиеся ему в легитимности, не стремятся занимать статусы, навязываемые данным обществом, или же уклоняются от неприемлемых предписаний. Таковы, например, профессиональные революционеры, отказавшиеся от предписанного рождением и образованием статуса. Проблемы с идентификацией возникают и у граждан вновь образовавшихся суверенных государств.

Статусы не воспринимаются непосредственно, но манифестируют себя в символах, обретаемая осязаемые, зримые черты и формы. Вероятно, не менее справедливо и другое: символы идентифицируют статусы, являются достаточно удобными и доступными орудиями идентификации. Вместе с тем связь символов со статусами не всегда очевидна. Ограниченный круг людей способен иногда знать о том, что нечто функционирует в качестве символа. То, мимо чего одни проходят безразлично, другие безошибочно используют в своих идентификационных практиках. Это возможно потому, что между статусами и символами всегда сохраняется определенная дистанция. И все же именно деятельность индивидов и групп не дает им окончательно распасться. Индивидам (и группам, пожалуй, в не меньшей степени) присуща интенция выйти из социальной тени, самоидентифицироваться и быть идентифицированными другими. Отсюда неизбежная устремленность к символизации статуса, довольно мощная энергетика символизации, особенно властно подчиняющая себе слои и категории, размещающиеся на противоположных полюсах социальной вертикали.

Ее накоплению способствовало то обстоятельство, что в Советском Союзе существовали серьезные ограничения, если не запреты, на символизацию статусов. Данная тема требует тщательного социолого-исторического изучения, поэтому ограничимся отдельными иллюстрациями. Богатые люди в СССР были, но символы богатства не выставлялись на всеобщее обозрение, имели хождение в узких кругах, среди “своих”. Владеть земельным участком после 60-х годов никому не возбранялось, но и размер участка, и размеры возводимого на нем строения (“дачи”) строго лимитировались. Аналогичная картина наблюдалась и на противоположном имущественном полюсе. Бедные и очень бедные были, но символизация бедности не допускалась: не без участия власти с улиц городов, из пригородных электричек исчезли просившие подаяния инвалиды последней войны, а вместе с ними и те, кто превратил нищенство в основной промысел.

Ныне ситуация принципиально иная: энергия символизации контрастных статусов вырвалась наружу. В Украине, России и других суверенных государствах бедность и состоятельность символизируются, выставляются напоказ, демонстрируются всеми вообразимыми способами. Некий карнавал символизации, предпринятый вовсе не для

того, чтобы убедить в ничтожности и незначимости различий в доступке и возможностях доступа к редким и дефицитным благам. Напротив — чтобы приучить, а значит, легитимизировать состоявшийся передел богатства, легализовать богатство и бедность визуально. Длющийся праздник символизации, несомненно, отражает реальный процесс стратификации, быть может, весьма существенный, но не единственный, поскольку реальная картина расслоения много сложнее, а ее реконструкция затруднена для экономистов и социологов. Тем не менее проявившееся и проступившее неравенство активно вовлекается в общественный и политический дискурс, к нему приковано внимание общественного мнения и оно осознается как важная социальная проблема.

Однако если говорить в более общем плане, то социальные институты и организации — вот едва ли не монополисты в производстве и навязывании символов идентичности. Они возводят во всеобщность, то есть превращают в общее достояние те или иные символы, утверждая статусно символические субстраты в качестве схем индивидуального и группового восприятия и понимания социального мира. При этом в ход идут вербальные и невербальные символы. Первые обращаются в различных формах общественного и политического дискурса, вторые обслуживают взаимодействия индивидов с институтами и организациями.

Разного рода социальные катаклизмы расщепляют единство символов и статусов. Уже нет Советского Союза, но есть орденосцы этого государства, есть воевавшие за него, жившие в нем и сохраняющие о нем память. Оставшиеся символы былых статусов актуализируют, повторим вслед за А.Гидденсом, темпоральные характеристики процессов идентификации, выдвигая на первый план сравнение “прежде”, “ныне”, “в будущем”. Впрочем индивиды и самостоятельно продельвают операции расчленения символов и статусов. Наиболее активные и предприимчивые из них присваивают символы, оставляя статусы в неприкосновенности. В подобном случае — случае идентификации с символами — агенты вступают в социальное общение, как бы обладая статусом, стремятся извлечь из подобной ситуации максимум дивидендов. Таков ревизор в одноименной комедии Н.В.Гоголя, таков О.Бендер в милицейской фуражке с гербом г.Киева, учиняющий допрос подпольному миллионеру. Герой поэмы “Мертвые души” обзаводится символами для того, чтобы достичь в обществе статуса, соответствующего приобретенным символам.

Присвоение символов статуса оказывается условием доступа к взаимодействию индивидов и групп, индивидов и государства. Посредством такого присвоения как бы устанавливается и удостоверяется легитимность желаемой идентичности, будто бы неразъемной сочлененности “Я” и статуса. Порой именно таким образом субъектам удается извлечь как материальную, так и моральную выгоду, достичь ее быстрее, чем при использовании иных механизмов включения в процессы распределения и обмена ресурсами и возможностями. Эта своеобразная эксплуатация

символов приносит иногда не меньший доход, чем эксплуатация статуса. Достаточно иметь дело с людьми, которые восприимчивы к символам, доверяют им и испытывают к ним почтение.

В известной степени распределение, а уж тем более навязывание символов есть процесс распределения и навязывания идентичностей. Поэтому принятие символов может быть знаком конформизма и лояльности. Причем неважно, с умыслом происходит такое принятие или в силу каких-то иных, неосознанных, но принудительных механизмов. В свою очередь, непринятие символов не обязательно свидетельствует о нелояльности (офицер выполняет свой долг, но отказывается от награды). Вместе с тем распространение единых образцов речевого поведения, единой риторики (вплоть до ругательств, занимающих все больше места в вербальном общении всех слоев) оказывается как бы присвоением символов конкретных статусов, но также и невольной идентификацией со статусами.

Символы принадлежности запускают механизм идентификации, а также организуют взаимодействия на основе схожих определений ситуации, когда вступает в силу и начинает действовать уместный в данном случае этикет, формируются ожидания, срабатывают стереотипы поведения. Символы принадлежности, кроме того, используются воспринимаемыми их как идентификаторы положения индивидов и групп в стратифицированном социальном пространстве. Маркированное подобным образом, оно в принципе обозримо индивидами — быть может не в подробностях и деталях, но от края и до края. В восприятии индивидов и групп складывается довольно целостная картина социального мира. Ее устойчивость и перманентная воспроизводимость убеждают в непоколебимости собственного статуса и собственной идентичности.

Символы статуса, как правило, упрощают реальность, сводя статусное, в большинстве случаев латентное многообразие к небольшому числу воспринимаемых статусно-символических образований. Массовое, а также групповое сознание легко отвлекается от подробностей, частных, оттенков. Совершенно очевидно, что для обслуживания широкого круга идентификационных практик и самоидентификации вполне достаточно недлинного ряда оппозиций: богатые и бедные, властвующие и безвластные, собственники и не собственники, эксплуататоры и эксплуатируемые, демократы и консерваторы, высший, средний и низший классы и т.п. Символы здесь презентуют статусы, не исключено — даже порождают их, претендуя на конституирование реальности. Социальное пространство фактически организуется и упорядочивается символами статуса. Нередко не статусы, но их полномочные и неполномочные представители — символы — продуцируют ожидания и притязания, раздражение и восторг, становятся востребуемым материалом конструирования идентичностей других и самоидентичностей.

В социологии и социальной психологии еще со времен Дж.Г.Мида установлено, что никто не в состоянии удовлетворительно идентифицировать себя независимо от идентификации другими. Иначе

говоря, совершенно недостаточно приписать себе принадлежность к какому-либо статусу. Необходимо, чтобы и другие подтвердили и признали подобную самоидентификацию, то есть обязательна интересубъективно признанная самоидентификация. Так, утверждал еще М.Вебер, членство в элитарном клубе само по себе мало что значит: полнота самоидентификации достигается лишь после признания старожилыми нового члена равным себе. Вот и в науке статус ученого подтверждается значимыми другими – лидерами научных школ, авторитетными научными организациями. Идентификация со стороны организации или государства, то есть признание и его символы, выступает важнейшей составляющей самоидентификации. Отсюда необходимость подтвержденного, символического по материалу и воплощению признания.

§4.Тенденции стратификации и процессы идентификации

Слаженная работа механизма воспроизводства социальной структуры и идентичностей предполагает, во-первых, достаточно высокую степень координации, взаимодополнения всех его элементов. И, во-вторых, либо довольно высокую степень соответствия механизмов стратификации внутри данного общества аналогичным механизмам вне его (в окружающих государствах), либо известную закрытость перед лицом качественно отличных механизмов стратификации. Однако подобное условие не выполняется в периоды трансформаций, увеличения разнообразия легитимных форм собственности и ценностных систем, а также в периоды внезапного и стремительного роста прозрачности внешних оболочек общества, создающего возможности для экспорта и импорта товаров, ценностей, тенденций неравенства.

Именно подобная ситуация сложилась и сохраняется в Украине с начала 90-х годов. Ее содержание полностью определяется тем обстоятельством, что в Украине растянутым во времени оказался процесс перераспределения, а точнее, передела основных ресурсов – собственности, власти, престижа. Предоставление, а вместе с ним и предприимчивое присвоение прав распоряжаться ограниченными ресурсами, открытость внешнему миру и проницаемость границ для людей, капиталов и товаров привели к формированию социальных и экономических типажей, общностей, организаций, необычных по облику и несущих отличительные признаки самых разных эпох и культур. Предъявленное в качестве жизненно важной цели движение к рыночной экономике сопровождается отчетливыми тенденциями деиндустриализации (закрытие и остановка предприятий, деквалификация рабочих и инженеров), натурализацией обмена между экономическими субъектами, возрождением архаических форм самообеспечения продуктами и предоставления услуг, распространением практик перераспределения доходов путем формирования неофициального рынка занятости и услуг, каналов движения финансовых ресурсов и

т.п. И в результате, как это неоднократно бывало в истории, скорость падения реального уровня жизни оказалась заметно ниже скорости падения уровня производства.

Соответственно и процесс воспроизводства социальных идентичностей не однороден, в нем представлены компоненты, релевантные самым разным историческим эпохам и условиям. Они не просто сосуществуют, но и вступают во взаимодействие, вычерчивая неповторимый, дифференцированный по самым различным основаниям и их сочетаниям, но весьма неустойчивый облик общества. Поэтому в том, что является результатом такой работы — в больших социальных группах и слоях, уже с трудом угадываются черты, прежде хорошо знакомые, практически не видны черты желаемого будущего, но в изобилии представлены новые, зачастую неожиданные, а для некоторых категорий населения, в силу разных причин, и нежелательные. В формирующихся ныне группах, слоях и категориях столь непредсказуемо сочетается и сосуществует откровенно анахроничное, вроде бы отжившее, и новое, казалось бы утратившее жизнеспособность и излучающее энергию, что все более обоснованным представляется утверждение о “мутантном” происхождении ныне бытующих социальных форм и общностей. А наряду с ним все труднее отвергнуть и другое утверждение: о глубокой, отчасти, не исключено, и вовсе непроницаемой дифференцированности современного украинского общества. По крайней мере, оно с такой же степенью вероятности может быть условием кризисных явлений в обществе, как и аморфность, неструктурированность основной массы граждан нового государственного образования за пределами уже четко обозначившихся слоев “богатых” и “бедных”.

Для выяснения тенденций стратификации, идентификации образующихся слоев и групп решающее значение имеет как можно более точное определение наличной социальной ситуации. Для большинства ныне суверенных республик, а также стран центральной и восточной Европы это ситуация возможностей, условий, форм и способности индивидуальных и коллективных агентов включиться в непосредственный процесс передела собственности, власти и престижа как основных гарантов стабильности и статусной безопасности. В подобной ситуации проигрывает тот, кто в силу различных причин не включился в него. В Украине, например, очевиден факт резкого снижения уровня жизни занятых в государственном секторе экономики (“зависимых от государства”). Фактически это означает, что данный институт общества оказался неспособным выполнять вмененные ему функции структурирования и стратификации, то есть обеспечивать индивидов и группы важнейшими средствами самоидентификации, поскольку материальное и прочие виды вознаграждения как бы “демонтировались” из позиций. Тем самым занимающие их индивиды ограничивались не только в средствах физического существования, но и в ресурсах идентификации с государством. А поскольку квалификация, компетентность и ответственность уже не вознаграждаются, то

нивелируется их социальная востребуемость, индивиды лишаются средств профессиональной, ролевой и статусной идентификации.

Иначе говоря, в социальной структуре в результате комплексного воздействия явных и латентных факторов складываются локально, парцеллярно функциональные конфигурации позиций, а общим контекстом их бытования остается произвольная и своевольная автономизация сегментов и фрагментов социального целого, причем эти сегменты и фрагменты конструируют собственные правила самоорганизации и не преуспевают в утверждении всеобщих. Отсюда очевидные устремления членить и закреплять экономическое и социальное пространство за различными объединениями индивидов, заботиться об их “неприступности” всеми доступными методами.

Субъекты экономической деятельности обзаводятся собственными службами охраны и безопасности, средства массовой коммуникации систематически сообщают о фактах криминализации экономики, коррупции государственных чиновников, об открытых столкновениях криминальных группировок с применением огнестрельного оружия на улицах крупных городов. В экономическом пространстве явно формируются некие “феоды” под юрисдикцией своеобразных “коллективных феодалов”, ведущих сложную игру, если не войну, с конкурентами и государством в весьма неопределенном правовом поле. Вслед за У.Эко мы вправе тут усматривать аналогию с феодализмом и Средними веками: далеко зашедшая натурализация обменов и отсутствие полноценной валюты в Украине дают достаточные основания для этого. Подобные коллективные субъекты действия тем не менее говорят на языке ценностей и символов позднейших эпох и достижений, не идентифицируя себя со столь давним периодом истории Европы, а за дефицитные ресурсы конкурируют активно и целеустремленно, подобно носителям протестантской этики — как об этом они могут думать сами или каковыми представлять в описаниях социологов и журналистов.

Освобождение позиций (статусов) от систем вознаграждения, явно не завершившийся процесс дробления и присвоения собственности и политической власти для очень многих, но не всех, не только создают возможности, но и предписывают распад обязательной для функционально зависимых систем идентичности индивидов и позиций, их взаимную дифференциацию или даже отчуждение и отторжение. Принадлежать (к позиции, статусу, организации) и участвовать — отныне вовсе не одно и то же. Принадлежность проблематична в отсутствие систем вознаграждения. Значит, и участие не жестко обязательно, а контроль за участием заведомо обречен на неэффективность. Иначе говоря, значительная часть пространства идентификационных практик становится ныне “проблемным пространством”, поскольку неопределенными и недоступными оказываются ресурсы идентификации. Проблема идентификации и в личностном, и в социальном аспектах становится центральной для проблематики структуры общества.

В подобной проблематизации мы вправе видеть источник импульсов и

побуждений к мобильности, она социально санкционирует и оправдывает миграцию. Индивиды проявляют повышенную восприимчивость и отзывчивость на действия региональных, поселенческих, отраслевых и личностных факторов, в той или иной мере допускающих или даже поощряющих совмещение и сближение самых разнообразных, едва ли не контрастных ролей или же перемещение на привлекательные позиции с откровенно дискриминируемых.

Принадлежность к успешным политическим и экономическим “командам” (пресса и массовое сознание наравне с этим понятием оперируют термином “мафия”) или к образованиям типа “фратрия”, умственность которого для анализа корпоративных отношений в современном украинском обществе обосновывает А.Федоров (24), или же к “феодам” жестко требует непрерывно демонстрировать в качестве условия принадлежности лояльность к “команде”, безусловно принимать доминирование группового над личностным, культивировать корпоративный дух и т.п. Тем не менее и в этом случае социально культивируемый эгоцентрический презентизм и утилитаризм являются лично значимой и одновременно институционально и ситуативно легитимной предпосылкой поведения, нацеленного на доступ к основным социальным, культурным и экономическим благам, предпосылкой, находящейся, очевидно, за пределами применимости оценочных суждений, какие бы инстанции ни пытались их инспирировать или выносить.

Резко обозначившееся различие в экономическом и социальном статусе “зависимых от государства” и “зависимых от феодализованной экономики, открытой для экономики рыночной”, инициирует неоднозначные по своим исходам процессы. Среди явно негативных – кризис статуса гражданства, то есть государственной идентичности, нарастающая дестратификация позиций в контролируемом государством секторе экономики, отток наиболее компетентных и квалифицированных работников, разрушение мотивационных механизмов на фоне отсутствия ресурсов профессиональной идентификации.

Попытаемся теперь суммировать наши наблюдения и ответить на часто формулируемый вопрос: к социальной структуре какого типа осуществляется переход и есть ли вообще основания говорить о какой-либо тенденции в данном отношении? Ответ, разумеется, будем давать в контексте тех определений и значений, которые обсуждались ранее. Начнем с метафоры Леви-Строса о “холодных” и “горячих” обществах, памятуя о неизбежных ограничениях и упрощениях, связанных с употреблением дилемм и оппозиций.

“Холодные” – это преимущественно устоявшиеся общества с твердой, типа кристаллической решетки, структурой позиций и статусов, в которых дефицитные ресурсы распределяются вполне определенным и ясным способом, а индивиды и общности не имеют побуждений и намерений стимулировать экономический рост и социальное развитие. Доминирование универсального над партикулярным, коллективного

над индивидуальным, общего над личным оказывается естественным следствием прочных и неизменных пропорций распределения ограниченных ресурсов, легитимных в глазах всех и каждого. Разделение труда и функций, неравенство, не подверженное, а может и не подвластное изменениям, способствуют самовывживанию общества, но никак не его росту, поскольку контакты с другими “холодными” образованиями эпизодичны и поверхностны, а принадлежность к одному типу исключает влияния и заимствования. Слитность с коллективом предопределяет помыслы, чувства и реальное поведение. В понимании и интерпретации окружающего мира также господствуют универсальные, всеохватывающие модели, предлагающие объяснения с точки зрения одного или нескольких принципов.

“Горячие” — это быстро растущие и развивающиеся общества, в которых функциональная зависимость элементов внутри экономического или только социального порядка (интегрированность социальной системы) преобразуется и восстанавливается вслед за появлением все более эффективных технологий, сдвигов в профессиональной структуре, средствах массовой коммуникации, а также перед лицом все большей неопределенности при принятии решений и слабой предсказуемости их последствий главным образом в разнообразных дискурсивных практиках, коими достигается согласие и взаимопонимание между автономными субъектами поведения. Вместе с тем непрерывные процессы изменений не отменяют наличие стабильного и инвариантного. Индивиды занимают вполне определенные места в полях распределения экономических, политических, культурных и символических благ. И этим местам, как показал П.Бурдьё, соответствует некий комплекс предпочтений, ориентаций, вкусов и привычек, который он называет “габитус” (термин, применявшийся в анализе растительного мира и использованный О.Шпенглером в книге “Закат Европы”). Но отсюда, согласимся с французским социологом, вовсе не следует, что индивиды, занимающие близкие места в одном или нескольких “полях”, будут вести себя схожим образом.

В “горячих” обществах, следовательно, наблюдается слабая обусловленность поведения занимаемой позицией и принадлежностью к статусу. Последнее справедливо для большинства, но, очевидно, не для всех индивидов: такова доминирующая тенденция, не более того. “Горячие” общества стратифицированы, то есть дефицитные ресурсы в принципе поделены, но распределение не закреплено за агентами окончательно, его правомерность и легитимность требуют постоянного подтверждения и отстаивания. Поскольку в таких обществах существуют легитимные правила, регулирующие развертывание индивидуальной и корпоративной состоятельности за получение более широкого доступа к ограниченным ресурсам, налицо также возможности их дополнения и совершенствования. Кроме того, агенты конкурируют за привилегированные блага опосредованно, изобретая и внедряя изощренные способы “соблазнения и совращения” (Ж.Бодрийяр)

потенциальных потребителей товаров и услуг с помощью знаково-символических реальностей.

Неочевидность направленности влияний, высокая вероятность возникновения новых сегрегаций, партикулярных и отмежевывающихся общностей на фоне тотальной включенности индивидов и их объединений в коммуникативные взаимодействия и сети — такова реальность, явно стремящаяся ускользнуть из-под власти универсальных тенденций, избежать отвердения и окостенения в глобальных конструкциях. Универсальные объяснения могут предлагаться и иметь сторонников, но их привлекательность обычно не бывает высокой. Впрочем, и в подобной ситуации, и это вовсе не парадокс, объясняющая сила концепта “социальная структура” не идет на убыль. Просто ее высвобождение требует адекватных определений того, что именно подлежит объяснению и какая независимая переменная или комбинация подобных переменных обуславливает поведение. Причем границы релевантности таких определений не могут быть широки, они обычно уместны для одних случаев, а в других могут быть не применимы.

В Украине, несомненно, осуществляется смена структуры “холодного” типа структурой “горячего” типа. Это означает, повторим еще раз, что период относительно устойчивого и контролируемого распределения благ между позициями и занимающими их индивидами уступает место периоду передела благ и ресурсов. Собственность и деньги, власть, уважение и признание, культурное наследие и традиции, история и информация, символы наконец — все становится объектом конкуренции, перераспределения и присвоения. Возможности включения, готовность принять участие в новой игре со значительными экономическими и социальными ставками, состоявшиеся обретения и потери — вот что выразительно дифференцирует агентов взаимодействий. Определенный “разогрев” несомненно произошел, скомпоновав пеструю и неоднородную картину, непредсказуемо переместив и разместив в общем континууме взаимодействий индивидов, общности и организации. Ее реконструкция социологами еще не произведена, но некоторые наиболее выпуклые особенности уже могут быть предметом обсуждения.

Прежде всего стало понятным, что формы ассоциаций индивидов, однажды произведенные в процессе поддержания совместной жизни, уже никогда не выпадают из поля культуры. Невидимые и обыкновенно не ощущаемые, они тем не менее продолжают присутствовать в мире собственно человеческого, находя конкретных социальных носителей или укрываясь в не привлекающих внимания нишах. Фратрия бесспорно принадлежит ранней греческой истории, а цех — средневековью. Но столь же верно и то, что фратрии и цеха остаются формами взаимодействий индивидов. Периферийные, не особенно распространенные, оттесненные современными формами общности, они бытуют, причем вовсе не обязательно на краю, в современной ойкумене социальности и культуры. Но для определенных целей и в определенных ситуациях какими-то мощными, не всегда явными и легко замечаемыми движениями и течениями

они переносятся к жизненно важным центрам социумов, становясь чаще всего не столько доминирующими и самыми распространенными формами объединений, сколько наиболее эффективными для достижения некоего спектра целей. Складывается впечатление, будто кризисы и трансформации дают новую жизнь архаичным коллективным образованиям.

Ситуация передела ресурсов явно взывает к тому, чтобы индивиды, если они заботятся о поддержании конкурентоспособности в состязании за блага, создавали ассоциации особого типа, вступали в релевантные им отношения. Стоило бы поразмыслить над тем, каким образом индивиды, не имеющие в своем распоряжении отлаженных и доступных моделей для копирования и подражания, оказываются в состоянии воссоздавать архаичные типы коллективности, предшествующим опытом иногда и вовсе не предусмотренные к этому. Быть может, они заново изобретаются и выдумываются, конструируются из наличных условий и средств деятельности в конкретных ситуациях.

Теоретическая экспликация соотнесенности “структуры” и “действия” привлекает внимание социологов к социальным образованиям вполне определенной разновидности, а именно к “действующим структурам” в ситуации передела богатства, власти, престижа, культуры, символов. Пожалуй, их удобнее всего именовать корпорациями (лат. *corporatio* — объединение, общество, союз на основе цеховых, групповых интересов; объединение для достижения цели в публичной сфере).

Нелегко, разумеется, избежать искушения трактовать корпорацию как родовое наименование для различных историко-культурных видов коллективности, в разные эпохи и в разных странах получавших разные наименования: вроде упоминавшихся уже фратрии и цеха либо монашеских, рыцарских явных и тайных орденов, братств, “лож”, общин и артелей или же “мафии”. Несомненно не только сходство корпорации с некоторыми терминами, имеющими определенную социологическую традицию, такими как “команда” в драматургической версии повседневности Э.Гоффмана со шлейфом соответствующих понятий (“представление”, “исполнение”, “определение ситуации”), но и отличие ее от социологического употребления термина “клика” (25) или, скажем, “целевая группа”. Однако аргументированное предъявление отличий корпорации от названных терминов, как и эмпирическое исследование конкретных разновидностей ее в современном украинском обществе, — вполне самостоятельная исследовательская задача. Укажем только основные атрибуты, конституирующие корпорацию в качестве одного из элементов структуры “разогревающегося” общества, в котором, очевидно, сосуществуют и взаимодействуют фрагменты и компоненты социальных образований различных исторических и культурных эпох.

Прежде всего, своеобразной социальной реанимации корпораций способствует возрастающая конкуренция за блага, сопутствующая ей архаизация обменных операций (прямой продуктообмен), распространение

“караванных”, предпринимаемых на свой страх и риск, в обход и помимо государства, усилий по доставке товаров из ближнего и дальнего зарубежья (внегосударственный экспорт и импорт сравним в Украине по объему с собственно государственным). Именно конкуренция и поиски источников вознаграждения востребуют корпорации как необходимые составляющие ситуации. Иначе говоря, корпорации формируются и утверждаются в контексте и в связи с возрождением иных пережиточных форм взаимодействий в различных сферах жизни.

Преуспевать в состязании за ресурсы вряд ли возможно без объединения в ассоциации, сплоченные общей целью, дисциплиной, самоотдачей, практически безоговорочным подчинением правилам и нормам. Вот почему корпорации являют собой чистый тип ассоциаций “для себя”, с артикулированными условиями членства и ясными перспективами действий. Здесь внутренние отличия в статусах, объеме властных полномочий и размере вознаграждения отступают на второй или даже третий план перед лицом коллективного успеха.

Далее, корпорации представляют собой единство структурной и деятельностной составляющей, то есть собственно пространственной, а также временной, энергетической и нормативной в виде адекватных корпоративным требованиям ментальных констелляций (ожиданий, санкций, различения запрещенного и дозволенного и т.п.). Как пространственная структура корпорация имеет ясные, четкие и в принципе установимые размеры, а значит, и границы. Деление же корпораций на открытые и тайные, визуализирующие себя или же маскирующие не столь существенно, поскольку указывает на трудности установления их численности, но не отрицает возможности их идентификации. Столь же маловажными перед лицом названного единства являются локализации корпораций в тех или иных сферах деятельности – профессиональной, политической, экономической, социальной.

Уж если что и отличает корпорации от иных типов объединений, так это ритм и темп деятельности, то есть временные и энергетические характеристики. Именно энергетика, прилагаемые и мобилизуемые усилия и ресурсы для получения позитивных эффектов в конкуренции за материальное и символическое вознаграждение, за статусы и привилегии, за привилегию интерпретировать историю, за контроль над информацией и т.п., приводит к тому, что корпорации конструируют и поддерживают пространственно-временные поля с различным ритмом и темпом осуществления в них взаимодействий между людьми, между людьми и вещами, между людьми и ценностно-знаковыми групповыми реальностями. Повседневная речь фиксирует эту напряженную, завихряющуюся процессуальность глаголом “крутиться”.

Динамические характеристики подобных полей варьируются, очевидно, в широких пределах, обуславливая сегментацию социального целого и автономизацию образовавшихся частей. Тогда и принадлежащие к ним индивиды ведут различающуюся стилем, ритмом и темпом жизнь, возможности контактов между ними минимизируются, понижается и

уровень взаимопонимания. Отныне вести размеренный, налаженный и предсказуемый образ жизни — привилегия индивидов, принадлежащих к корпорациям, которые не вовлечены в передел ресурсов; удел же других безостановочно “крутиться”, добиваться своего, а не довольствоваться кем-то установленным. Время, следовательно, становится важнейшим дифференцирующим и стратифицирующим критерием, что на поверхности социальной жизни, эмпирически фиксируемой в первом и не самом контрастном приближении, проявляется в форме различного отношения к темпоральным характеристикам: прошлому, настоящему и будущему, согласия еще какое-то время переносить тяготы переходного периода или же несогласия.

Корпорации — и об этом никогда не заходит речь при рассмотрении “команд” или целевых групп — могут быть частью, ядром организации или же трансформироваться в нее. Корпорации в статусе организации — явление новое для посткоммунистических стран и в то же время отнюдь не случайное. Примечательно, в частности, то, что на излете так называемой перестройки новые организации возникали на основе и в кулуарах руководящих органов коммунистического союза молодежи (обкомов, горкомов, райкомов комсомола) — образований явно корпоративного толка в структуре позднего социализма. Видимо перерастание в организацию является для корпорации обязательным условием достижения амбициозных целей и сохранения, равно как и расширения, контроля за ресурсами и возможностями.

И, наконец, корпорация для принадлежащих к ней становится главным источником материала для самоидентификации. Не только и не столько в том смысле, что каждый способен определить себя в качестве человека корпорации, корпоративного человека, сколько в смысле очевидных составляющих имущественного и гражданского статуса, когда корпорация в обмен на лояльность, ответственность и обязательства со стороны индивида обеспечивает ему гарантии стабильности и защищенности в кризисных социальных и экономических ситуациях, не допускает расщепления принадлежности и участия при условии соблюдения этоса корпоративности и тем самым сохраняет предпосылки поддержания и культивирования идентичности. В корпорации принадлежать означает полноценно участвовать, любая имитация участия немедленно разоблачается, а принадлежность приостанавливается.

Корпорации, следовательно, ориентированы на получение материальных или символических дивидендов, они очевидные фавориты в конкуренции за перераспределяемые блага и ценности. Здесь они находят для себя подходящую среду, здесь совершается их жизненный цикл — от формирования до распада. Некорпоративным объединениям заведомо отведена роль аутсайдеров, ведь они лишены подпитки энергией целеустремленных индивидов, граничащей, как утверждают учебники менеджмента, с агрессивностью, то есть с заряженностью на разрешение и преодоление возникающих проблем и трудностей.

Определенной изоляции корпораций, благоприятствующей их конституированию, способствует и заметная подвижность ценностно-символической реальности. В самом деле, в первые годы украинской государственности, пришедшиеся на начало 90-х, наблюдается заметная поступательно-возвратная эволюция духовно-ценностных ориентиров. После довольно короткого периода почти что массового увлечения новыми словами, понятиями и лозунгами общество переживает кризис доверия к идеалам свободы, независимости, демократии. Налицо определенное разочарование в возможностях быстрого и легкого укоренения демократических ценностей в исторически сформировавшихся реалиях нашей жизни.

И у части населения складываются вполне понятные, основанные на негативном повседневном опыте представления о чуждости и неуместности этих ценностей, их неспособности предложить обществу приемлемую духовную перспективу и определить лично значимые цели людей. Основными регуляторами ожиданий, настроений и поведения становятся ценности традиционные: здоровье, семья, безопасность, образование, хорошая работа, стабильность и уверенность в дне наступающем. Их значение в цивилизованном обществе, разумеется, неоспоримо, но если они оказываются едва ли не единственными духовными опорами, не дополняются ценностями политической, экономической, социальной модернизации, то такое общество и люди в нем лишаются необходимых импульсов к саморазвитию, утрачивают шансы занять подобающее место в современном мире. И тогда многократно усиливаются тенденции партикуляризации в ущерб тенденциям к сплочению в органическую целостность, доминирующими идентичностями становятся внутригрупповые, межличностные, в том числе и корпоративные. Есть многочисленные свидетельства взаимного отдаления и обособления сфер публичной, экономической и бытовой жизни: строительства государственности, хозяйствования, условий и возможностей повседневного индивидуального существования граждан.

Доминировавшая ранее культура как совокупность представлений о дозволенных и запрещенных образцах поведения и моделях отношений к институтам и группам в значительной степени оказалась обесцененной. Маятник истории, несущий наше общество, качнулся и вошел в область легитимного присутствия иных, альтернативных и противоположных ценностей, ожиданий и образцов поведения. Даже короткое время пребывания здесь позволило корпорациям легализоваться и заявить о своих притязаниях на власть и собственность. И все это в ситуации, в которой связанной с институтом рынка (пока, точнее, с разрозненными его элементами, вкрапленными в до- и псевдорыночные отношения) целостной ценностно-нормативной структуре еще только предстоит обрести устойчивые, узнаваемые и признаваемые очертания.

Лишь в развитых формах такая структура сможет не только оказывать решающее воздействие на степень межгрупповой солидарности

и согласия, но и убедительно обосновывать правомерность существования новых социальных слоев и групп населения, корпораций, непривычных с точки зрения прежних представлений, но адекватных позициям, задаваемым институтом рынка, фактически – обеспечивать легитимность идентичностям. Пока же не приходится говорить об установившейся и общепризнанной иерархии целей, идеалов и средств их достижения. Связанные с различными институтами ценности сопоставляются и противопоставляются в политической риторике, а в массовом сознании вступают, как свидетельствуют социологические обследования, во взаимодействие, порождая амбивалентные установки и ориентации (26).

Сегодня предпринимательство и сопутствующие ему корпоративные по духу и сути ассоциации индивидов не опираются, ввиду его несформированности, на институт рынка, а их оппонентом выступает государство в лице законодательной, а нередко и исполнительной власти. Формирующиеся корпорации, а также слой “предпринимателей” нелегитимны в глазах значительной части населения. Если на вербальном уровне ценности рынка и свободного предпринимательства прямо не отвергаются, то реальное поведение по отношению к бизнесменам вовсе не обязательно соответствует предъявляемым ценностям. Впрочем и на вербальном уровне не все так просто.

В одном из проведенных нами опросов мы предлагали выразить отношение и к ценностям, и к социальным группам. Рыночная экономика как источник благосостояния практически не отвергается. Несколько сложнее с отношением к слоям, которые репрезентируют рыночную экономику. Те, кто свое социальное положение определил как “предприниматель и бизнесмен”, считают себя достаточно близкими по образу жизни, мыслям и чувствам к интеллигенции, а также к рабочим и к занятым сельскохозяйственным трудом. Последние же, напротив, всячески подчеркивают дистанцию, отделяющую их от бизнесменов.

В свете этих данных небезосновательным представляется утверждение, что среда если и не враждебна, то насторожена. Предприниматель еще не обладает устойчивым и самодостаточным статусом, а многие общественные группы и категории отнюдь не дружелюбно наблюдают за быстро формирующимся слоем, не приемлют ни способов удовлетворения им своих потребностей и притязаний, ни способов получения ресурсов для этого. Уже обозначившуюся дистанцированность и отчужденность бизнесменов, поэтому, не склонен афишировать, ведь в общем и целом он еще не главное действующее лицо общественной структуры, не защищен законами и гарантиями от социального движения вспять. К тому же еще “вчера” он был интеллигентом, рабочим или крестьянином, он только что расстался с одной идентичностью и еще не обрел новую, он будто на полпути к ней. Занятые же физическим трудом ощущают и выражают инородность нового слоя, его ценности, навыки и образцы поведения отвергаются или не одобряются.

И не удивительно, что самостоятельным и весьма значимым

фактором дифференциации и стратификации является культура, предопределяющая установки и ориентации индивидов, предпочитаемые типы взаимодействий с другими, способы восприятия и интерпретации индивидами окружающего мира, способы идентификации ими ситуации, в которой они находятся, а также идентификации себя в качестве ее элемента. Зыбкий экономический статус, дестабилизация профессионального актуализируют собственно культурные основания идентичности. Разделение на тех, кто на словах и на деле определяет ситуацию в терминах культуры (идеалов, целей, мифов, стереотипов сознания и поведения), в терминах политики (элита, власть, народ), в терминах корпоративности (команды, теневые структуры, мафия) и кто определяет ее в терминах экономики (рынок, предпринимательство, прибыль, доход), проступило достаточно отчетливо. Во многом оно совпадает с разделением на поколения: старшие консервативны, не находят опоры в реальности и естественно обращаются к традиционным для них ценностям и политическим предпочтениям, стереотипным инвективам и образцам объяснения происходящего в политике и экономике; молодые же, сплываясь в “команды” и корпорации, склонны искать шансы в экономической и социальной игре, протекающей по непонятным для большинства старших правилам.

Как уже отмечалось, экономическая стратификация организаций предшествует экономической стратификации индивидов. Предопределяется она затейливым переплетением множества факторов, частью устойчивых, а частью случайных. Причем принадлежность к государственному или негосударственному сектору экономики не обуславливает автоматическое отнесение организаций к разряду процветающих, стабильных или находящихся в состоянии глубокого кризиса. Из двух близких по профилю выпускаемой продукции государственных предприятий одно может преуспевать, а другое — едва сводить концы с концами. Это справедливо и для организаций, функционирующих на основе коллективной и частной собственности. Экономический статус организации во многих случаях первичен по отношению к групповому и индивидуальному экономическому статусу, фактически предписывая его, так как ресурсы и возможности первоначально распределяются между организациями и лишь затем между индивидами.

Впрочем довольно многочисленная категория индивидов не соглашается с предписанным институтами и организациями статусом, активно притязая на более высокий. В одиночку или в коалиции с другими они пытаются расширить для себя доступ к ограниченным ресурсам, подняться по ступеням статусной иерархии. Экономике Украины, при всей ее тревожной и неприглядной симптоматике, нельзя назвать игрой без шансов на большой или незначительный выигрыш. Оказалось, что есть не так уж мало знатоков правил неясного и непредсказуемого в исходах хозяйственного состязания. Они формируют корпорации фратрийного, цехового, а также иных типов, эффективно действующих в ситуациях с высокой степенью неопределенности.

Возникают крупные капиталы, создаются новые экономические организации, процветающие при любых, на первый взгляд крайне суровых, ограничениях со стороны государства, активно плетутся сети эквивалентных, а также неэквивалентных обменов, конструируются параллельные системы хозяйствования, обращения и распределения дефицитных благ. При этом нередко индивиды и их объединения вступают в конкуренцию и конфронтацию с государственными и рыночными экономическими субъектами, но не менее часто, видимо, вступают с ними в соглашения о разделе сфер влияния, о пропорциях распределения доходов и привилегий.

Это — носители социально-экономической компетентности, им известны правила, согласно которым ведется обмен ограниченными ресурсами, они превратили в реальность возможности удовлетворения своих потребностей. Причем высокий экономический статус позволяет им трансформировать материальные возможности в определенный стиль жизни и потребления. Отличия в одежде, в марках предпочитаемых автомобилей, в благоустроенности и размерах жилья, в способах проведения досуга демонстративно указывают на социальную дистанцию, отделяющую их от других индивидов.

Социальная дистанционность обретает не только символические, но и вполне конкретные пространственные формы. В крупных городах, например, принадлежащие к столь разным общностям, в веберовской традиции их именуют статусными группами, посещают разные торговые центры, у них разная по насыщенности и качеству инфраструктура развлечений. Дефицит, остро ощущаемый “новыми богатыми”, — это дефицит авторитета и уважения в обществе, твердого ценностного подтверждения легитимности собственного существования в качестве полноправного социального слоя. Без этого не достигается полнота идентичности.

В каждом из трех наиболее существенных “пространств” общества — экономическом, политическом и пространстве “престижа” (пространстве распределения авторитета и признания) — происходит формирование, обособление и относительное размежевание различных областей, то есть складываются новые неоднородности. В пространстве экономическом это области, в одной из которых доступ к благам все меньше определяется традиционными факторами, такими как компетентность, квалификация и ответственность, а в другой области они сохраняют значимость. Это области стагнации и экономического оживления с соответственно различными перспективами на будущее у индивидов, к ним принадлежащих. Нынешнее состояние экономики и поведение индивидов, пытающихся приспособиться к непривычной и незнакомой среде, предопределяют доминирование ситуативных, кратковременных, а порой и просто случайных факторов формирования социальной структуры над традиционными, присущими нормальной экономике. Первые нивелируют, подавляют вторые, что приводит к возникновению эмбриональных и короткоживущих социальных образований, неких

социальных “мутантов” и т.п., что свидетельствует не только об отходе от “холодной” социальной структуры, но и о значительной дистанции от общества “горячего”, которое дифференцируется и стратифицируется не менее интенсивно, но с гораздо меньшими социальными издержками в виде напряженности, конфликтов, падения уровня жизни.

Явная и скрытая конкуренция за передел дефицитных ресурсов возмущает процесс воспроизводства социальных идентичностей, в структуре крайне медленно формируются социальные образования, способные при оптимальных условиях стать основой рыночной экономики. Но значительно быстрее оформляются социальные образования, не имеющие вроде бы перспектив развития, но обладающие способностью к самовоспроизводству, отстаиванию своих интересов и потребностей благодаря доступу к дефицитным ресурсам, с помощью использования имеющихся, а также создания новых возможностей удовлетворения экономических, социальных и политических притязаний. И потому они активно закрепляются на позициях, обеспечивающих доступ к переделу собственности и власти.

Многие индивиды и корпорации, таким образом, небезуспешно пытаются сохранить социальный статус и присущий ему образ жизни, а также найти способы увеличения вознаграждения. Данное наблюдение позволяет трактовать структуру как набор категорий индивидов, схожим образом реагирующих на ситуацию: одни втягиваются во все большую зависимость от традиционных форм занятости и предприятий, другие изыскивают широкие или, напротив, незначительные возможности противостоять неблагоприятным обстоятельствам в кооперации с другими. Сохраняющие контроль над уровнем потребления, осваивающие и использующие правила, по которым ведется распределение благ и услуг, оказываются “социально компетентными”. Различие по степени социальной компетентности весьма важно для понимания реакций и поведения индивидов.

Кроме того, в ситуации дрящегося передела наидефицитнейших ресурсов неравенство в доступе к благам, в возможностях удовлетворения запросов и ожиданий, ставшее непосредственно наблюдаемым благодаря символизации и даже ритуализации потребительского поведения, воспринимается и переживается достаточно эмоционально. Население очевидно расслаивается по типам установок и ожиданий в диапазоне “равенство — неравенство”, по тем образам социальной структуры и идентитетов, которые создаются индивидами и которые способны предопределять их повседневные реакции, важные жизненные выборы, идентификационные практики.

В последние два года сложилась и своеобразная политическая география Украины как основа политико-региональной идентичности, причем сложилась на фоне весьма неопределенных ориентаций населения на конкретные политические партии. Это означает, что историко-культурные, экономические, поселенческие отличия обрели политическую форму и используются в политической борьбе за доминирование, а их

акцентирование становится одним из правил политической игры. Политикам, то есть людям, которые реально практикуют умение разделять и властвовать, оказывать давление и применять насилие, вероятно уже не устоять перед искушением подчеркивать и выставять напоказ отличия ради целей исключительно политических. Вот почему главной для Украины становится вовсе не проблема национализма, а взаимное наложение полей экономической, социальной, культурной и политической неоднородности. Эта проблема может принимать разное обличье и манифестировать себя в жарких дискуссиях о статусе русского языка, степени автономии Крыма или федерального устройства страны.

Наконец, в пространстве распределения уважения и признания (престижа) вырисовываются область, быстро утрачивающая престиж, другая, в которой престиж остро востребуется, но не обретается, и третья, где престиж оказывается наиболее высоким. Таким престижем наделяются немногочисленные наивысшие позиции в иерархии власти и экономики. В итоге доминирующей в данном пространстве оказывается тенденция к нарастанию однородности. Можно достаточно обоснованно предполагать, что процессы распада порядка распределения уважения и признания (идентичности по престижу) зашли наиболее далеко. Украинское общество постепенно превращается в общество депрестижированное, в котором престиж (а вместе с ним и репутация) становится чем-то крайне незначимым, он практически не регулирует поведение индивидов. С другой стороны, и об этом шла речь в первой главе, падение самооценки на фоне неопределенности ближайших перспектив чревато приостановкой действия механизмов толерантности как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях социума.

Процессы трансформации социальной структуры охватывают, следовательно, широкий круг явлений. Складываются новые непрозрачности внутри социального целого, которые становятся его конститутивными элементами. В интересующем нас аспекте противоречивые и неоднозначные по своим последствиям процессы реструктуризации травмируют и калечат идентичности. Далеко зашедший демонтаж вознаграждения из позиций в государственном секторе экономики обесценивает профессиональные и статусные идентичности, он связан с утратой многими индивидами наиболее очевидных и убедительных критериев идентификации с профессией и конкретным местом работы в виде зарплаты, льгот и привилегий, а также зафиксированного и привычного объема рабочего времени, поскольку многие предприятия простаивают или же выпускают продукцию неполную неделю.

На институциональном, организационном и межгрупповом уровнях социальной жизни мы имеем дело с несформировавшимися и потому ущербными идентичностями. Население весьма неуверенно соотносит себя с государством, например, а также затрудняется с устойчивым определением своих политических предпочтений и приверженностей. Со

своей стороны и государство использует идентификационные практики, отвергаемые или не принимаемые гражданами. Неокрепший рыночный сектор экономики (приверженцы иных “имен” предпочитают говорить о псевдорыночной, квазирыночной экономике) в столь же малой степени, как и государство, способен предоставить индивидам убедительные основания для длительной и прочной идентичности.

Поэтому кризисное общество оказывается обществом несформированных и обесцененных идентичностей. В этих условиях индивиды остаются как бы наедине с проблемами идентификации и самоидентификации, все более и более полагаясь на себя и на спонтанно образуемые ассоциации с другими индивидами. Кризисы, по образному выражению М.Вебера, всегда были периодами особо острого “экзистенциального одиночества”, которое в стабильных, медленно эволюционирующих обществах лишь иногда настигает отдельных индивидов, а массовым ощущением становится в ходе динамичных и болезненных изменений.

ГЛАВА 3 ТРУДОВАЯ КАРЬЕРА – ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ

§1. Понятие карьеры

Трудовое занятие человека, его работа являются основным источником идентичности для подавляющего большинства взрослого населения индустриально развитых обществ. Потеря, а иногда только смена работы способны повлечь за собой изменение идентификационных практик и их результатов – идентичностей. Подобные ситуации актуализируют вопросы о том, кто я есть, что я могу и как меня воспринимают окружающие. Через узнавание статуса занятости других (профессия, место работы, доход, образование и т.д.) происходят их определение и оценивание, а также осознание себя и своего места на карте жизненных и профессиональных возможностей.

В современном обществе трудовая жизнь человека редко ограничивается абсолютной стабильностью положения, занятого в самом начале трудового пути. Работа или занятие все чаще воспринимаются на уровне повседневного общения и концептуализируются в социологии как трудовая карьера, периодически возникающие притязания, возможности и действительные перемещения в пределах освоенного социального пространства. Поэтому трудовая карьера человека и формирование его идентичности – два тесно взаимодействующих процесса. Они являются как бы предпосылкой и следствием друг друга одновременно. Переход на новую позицию карьеры влечет за собой изменение социального статуса, играемых человеком социальных ролей, а также представлений о себе и своих отношениях с другими. Изменившаяся самоконцепция вместе с интересами и притязаниями проявляют себя в ситуации выбора, в решении вопроса о целесообразности и путях дальнейшего продвижения, стабилизации достигнутого положения или смене работы/занятия.

И потому идентичность не есть нечто раз и навсегда заданное, ведь сегодня для большинства людей трудовая деятельность представляет собой развернутые во времени переходы от одних ролей, аспектов роли к другим, с одних формальных или неформальных позиций на другие. Мир труда разделен на различные по многим признакам позиции, перемещения между которыми существуют как возможность и как постоянно повторяемая форма поведения. Идентификация других и себя происходит с учетом этих реализованных или нереализованных возможностей перемещений, а также с учетом того, насколько успешной была карьера.

Социальная идентичность человека представляет собой некий синтез прошлого, настоящего и желаемого будущего. Нынешняя идентификация себя и других происходит с учетом позиций и положений, которые были, а также могут быть достигнуты. Возможности, превратившиеся в действительность, и возможности, оставшиеся нереализованными, дадут разные способы определения и оценки себя и других. Чувство идентичности в данный момент в большей степени зависит от того, какой путь прошел индивид, чтобы достичь данной позиции, и каковы его перспективы в будущем.

Идентификация в наиболее общем ее понимании — это локализация и утверждение обычно разделяемой с другими позиции в социальном пространстве. Карьера является и процессом, и результатом достижения такой позиции. В социологической литературе, излагающей теоретические подходы и результаты эмпирических исследований внутриспоколенной социальной мобильности, обычным стало использование понятия карьерной идентичности (1, 58; 2, 455). Оно отражает не только осознание и оценку человеком достигнутого статуса и положения на карте карьерных возможностей. За этим стоит также значимость трудовой карьеры для поиска и воспроизводства социальной идентичности в целом. Особенно хорошо это видно на примере так называемых западных обществ, где стремление к продвижению тесно связано с доминирующими ценностями, нормами и образцами успеха. Карьера стала едва ли не наиболее пропагандируемым и распространенным средством достижения успеха. Отождествляясь с последним, она сама приобретает значение одной из ценностей культуры.

По мнению Ральфа Тернера, классовые общества отличаются не только тем, что они считают успехом, но и образцами карьеры, которые они признают в качестве одобряемых средств достижения успеха (3, 121). Несколько десятилетий назад среди образцов карьеры-успеха преобладал тот, который стимулировал предпринимательство как основание собственного бизнеса. Сейчас один из основных прототипов успеха, отмечаемый Робертом Мертоном, имеет такое социологическое содержание: “Поскольку развитие нашей экономики дает недостаточно простора для развития малого бизнеса, можно вырасти и в рамках гигантских бюрократических организаций частного предпринимательства. Если нет больше возможности быть королем своего собственного детища, то можно, в крайнем случае, стать президентом одной из экономических организаций с демократическим устройством. Современное положение человека, является ли он посыльным или клерком, не имеет значения: следует лишь остановить свой пристальный взгляд на вершине” (4, 122). Это не что иное, как один из наиболее типичных образцов трудовой карьеры.

Для отечественной же культуры советского, а во многом и постсоветского периода характерно отсутствие трудовой карьеры среди приемлемых и предписываемых ценностей и образцов поведения. Следуя социологической традиции различать восприятие любого

социального явления с точки зрения ценностей-норм и ценностей-объектов (5), можно сказать, что трудовая карьера никогда не была общепризнанной ценностью-нормой. Идеологически ориентированные оценки данной формы социального поведения были в лучшем случае нейтральными, но преимущественно – негативными. Не прибегая к углубленному изложению причин и последствий такого отношения к карьерной мобильности, отметим, что среди тех характеристик и качеств, которые считались приемлемыми и должны были помочь членам общества идентифицировать себя и других в социальном пространстве и пространстве трудовой деятельности, карьера отсутствовала полностью. Этого понятия избегал любой, кто пытался описать идеал советского человека, несмотря на то что те, кому он адресовался, выстраивали собственную жизнь в весьма структурированном и иерархизированном социальном пространстве, где перемещения вдоль формальных или неформальных позиций приобрели массовый характер.

Входя в профессиональную или организационную среду, где уже существуют образцы интерпретации положений, достижений и перспектив, человек осваивает, использует и модифицирует эти образцы, объясняя себе и другим свое поведение и позицию в пространстве взаимоотношений с ними. Внешнее окружение (институт, организация, профессиональное сообщество) обеспечивает человека готовым “словарем” мотивов и интерпретаций, который используется для этих целей. Процесс постоянно возобновляемого поиска себе подобных в социальном мире и отличий от других протекает в контексте иных социальных процессов и прежде всего социальной мобильности, индивидуальным воплощением которой является трудовая карьера.

Восходящая мобильность внутри поколения довольно часто порождает ощущение утраты ранее целостной и стойкой идентичности (6, 189-192). Оно может возникнуть на любом социальном уровне независимо от дистанции перемещения. В научной и художественной литературе неоднократно описывались ситуации, когда человек испытывает явную неудовлетворенность от пребывания в изменившейся среде или на новой позиции. Новая идентичность формируется медленно и неуверенно. Человек как бы оглядывается в прошлое, мечтая или даже пытаясь вернуться не столько к прежней позиции, сколько к прежней, устойчивой и подтвержденной личным опытом и памятью идентичности. Возникает ситуация, которую именуют “конфликтом идентичностей”, когда человек, достигая определенных жизненных или трудовых рубежей, обнаруживает, что должен переупорядочить жизненные приоритеты. Пересмотру подлежат отношения с другими людьми, распределение времени между работой, отдыхом, выполнением домашних обязанностей, хобби, общественной и политической активностью, корректируются способы вербализации представлений о себе и окружающих.

Понятие идентичности традиционно используется в исследованиях трудовых карьер. Однако их изучение, как обнаружилось, вполне осуществимо вне обращения к проблемам идентификации и

самоидентификации. Имеются в виду современные исследования, фокусирующие основное внимание на социально-структурных и социально-классовых детерминантах карьерного поведения, внешнем и внутреннем рынках труда, математическом моделировании линий карьер и прочее.

Термин “карьера” появляется в понятийном аппарате социологии с несколько иным содержанием, чем его современная, более отдаленная от понятия идентичности интерпретация. В первой половине XX века сотрудники Чикагской социологической школы активно исследовали разнообразные формы социальной жизни, обобщенные названия которых ныне известны как социальная экология, урбанизация, девиантное поведение и т.д. Изучение последней темы особенно повлияло на развитие теории карьеры, поскольку в ее рамках начала использоваться методология, известная как “история жизни”, основанная на рефлексивном определении и оценивании индивидом себя и социального окружения на протяжении длительного периода времени. У.Томас и Ф.Знанецкий были среди первых, кто обратился к историям жизни, изучая социальную дезорганизацию среди польских эмигрантов. Исследование историй жизни было не просто методом сбора данных. Это был способ понимания того, как члены определенной социальной группы интерпретируют собственную жизнь, то есть события, воздействующие на формирование идентичности. Описывая истории представителей различных субкультур (грабителей, бродяг, малолетних преступников и т.п.), социологи довольно часто использовали термин “карьера”. Работа Клиффорда Шоу, например, называлась “Естественная история преступной карьеры” (1931). Сравнительные исследования привели к выводу, что девиантная жизненная история (карьера) разворачивается как последовательность типичных стадий. Элементы ситуационного и хронологического анализа историй жизни придали понятию карьеры более строгое социологическое содержание.

Обоснование целесообразности использования термина “карьера” для анализа и описания процессов, происходящих в сфере труда, его разделения и социальной организации, принадлежит известному американскому социологу Эверету Хьюзу, автору монографии “Люди и их работа” (1958). В своих исследованиях Э.Хьюз и его коллеги использовали понятия, которые считались неразрывно связанными между собой: роль, идентичность, институт, Я-концепция, карьера. Определение последней отличалось от ее современной интерпретации: “Объективно карьера представляет собой серию статусов и четко определенных позиций... Субъективно карьера – это направление движения, в котором человек видит свою жизнь в целом, а также интерпретирует значение различных атрибутов и вещей, которые с ним происходят” (1, 46). Э.Гоффман, писавший о моральной карьере душевнобольного человека, использовал это понятие, опираясь на первоначальные смыслы и контексты его употребления: “Традиционно термин карьера касается тех, кто ожидает продвижения вверх в пределах респектабельной профессии.

Но термин появился, чтобы использоваться в более широком контексте, который касается любого изменения на протяжении жизни каждого индивида... Такая карьера не может восприниматься как блестящая или разочаровывающая, она не может быть ни успехом, ни неудачей... Настоящей ценностью понятия является его двойственность. Одна сторона связана с внутренними вещами, такими как представление о себе и чувство идентичности; другая сторона касается официальной позиции, юридических отношений и стиля жизни и является частью институциональной сферы. Таким образом, понятие карьеры позволяет двигаться между личным и общественным, между индивидом и значимым для него обществом” (1, 46).

Разнообразие интерпретаций и подходов к пониманию феномена карьеры постепенно выкристаллизовывается вокруг четырех основных контекстов, соединение которых давало наиболее полное представление о том, что же такое карьера и каково ее значение для личности и общества: 1) карьеры объединяют субъективное и объективное; 2) карьеры предполагают статусные переходы; 3) карьеры являются неотъемлемыми свойствами коллективов; 4) карьеры соединяют индивидов с социальной структурой (1, 49). Двойственность карьеры больше всего сближает это понятие с понятием идентичности. С одной стороны, карьеры соотносятся с набором более или менее четко определенных позиций, должностей, статусов, ролей, которые воспринимаются как некие точки передвижения индивида в социальном пространстве. В этом объективность карьеры, ее структурный или публичный аспект. Но он неразрывно связан с восприятием человеком процесса разворачивания собственной трудовой жизни, формированием его самоконцепции. В этом субъективность карьеры, представленная значениями и интерпретациями, приписыванием смыслов событиям собственной жизни. Объективная карьера — это структурно предписанная последовательность позиций, статусных и ролевых идентичностей. Удерживать достигнутую идентичность можно только в среде, которая ее постоянно подтверждает. Линии карьеры являются таким институционализированными и организационными подтверждениями идентичности. Внешне неподтверждаемая идентичность теряет свою субъективную значимость. Предположение о диалектической связи между идентификацией со стороны других и самоидентификацией, между объективно предписанной и субъективно установленной идентичностью (7, 215) в такой же мере значимо и для двойственной по своей природе карьеры.

Понятие статусных переходов, широко используемое в работах социальных антропологов, отражает те ритуальные действия, во время которых индивид публично переводится в другой, с точки зрения определенной культуры, статус. Карьерные переходы действительно могут восприниматься как происходящие по довольно условному, но все же “расписанию”, хотя время таких изменений не может быть жестко фиксированным. Статусный переход предполагает не просто изменение социальной роли, но также фундаментальные изменения в идентичности

индивида, в восприятии им самого себя, в том, как он представляет себя другим и как воспринимается ими, а иногда даже полную смену образцов взаимодействия с окружающими.

Интерпретация карьер в терминах статусных переходов, ролей, идентичностей означает восприятие индивида прежде всего как социального существа, то есть определяющей является его принадлежность к некоторым группам людей, а не его уникальность. Карьеры остаются тем, что только индивиды могут воспринимать и переживать. Но источник их формирования лежит вовне. Человек может делать выборы между различными ролями и направлениями деятельности во время осуществления собственной карьеры. Он может надеяться и планировать. Но его устремления и выборы всегда ограничены надындивидуальным контекстом. Карьеры разворачиваются только из тех альтернатив и возможностей, которые предлагаются индивидам коллективами, к которым они принадлежат. Суть этого прекрасно схвачена в утверждениях типа: “Люди не делают карьеры, наоборот, карьеры делают людей”. И даже существует реальная угроза стать пленником собственной карьеры, обрести ту идентичность, которая целиком навязывается извне.

Продолжительное существование линий и образцов карьеры возможно только при условии, когда индивиды их постоянно воспроизводят своим поведением, движутся в социально признаваемом направлении. Если путь является легитимным и социально признанным, карьера может стать основой идентичности. Референтные группы, на которые человек ориентируется, демонстрируют доступные образцы карьеры, критерии ее оценки. В этом смысле карьеры рассматриваются как неотъемлемые атрибуты коллективов и организаций, к которым индивиды принадлежат.

В последние десятилетия в социологии утверждается несколько отличная от традиций чикагской школы интерпретация понятия карьеры. Последняя продолжает оставаться соотносимой с понятием идентичности, но неявно и не для всех, кто занят трудовой деятельностью. Основной акцент делается на объективную сторону карьеры, определять которую предлагается в структурных терминах как совокупность занятий, размещенных вдоль иерархии престижа, через которые индивиды движутся в упорядоченной, в большей или меньшей степени предсказуемой последовательности (8, 50). Здесь карьера противопоставляется “неупорядоченной трудовой истории”, когда одно занятие не является необходимым следствием и продолжением предыдущего. Исходя из такого определения, назвать трудовую жизнь карьерой можно не более, чем для трети всех работающих. Подобное понимание карьеры довольно широко распространено в социологии. По содержанию оно приближено к обыденному употреблению слова. Тенденция изображать карьеры в терминах продвижения вдоль иерархии престижа, власти или дохода настолько сильно укоренилась в соответствующих исследованиях, что многие понятия и показатели не имеют смысла без вычленения четких иерархических структур.

Не все соглашаются с подобной интерпретацией карьеры, считая ее слишком ограниченной и неспособной охватить всех субъектов трудовой деятельности. Уверенность в том, что каждый, кто работает, имеет карьеру, способствовала утверждению понимания последней как развернутой во времени последовательности трудовых опытов человека (9, 8). Кроме собственно труда и всего, что он значит для нашего восприятия и оценки себя, других людей, организаций и общества в целом, не менее важным является время, в течение которого карьера предоставляет человеку перспективу достижения новых статусов, ролей, идентичностей в процессе его взаимодействия с обществом. Фактически карьера является связью между первоначальной идентичностью индивида и его самоконцепцией на исходе трудовой жизни. Понятие карьеры также соединяет вещи, внутренние для индивида, с внешними, такими, которые касаются его формальных позиций. Тем самым карьеры отражают взаимоотношения между людьми и теми, кто предоставляет легитимные и формально фиксируемые статусы и положения, а именно институтами и организациями, а также то, как эти отношения изменяются во времени. С этой точки зрения, исследование карьер — это изучение изменений, происходящих с внутренним миром и положением индивида, а также с его внешним социально-структурным окружением.

Таким образом, понятие карьеры предполагает рассмотрение как человека, так и организации или института, для которых или в пределах которых работа выполняется. Взаимодействие индивидов, организаций и институтов отражается и объясняется с помощью многих понятий, среди которых непременно присутствуют идентичность и роль. Идентичность относится к тому, как человек воспринимает себя и свою работу как ее исполнитель. Роль касается образцов поведения, ожидаемого от человека со стороны его внешнего окружения. Эти понятия близки по содержанию и контексту использования к таким, как субъективная (индивидуально воспринимаемая) и объективная (организационно предписанная) карьеры, мотивы и установки трудового поведения индивида. Они присутствуют на всех уровнях анализа и теоретических обобщений, будь то индивидуальный или институциональный.

Карьера как направленный в будущее, известный из опыта других путь разворачивания трудовой жизни дает возможность человеку видеть перспективу собственного профессионального развития, расширения сферы деятельности, использования способностей, умений, талантов. Осознавая возможности, открывающиеся уже на первых ступенях карьеры, предвидя последствия пребывания в той или иной точке на линии карьеры, человек может действовать в соответствии с социально предписанным путем продвижения. Но возможность предвидеть свое положение в будущем, исходя из наличного, может стимулировать разрыв с прошлым и переход на более привлекательные линии карьеры, особенно когда в обществе открываются новые сферы и формы деятельности.

Трудовая карьера раскрывает перед человеком возможности как внутреннего развития, так и изменения формального статуса, то есть

карьера — это не просто структура позиций или должностей, это структура возможностей, которая в свою очередь определяет, как человек воспринимает себя и свою работу. Как уже отмечалось, трудовая позиция и ее потенциал относительно дальнейшего продвижения являются важнейшим фактором формирования и стабилизации ощущения и оценки себя, своей идентичности (10, 100). Карьера считается также неотъемлемым элементом самоутверждения и самореализации человека (11, 115; 12, 20).

Возможность или невозможность продвижения (как и сам факт последнего) безусловно влияют на отношение человека к труду, а также на индивидуальное ощущение достижений, успеха или неудачи. Осознание шансов трудовой карьеры как слишком незначительных приводит к отчуждению от трудовой организации и работы вообще, занижению стремлений и притязаний, отрицанию самого желания продвигаться, снятию с себя обязательств и ответственности перед трудовой организацией (13, 140-147). Бесперспективность продвижения иногда сопровождается поиском идентичности и социального признания вне трудовой организации, то есть в тех сферах, которые не касаются непосредственно работы. Таким образом, восприятие трудовой карьеры на личностном уровне — это не только перспективы приобретения новых идентичностей, но также ощущение наличных в качестве временных и преходящих.

Социальное пространство позиций, из которых складывается объективная сторона трудовой карьеры, может быть представлено как рынок труда в целом, виды занятий или профессиональной деятельности, отдельно взятая организация, корпорация, предприятие и т.п. Критерии, по которым одна позиция отделяется от другой, также довольно разнообразны. Прежде всего это такие традиционные и широко используемые в исследовании социальной мобильности переменные, как доход, власть, престиж. Они могут наполняться несколько иным смыслом. Например, престиж, традиционно являющийся характеристикой профессиональной группы, приобретает значение оценки отдельных рабочих мест, должностей или занятий в пределах исследуемого пространства карьеры. Каждая позиция карьеры обычно интерпретируется как соединение нескольких переменных, например заработной платы и профессионального престижа (14), заработной платы, статуса в организации и в системе властных отношений (15), уровней имеющихся и реально доступных статусов и заработной платы (16).

Общепринятым в социологии стало изучение продвижения по предварительно выделенным формальным позициям, которые существуют в той или иной организации или сфере деятельности. Но можно начинать также и с выяснения того, как сами индивиды ощущают и разделяют социальное пространство на значимые для них позиции. В этом случае оказывается, что содержание последних состоит из множества формально не фиксируемых отличий, которые являются весьма

существенными для интерпретации собственных карьер. Субъективная карьера более тонко улавливает и отражает отличия между позициями и состояниями, чем ее объективная сторона. С точки зрения конкретного работника, совокупность признаков различия и критериев оценки собственной и других позиций может состоять из таких компонентов, как местонахождение организации или предприятия, их принадлежность к государственной или частной собственности, расположение самого рабочего места, его оснащенность, количество подчиненных, степень автономности в определении собственных трудовых функций, близость или отдаленность от центра принятия решений, доступ к информации, характер и объем льгот и многое другое, что понять и описать возможно, только углубившись в конкретную профессиональную или организационную среду.

В исследованиях трудовых карьер доминирует ориентация на формально зафиксированные позиции. Хотя и признается, что карьеры — это не только объективные изменения в статусных и материальных показателях, но, как правило, организации более или менее жестко “привязывают” неформальные признаки продвижения к соответствующему статусу или должности, поскольку позиции структурированы в организации таким образом, что независимо от того, стремится ли кто-либо к большему разнообразию, автономности, вызову, влиянию на других, он может достичь этого, только продвигаясь вдоль статусной иерархии (15, 8).

Вертикальная направленность трудовых карьер имеет объективные основания в виде иерархической структуры подавляющего большинства организаций и профессий. Однако далеко не всегда карьерная мобильность тождественна вертикальной. Считать только восходящее движение трудовой карьерой означало бы недооценивать тот факт, что в пределах многих профессий признаются значимыми карьеры, которые не подразумевают продвижение через иерархию власти, дохода и престижа. Эмпирически доказано, что при отсутствии стратификации члены профессиональных групп конструируют значимые для них карьеры в терминах невертикального движения, мобильности в географическом пространстве, движения в пределах социальных сетей и даже выявляют тип сильной идентичности, пребывая на одной и той же позиции, но демонстрируя постоянно возрастающее профессиональное мастерство (1, 48).

Пространство трудовой карьеры — это пространство возможностей, которые становятся действительностью или в силу объективных или субъективных обстоятельств остаются неосуществленными. Осознав собственные качества, степень достижимости или недостижимости позиций, сформировав представления о правилах карьерного движения, индивид оценивает вероятность осуществления возможностей и пытается своим поведением превратить их в действительность. Если воспринимать трудовую карьеру как реализацию возможностей, то в современном индустриальном обществе представлены три соответствующих образца карьеры: бюрократическая, профессиональная

и предпринимательская (17). Эти названия значат гораздо больше, чем простое определение различных типов трудовой занятости. Они означают также основополагающие принципы, по которым разворачивается логика карьеры, то есть природа возможности, мотивация продолжения или прерывания избранного пути, способ получения вознаграждения и т.п. Это наиболее общие направления самоутверждения человека, поиска и обретения им чувства собственного трудового и социального Я. Названные образцы карьеры являются, конечно же, идеальными типами, которые сложились на основе продолжительных и разнообразных наблюдений за трудовым поведением индивидов и их рефлексией об этом. Реальные жизненные истории зачастую демонстрируют тесное переплетение элементов, присущих различным образцам продвижения.

Модель бюрократической карьеры состоит из последовательности позиций в пределах их формально зафиксированной иерархии. Трудовая карьера представляет собой преимущественно линейное движение от одной формальной позиции к вышестоящей, которое сопровождается изменением ролей, должностей, титулов, престижа, власти, вознаграждения и т.д. Подобные характеристики находим среди описания бюрократии Максом Вебером (18, 96-100; 19, 123-126). В индустриальном обществе значительная часть занятого населения действует в соответствии с логикой бюрократической карьеры, даже так называемые синие воротнички, то есть представители профессий физического труда. Однако появляются признаки того, что идентификация с образцом бюрократической карьеры становится менее распространенной (10; 20; 21; 22).

Логика профессиональной карьеры определяется мастерством, умением, владением социально ценным знанием как основными детерминантами профессионального статуса, а также репутацией как наибольшим ресурсом для индивида. Развитие карьеры не обязательно предполагает движение от одной формальной позиции в структуре труда к другой. Наоборот, в профессиональной карьере можно продолжительное время сохранять одну и ту же позицию, работу или занятие, ощущая при этом все преимущества и наслаждение восходящего движения. Профессиональная карьера опирается на репутацию, получение или взятие на себя более важных, сложных и ответственных заданий, вызов себе и окружающим, что требует проявления больших способностей, умений и мастерства.

Если основным ресурсом бюрократической карьеры является позиция в иерархии, а профессиональной — репутация, то главным ресурсом предпринимательской карьеры есть способность создавать ценные, то есть значимые для других, для общества, результаты. Карьерное восхождение не предусматривает смены позиции, должности, звания, часто даже места работы. Здесь ощущают прогресс тогда, когда, образно говоря, увеличивается территория влияния или масштабы деятельности и когда вступают в обладание все большей долей доходов. С предпринимательской карьерой ассоциируется большая степень свободы,

независимость, контроль не только над собственными заданиями и действиями, но также организационным окружением, мотивация к высокой продуктивности.

Таким образом, все разнообразие объективной и субъективной сторон карьерного поведения в обществе можно попытаться охарактеризовать в пределах трех идеальных типов карьеры. Превращение возможности карьеры в действительность есть следствием воздействия многих факторов, различных по природе и силе влияния. Поскольку трудовая карьера человека в определенной степени является и условием, и следствием формирования его самоконцепции, то предпосылки и факторы, влияющие на разворачивание карьеры, в такой же степени значимы и для социальной идентификации личности. В социологии постоянно актуальным остается вопрос о том, что преимущественно управляет индивидуальными жизненными траекториями и формирующимися на их основе представлениями о себе: собственно индивиды или структурные особенности социального окружения? Последние все больше привлекают внимание исследователей.

Выделяют несколько структурных характеристик общества, которые определяют наиболее общие параметры трудовой карьеры: тип системы образования, сложившийся в данном обществе, ее доступность и взаимосвязь с рынком труда; дуальный характер последнего, то есть постоянно воспроизводимое разделение рынка труда на первичный, состоящий из карьерно перспективных рабочих мест, и вторичный, рабочие места которого считаются тупиковыми или близкими к этому; структура собственности; роль государства в экономике страны (14; 23; 24; 25; 26). Для многих работающих важной детерминантой карьеры является принадлежность к той или иной отрасли производства, структура занятости в которых тесно связана с технологией производства. Последняя диктует разделение труда с преобладанием работ высокой, средней или низкой квалификации, что определяет конкретную последовательность позиций. К тому же многие города, не говоря уже о сельской местности, обладают ограниченным количеством отраслей производства, а соответственно и ограниченным выбором линий карьер, их продолжительностью и разнообразием. Иногда миграция остается единственным путем осуществить возможность для продвижения.

Социально-структурные предпосылки осуществления, восприятия и оценки карьерной мобильности имеют объективный характер. Но человек может усилить или, наоборот, ослабить их влияние в процессе превращения возможности карьеры в действительность, исходя не только из внешне заданного структурированного пространства, но из свойств и ресурсов, источником которых является он сам. Люди разного возраста, образования, пола, социального происхождения, способностей, притязаний и т.п. имеют резко отличающиеся возможности для продвижения. Карьеры женщин, например, существенно отличаются от карьер мужчин даже при условии одинаковых структурных предпосылок. Особенно значим возраст индивида. Достичь мастерства, признания или

продвижения в бюрократической иерархии, когда ты молод и только начал трудовую жизнь, — означает идентифицировать себя как имеющего очень хороший потенциал карьерной мобильности. В то же время достижение таких уровней на 10-15 лет позже может сопровождаться осознанием завершения пребывания в статусе активно действующего субъекта.

Определению ситуации, в которой находится индивид, способствуют постоянные прямые или опосредованные отношения с другими людьми, то есть включенность в определенные социальные сети. Неформальные социальные связи безусловно воздействуют на оценку и самооценку индивидов, открывают для них жизненные и трудовые возможности, содействуют поиску места работы и путей дальнейшего продвижения. Социальные сети являются ресурсами, которые индивиды могут использовать путем прямых или опосредованных контактов для достижения желаемого места в социальном пространстве (27; 28; 29; 30; 31).

Как именно структурные характеристики социального пространства будут соединяться с личностными свойствами индивидов не в последнюю очередь зависит от кадровой политики или систем подбора персонала, которые практикуются в различных организациях и имеют множество особенностей (ограничений) при определении того, для кого из работающих возможность продвижения станет действительностью, когда это произойдет и каким будет продолжение (2, 458; 15, 10-13). Вот почему кроме понимания структурных характеристик пространства, в котором ты находишься, осознания себя как носителя тех или иных способностей и ресурсов, важным моментом является понимание того, что организация ценит в своих сотрудниках и за что их вознаграждает.

§2. Организационный контекст идентичности

Организационный контекст карьерной мобильности и социальной идентификации человека является одним из наиболее интересных и значимых. Взаимодействие индивида с организацией происходит как навязывание и предписывание статусных и ролевых идентичностей, их усвоение и активное использование в процессе идентификации или как неприятие и отвержение. Первая половина XX столетия стала свидетелем завершения массовой миграции мужчин из индивидуально-семейных хозяйств и занятий в сложные организации. Вторая половина века принесла с собой ускоренный процесс их “феминизации”: все больше женщин занимало различные по уровню позиции в организациях.

Сегодня трудовой путь большинства работающих проходит через одну, несколько или множество организаций. Поэтому неудивительно что социологи все чаще обращаются к подробному исследованию организаций как пространства трудовой карьеры, приходя к выводу, что во многом именно организации являются важнейшим структурным агентом социальной идентификации индивидов, делая из своих работников тех, кем они сами себя определяют (13). Организации занимают большую

часть того пространства, в котором происходит процесс развития уже взрослого человека, процесс поиска и изменения ответов на вопрос: “Кто я?” В период подготовки человека к самостоятельной трудовой жизни у него возникают представления и ожидания относительно удовлетворения многих своих потребностей, включая индивидуальное развитие и профессиональное продвижение в организациях, которые станут средой разворачивания его трудовой жизни. В то же время нет недостатка и в тех, кому не удалось обрести четкие и устоявшиеся представления о себе, о предпочтительных позициях в сфере труда и чьи карьеры состоят из последовательности не соотносящихся между собой занятий. Эти индивиды переходят из одной организации в другую, не принимая приписываемые им идентичности.

Таким образом, природа и структура тех организаций, которые конституируют сферу труда, конституируют и пространство идентификаций. Последнее в организации предстает как внутренний рынок труда, который характеризуется четко фиксированными входными позициями, одной или несколькими линиями карьеры, нормативно обусловленными, устоявшимися процедурами приема, освобождения и продвижения работников. В качестве одной из главных составляющих успешной карьеры рассматривается та подготовка (знания, умения, опыт), которую индивид приобретает непосредственно в нанявшей его организации (15, 21). То есть именно организация в лице администрации и руководителей разного уровня определяет тех, кто в итоге получает наибольшие инвестиции (подготовку) и от кого организация ожидает соответствующего вклада в поддержание ее стабильности и эффективного функционирования. Особенное значение имеют позиции, которые индивиды получают при вхождении в организацию, поскольку параметры их дальнейших карьер во многом зависят от потенциала первых рабочих мест и первых ступеней карьеры.

Как и внешний, внутренний рынок труда в организации состоит из различных по протяженности и вознаграждению линий карьер. Тупиковые или близкие к этому рабочие места также в наличии, как и совсем короткие линии продвижения. С другой стороны, социологи отмечают факт существования в организации индивидов, карьерная мобильность которых является очень быстрой на фоне общей картины продвижения всех работников. В корпорации, карьерную мобильность сотрудников которой исследовала Р. Кантер, 5-6 лиц из каждых 50-ти принадлежали именно к этой категории (13, 133). Если в организации существует определенная норма карьерных продвижений, например приблизительно через каждые три года, то некоторым такая возможность периодически предоставляется через год-полтора.

У сотрудников любой организации складываются определенные представления о направлениях и временном измерении карьерной мобильности, которая в ней практикуется. Такие представления изучались в многочисленных исследованиях, начиная с середины нынешнего столетия. Однако сравнение представлений респондентов с

данными лонгитюдных исследований свидетельствует о том, что члены трудовых организаций далеко не в полной мере осознают способность структурных факторов ограничивать индивидуальные карьеры. Намерение достигнуть более высоких уровней организационной структуры довольно часто оказывается практически или частично неосуществленным (15, 13-16). Даже работники, находящиеся на равных позициях, по-разному определяют свое место на карьерной карте организации, время и направления возможного продвижения в будущем (13, 132).

Совокупность рабочих мест в организации и их упорядоченная последовательность в различных линиях карьеры воспринимаются индивидами как возможность. Она детерминируется высоким или низким уровнем продвижения с конкретной позиции, размахом и продолжительностью карьерных линий, которые начинаются с этой позиции, а также присущими каждому человеку качествами, отличающими его среди коллег такого же возраста и положения. Возможность является критической переменной для членов организации. Как потенциальная, так и осуществленная через карьерную мобильность возможность является сильным дифференцирующим фактором в современных организациях (13, 251).

Р. Кантер считает, что работники, которые идентифицируют себя как людей с низкими возможностями, склонны понижать уровень своих стремлений и притязаний, самооценку и способность конкурировать с другими. Они ищут удовлетворения в деятельности вне работы, имеют “горизонтальные” ориентации, более критично относятся к представителям администрации и методам управления организацией; пытаются обрести самоуважение и ощущение собственной необходимости через межличностные связи с другими в большей степени, чем через выполнение заданий; проявляют беспокойство вознаграждением в его чисто экономическом измерении.

Работникам, возможности которых идентифицируются как высокие, присущи соответственно высокие притязания и самооценка, взгляд на работу как основной смысл жизни, преданное служение организации и вера в ее цели, готовность соревноваться с другими, “вертикальная” ориентация, идентификация себя с людьми, которые занимают более высокие позиции, взгляд на работу как на средство мобильности и профессионального роста, стремление к усовершенствованию знаний и умений (13, 246-247).

Сторонники структурного подхода к интерпретации карьерной мобильности настаивают на том, что именно структурные особенности организаций предоставляют или ограничивают возможности индивидуального продвижения и развития. Фундаментальное противоречие между ними и сторонниками теории человеческого капитала остается нерешенным — оценивает ли организация “стоимость” индивидов и в соответствии с этим определяет их карьеры или же последние являются заранее заданными структурно, исходя из потенциальных возможностей первых рабочих мест.

Успешной попыткой соединения элементов двух вышеназванных подходов к определению механизмов карьерной мобильности является так называемая турнирная модель карьеры, предложенная американским социологом Джеймсом Розенбаумом (15; 32; 33). Она привлекает внимание не только как воплощение стремления к синтезу, но прежде всего как результат продолжительного лонгитюдного исследования трудовых карьер когорты работников одной большой корпорации. Дж.Розенбаум называет карьерную мобильность турнирной, поскольку карьера сотрудников организации состоит из последовательности позиций, продвижению на которые предшествовала победа индивида в соревновании (турнире, конкурсе) с другими претендентами. В данной модели карьера концептуализируется как последовательность соревнований за переход на позиции более высокого уровня, каждое из которых влияет на шансы индивидов совершить мобильность во время следующего соревнования-отбора, а также на то, какое признание он получит в организации. Хотя правила таких турниров довольно разнообразны, принципиальным является различие между победителями и побежденными на каждой ступени отбора. Идентифицировав работников как проигравших или выигравших, организация предоставляет им совершенно различные возможности в будущем: победители имеют возможность и дальше соревноваться за достижение самых высоких уровней, побежденные могут повторно соревноваться только за позиции более низкого уровня или же им вообще не предоставляется такая возможность.

В организации как пространстве турнирной карьерной мобильности возникает новый организационный статус – “статус способности”. В отличие от хорошо известного статуса занятости, который определяет вознаграждения индивида, “статусом способности” организация наделяет тех, кто остается соревноваться за продвижение к вершине. Дж.Розенбаум обращает особое внимание на то, что организация присваивает своим сотрудникам определенный “статус способности”, то есть идентифицирует, исходя из их трудовых историй. Механизмы карьерного отбора действуют не только на основе способностей, подготовки (человеческого капитала), но также на основе истории карьеры индивидов – позиций, которые они занимали ранее, времени и уровня прошлых продвижений и т.п. Отметим, что это не есть атрибуты индивидов самих по себе, но атрибуты последних по отношению к позициям в организации.

Акцент на способностях индивида сближает турнирную модель карьеры с теорией человеческого капитала, но в отличие от последней первая рассматривает способности как статусный атрибут, основанием которого является индивидуальная история структурных достижений. Рассматривая прошлые структурные достижения как детерминанты наличных и будущих карьер, турнирная модель близка к структурным концепциям, но отличается признанием карьерной мобильности как более динамичного и изменчивого, а не жестко заданного структурными предпосылками процесса.

Турнирная модель карьеры имеет вид дерева, первые ветви которого (линии карьер победителей первых турниров) отличаются четкой тенденцией быть наиболее протяженными и стабильными. Ветви, которые появляются позже (линии карьер потерпевших неудачу в ее начале), более короткие и менее стабильные, практически никогда не достигают вершин организационной пирамиды. Турниры создают и воспроизводят неравенства, поскольку выбор обязателен даже тогда, когда способности соревнующихся равны. Если среди сотрудников организации нет особо талантливых и способных, то организация их “создает”, чтобы заполнить быстрые линии карьерной мобильности. “Большие способности”, “высокий потенциал” – это социально признанный статус, предписываемые идентичности, которыми организации наделяют некоторых своих работников, а сложившиеся нормы и правила карьерной мобильности регулируют, сколько и кто именно получит данный статус.

В трудовой организации человек не только изменяет статусы, должности, занятия, но и развивается, приобретает и обогащает опыт, усваивает различные социальные роли, усложняет отношения с окружающими. В теории карьеры все это концептуализируется как карьерное развитие, которое разворачивается вокруг нескольких идентификационных стержней. Американский социолог Э.Счейн ввел в научный оборот и обосновал понятие “карьерный якорь”, что оказало огромное влияние на исследование и определение процессов идентификации, оценку карьерных ориентаций личности (2, 455; 10, 93). “Карьерный якорь” – это своеобразная внутренняя потребность человека, осознание собственного предназначения, которое действует как настоящее принуждение. Это то, что человек не может отбросить, принимая решения относительно собственной карьеры. На основании результатов лонгитюдного исследования мужчин, получивших магистерскую степень в Массачусетском Технологическом Институте, которое включало ряд интервью с детальным описанием трудовой истории и причин карьерных решений, Э.Счейн определил пять идентификационных стержней, или “якорей”, вокруг которых разворачиваются трудовые карьеры.

Во-первых, это технико-функциональная компетентность. Индивиды этой группы строят свои карьеры в пространстве технической или функциональной компетентности и осуществляют трудовые перемещения, руководствуясь критерием максимизации возможностей оставаться “на высоте” в своей профессиональной сфере. Они не заинтересованы быть руководителями и оказывают сопротивление идеям и предложениям о переходе в сферу управления.

Во-вторых, управленческая компетентность. Индивиды с этим “карьерным якорем” обеспокоены быстрым продвижением по ступеням организационной иерархии к управленческим или менеджерским позициям. Они определяют свою компетентность как комбинацию трех составляющих: а) аналитической компетентности, способности решать проблемы в условиях нестабильности; б) межличностной компетентности,

способности влиять на достижение важных для организации целей; в) эмоциональной компетентности, способности кризисные ситуации встречать мобилизацией внутренних качеств и умений.

В-третьих, стабильность и безопасность. Индивиды с этим “якорем” больше обеспокоены поддержанием стабильного положения в своей организации и более широком социальном окружении, а также в семье и общности, к которой принадлежат. Четвертый “якорь” – это творчество. В том смысле, что члены этой группы принимают решения, исходя из внутренней потребности что-либо создавать: новую продукцию, компанию, услуги и т.п. Э.Счейн называет таких людей предпринимателями.

И, наконец, автономность и независимость. Индивиды с этим внутренним стержнем чувствуют все возрастающую неспособность и нежелание работать в больших организациях и находят для себя “автономные” карьеры, переходя к выполнению таких ролей, как частно практикующий профессионал, консультант, свободный творческий работник и т.д.

В соответствии с действующим “карьерным якорем” индивиды определяют свое отношение к организации. Если одни видят в них пространство для роста и продвижения, усовершенствования способностей и умений, то другие стараются их избегать. Если одни согласны отдавать организации свое время и лояльность в обмен на то, к чему они стремятся или в чем нуждаются, то другие для достижения своих целей сами создают организации.

§3. Гендерный контекст идентичности

Еще одним существенным контекстом, на фоне которого разворачиваются процессы идентификации, самоидентификации и карьерной мобильности, является гендерный. Данный контекст основан на том, что в западной социологии принято называть “gender”. Этот термин относится к социальному конструированию женственности (femininity) и мужественности (masculinity), то есть к тем социально-культурным образованиям, которые возникают на основании пола и отражают существование в данном обществе двух социально и культурно отличных групп (34, 301-303).

Несмотря на то что женщины уже давно стали неотъемлемой и постоянно увеличивающейся частью рабочей силы общества, большинство предыдущих исследований многих социальных явлений и процессов игнорировали особенности жизненного и трудового опыта женщин или в лучшем случае рассматривали их как некое отклонение от мужчин. В известном социологическом бестселлере Уильяма Уайта “Организационный человек” (1952) автор фактически отождествляет человека с мужчиной. Подобная практика стала одной из причин для критики традиционных подходов к изучению сознания и поведения людей. Постепенно складывалась и находила все больше сторонников

мысль о том, что “ни одно исследование человеческого поведения больше не может считаться завершенным, если игнорируются роли, позиции, а также ограничения, которые касаются пребывания женщин в общественной сфере, так же как и мужчин, которые традиционно представлены в исследованиях организаций” (13, 8).

Что касается карьеры, то пол стал основанием, чтобы, с одной стороны, заинтересоваться тем, как чувствует себя женщина, что происходит с ее идентичностью среди традиционных, устоявшихся моделей, линий, значений, пространств карьеры. А с другой, пол оказался основанием, чтобы искать и находить предпосылки для все более громко звучащего вопроса о том, не настало ли время пересмотреть традиционные концепции карьеры и идентичности, существенно изменив их или хотя бы дополнив такими, которые отражают особенности женщины как субъекта действия, по-иному утверждающего себя в трудовой и прочих сферах жизни.

Безусловно, средне- и высокоразвитые страны отличаются стереотипами и практиками вхождения женщин в пространство имеющихся позиций, моделей, линий, возможностей карьер и перемещения в них. Работающие матери, не говоря уже о бездетных молодых женщинах, стали национальной нормой. Трудовая карьера важна для них, их семей, национальной экономики в целом. Но обобщив опыт наблюдений за трудовой жизнью женщин многих стран, английский социолог Э. Гидденс констатирует отсутствие каких-либо существенных изменений в положении женщин на рынке труда, поскольку “подавляющее большинство женщин даже сейчас выполняют работу, не требующую творческого подхода, находясь на низших ступенях иерархии власти в учреждениях и на предприятиях, имеют ограниченные перспективы продвижения по службе по сравнению с мужчинами” (35, 136).

Анализ статистических и социологических данных позволяет выявить некоторые особенности пребывания женщин в системе существующих в обществе моделей, линий, факторов и последствий трудовых карьер. Социологи считают, что сегрегация рынка труда по признаку пола, которая в обыденной жизни заметна в разделении профессий (занятий) на “мужские” и “женские”, остается одним из наиболее стабильных атрибутов современных обществ (36, 89). Это значит, что пол имеет безусловное влияние на перспективы человека на рынке труда, а в обществе сложились стойкие стереотипы идентификации и самоидентификации профессиональных и трудовых возможностей мужчин и женщин. Работающие женщины преобладают в относительно немногих профессиях и отраслях, требующих высоко- и среднеквалифицированного труда; пропорционально гораздо больше они представлены на нижних ступенях профессиональных и организационных пирамид; на всех уровнях квалификации они — первые кандидаты в безработные, им обычно платят меньше по сравнению с мужчинами.

Общее представление о положении работающих женщин можно получить, сравнив их среднюю заработную плату с такой же у мужчин.

В США, например, оплата труда женщин в целом по основным профессиональным группам в 1989 г. составляла 65 процентов от заработной платы мужчин, колеблясь между 51 и 78 процентами в различных отраслях экономики (37, 233-234). Э.Гидденс считает подобные данные показательными для всех капиталистических обществ, отмечая, однако, что относительные показатели уровней заработной платы мужчин и женщин в странах, где официальная государственная политика ориентирована на использование женщин как трудовых ресурсов в большей степени, чем в США, мало чем отличаются от показателей для США (35, 136). Он также называет женщин жертвами “двойной” дискриминации, подразумевая, что работающие женщины как и раньше отвечают за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми.

Доступ женщин к возможностям внутреннего рынка труда различных фирм и организаций выглядит довольно ограниченным. Установлено, что трудовые карьеры женщин на внутреннем рынке являются более короткими и более плоскими с учетом вертикального измерения (16, 586). Характерно, что такая ситуация складывается и постоянно воспроизводится на фоне существующего в развитых странах равенства между полами в сфере образования. Социологи фиксируют выравнивание образовательных возможностей между мужчинами и женщинами в последних возрастных когортах (36). Но в то же время отдача от полученного образования, подготовки, опыта для женщин является несравненно меньшей. В Японии, например, большинство фирм вообще не принимают заявлений и документов от женщин с университетским дипломом (38, 342). То есть оказывается, что образование для женщины – это хорошо до определенного уровня. А дальше образование вообще может не только не помочь, но даже помешать женщинам получить работу. Идентифицируя себя как высокообразованные, они вынуждены признавать, что выполняемая ими работа не требует полученного образования и подготовки.

Таким образом, пол как признак биологического различия людей является не менее важным признаком социального различия, то есть основой для определения и самоопределения своего места в социальном пространстве. К ранее существующим в обществе неравенствам, которые традиционно характеризуют положение женщин, прибавилось еще одно – карьерное, основные признаки которого – существенная разница между мужчинами и женщинами относительно начального статуса и уровня заработной платы, скорости и протяженности продвижения (16, 583). Указанная проблема, безусловно, сложна и неоднозначна. Ее интерпретация и “рецепты” решения разнообразны, а иногда и противоречивы.

В частности, небезосновательны утверждения о том, что рынок труда в значительной степени контролируется мужчинами, которые способны манипулировать им для достижения собственных целей как работодатели и руководители. Женщинам отказывают в продвижении, чаще всего мотивируя это тем, что они, создав семью, оставят работу ради детей.

Если у них уже есть семья и дети, то им нельзя поручать ответственную работу, поскольку семейные обязанности все равно не дадут женщине возможность работать в полную силу. Таким образом, женщины зачастую не могут быть карьерно мобильными просто потому, что они женщины. Такая интерпретация, безусловно, является упрощенной, чтобы объяснить сложную реальность человеческих взаимоотношений, но иногда она действительно близка к истине.

С точки зрения теории человеческого капитала, половая сегрегация и отличия в оплате труда — естественные следствия различных по объему вложений в человеческий капитал. Женщины накапливают его существенно меньше, чем мужчины, поскольку расходуют значительно больше времени на семью и домашнее хозяйство. Считается, что женщины осознают необходимость периодически оставлять работу, то есть прерывать трудовую карьеру, а их решение не накапливать относительно больше человеческого капитала является поэтому вполне рациональным. Отсюда и более низкий уровень продуктивности труда, дохода, возможностей для продвижения.

Сторонники концепции влияния внутреннего рынка труда объясняют пребывание женщин преимущественно на позициях с невысокими или крайне ограниченными карьерными возможностями тем, что организация предоставляет реальные возможности и инвестирует только в тех, от кого ожидает продолжительного пребывания в ней, чтобы получить отдачу от вложений в работника. Женщины, особенно молодые, с большой вероятностью прерывания карьеры — малопривлекательный с точки зрения организаций объект для инвестиций возможностями. Поэтому у них мало шансов получить позицию, из которой начинается длительная последовательность продвижения. Неравенство на рынке труда накапливается на протяжении всей трудовой карьеры.

Значительное распространение получила так называемая индивидуальная модель трудового поведения, которая подчеркивает отличия между мужчинами и женщинами как индивидами: их первичную подготовку к выполнению различных социальных ролей, основные жизненные выборы, на которые их ориентируют с детства в процессе игры и обучения, а также их отличия как биологических существ, то есть заложенную самой природой разницу. Подобные утверждения стали стандартным объяснением статистических и социологических данных об отличиях в положении женщин в обществе, в том числе проявлений дискриминации и сегрегации. Независимо от того, делается ли большее ударение на социальные или биологические аргументы, они основаны на предположении, что источником неравенства как на рынке труда в целом, так и в отдельно взятой организации является прежде всего сам человек. Поэтому значительное распространение получили программы и пособия наподобие тех, что учат женщину, как быть деловой, как правильно принимать решения, как стать менеджером, как сделать карьеру и т.п. Понятно, что эталоном чаще всего служат формы соответствующего поведения мужчин, а самоусовершенствование для женщины означает

не что иное как приближение к таким формам.

Сторонники влияния структурных детерминант на индивидуальное поведение и самочувствие считают, что предыдущие объяснения игнорируют как значительные различия между самими женщинами, так и сходство трудового поведения и ориентаций мужчин и женщин. Любое утверждение о типичном поведении женщин может быть частично верным и для мужчин. То, что кажется половой дифференциацией трудового поведения, в действительности оказывается обусловленным структурными факторами. Стереотипными стали утверждения о том, что мужчины являются более целеустремленными, амбициозными, способными сохранять относительно высокую мотивацию к труду. Р.Кантер утверждает, если женщины считаются менее мотивированными, то только потому, что их работа содержит значительно меньшие потенциальные возможности (13, 159). Социологические исследования свидетельствуют о том, что и для мужчин работа не всегда является основной жизненной ценностью и источником идентичности. Мужчины с ограниченными возможностями больше соответствуют существующим стереотипам о трудовых ориентациях женщин (39, 160-161). Известно также, что в обществе, которое состоит из различных расовых групп, трудовые каьеры белых женщин и небелых мужчин по своим основным параметрам являются практически тождественными (16). Таким образом, структурный подход к анализу того, что происходит с человеком в сфере труда, переносит проблему карьерного неравенства из плоскости индивидуальных отличий в плоскость структурных ограничений, которые возникают и перед мужчинами, и перед женщинами. Поэтому изменения должны происходить не столько в людях, сколько в окружающих их организациях (13, 261).

Но, быть может, модели поведения и самооценки мужчин неприемлемы для женщин? Ведь, кажется, уже существуют достаточные основания говорить о том, что здесь отличия не только биологические. То есть речь идет об отличиях между мужчинами и женщинами на уровне фундаментальных ценностей, способов видения и оценки себя среди других. Социологи феминистической направленности убеждены, что переживаемые женщинами ощущения невозможно адекватно отразить в контексте ориентированных на мужчин теорий, концепций, методов исследований. Такие взгляды приобретают все большее распространение в последние десятилетия, несколько отличаясь от предыдущего содержания феминистических идей. Раньше, достигнув равенства прав, женщины выступали за равный доступ к тому, что уже имели мужчины. Прежде всего это касалось сферы трудовой занятости. А теоретические обобщения трудового опыта женщин воспринимались как дополнение того, что уже было известно о мужчинах. Феминизм отстаивал право женщин иметь такие же карьерные возможности, как и представители противоположного пола.

Однако все возрастающее участие женщин в трудовой деятельности не смогло изменить основополагающую недооценку женских свойств

и способностей. Их адаптация к организационным нормам ныне расценивается как иллюзорная, поскольку такие нормы оказались глубоко чуждыми женским моделям поведения (40, 276). В чем же суть последних, и действительно ли они не просто несколько отличаются от мужских образцов, а имеют абсолютно иные основания? Положительный и обоснованный ответ на этот вопрос составляет содержание нового подхода к раскрытию роли женщины в современном обществе и осознанию ею своего места в нем.

Данные предшествующих исследований служили для доказательства того, что женщины мало в чем уступают мужчинам, нет оснований не доверять им, в том числе работающим в больших организациях. Но все чаще на страницах научной литературы высказывается мысль, подкрепленная результатами соответствующих исследований, о том, что мужчины и женщины существенно отличаются. Женщины составляют отличный от представителей противоположного пола уровень потенциальных человеческих свойств. Английский социолог Джуди Маршалл с целью подобного различения использует понятия “женские ценности” и “мужские ценности” (40, 278). Делается вывод, что в обществе параллельно существуют две культурно-социальные системы: мужская, в которой мир воспринимается в терминах прав, обязанностей, принципов как оснований принятия решений отдельными субъектами действия, и женская, в которой мир воспринимается как сеть социальных отношений с индивидом в центре, где истинное и неистинное становятся относительными и прагматичными в зависимости от ситуации.

Исследования также показали, что даже при наличии успешной карьеры и профессиональных достижений у женщин, традиционные роли остаются для них центральной частью идентичности. Ощущение успеха является для них более сложным, чем просто накопление профессиональных достижений. Многие женщины, достигнув успехов и вершин в организационной иерархии, ощущают фрустрацию и опустошенность. Для них власть, звание, деньги, статус не являются определяющими. Немало респонденток Дж.Маршалл, даже те, кто занимали руководящие должности, оценивали себя как маргиналов в организациях. Они воспринимали окружение как чуждое их свойствам и ценностям: идентичности не кристаллизовались (40, 282).

Мужчины и женщины, по данным соответствующих исследований, живут в различных временных мирах (41). Мужчины – в линейном мире, где работа является стержнем. А возрастающее значение труда и карьеры превратило мир женщин в вероятностный. Молодые мужчины проектируют будущее почти исключительно в терминах разворачивания и завершения карьеры. Образование планируется как непрерывное до достижения желаемого уровня. Семья желательна и бесппроблемна. Женщины, наоборот, действуют в вероятностном, зависимом от обстоятельств временном мире. Будущее проектируется и предполагает карьеру. Но также предвидится возможность прерывания и возврата к учебе, работе, воспитанию детей. Матрица работа/образование/

семья организована вероятностным образом, каждая составляющая приспособлена к различным периодам времени. Таким образом, молодые мужчины и женщины предполагают участие в тех же сферах жизнедеятельности (образование, работа, семья), но они существенно отличаются представлениями о последовательности и объеме такого участия и временной организации жизни.

Изучение формирования идентичности работающих женщин показало необходимость пересмотра общепринятых определений карьеры как синонима восходящих перемещений в избранной сфере трудовой деятельности, поскольку линейное продвижение в пространстве профессии или организации оказалось слишком узким. Используя ориентированные на мужчин стандарты карьеры и успеха, легко оценивать женщин, стремящихся соединить труд с материнством и семейными обязательствами, как профессиональных неудачниц. Однако результаты исследований свидетельствуют, что женщины являются не менее карьерно мотивированными. Но их представления о работе и отношения с другими отражают скорее желаемый для них стиль жизни, чем конкретные планы занятия статусов и выполнения различных профессиональных ролей, что характерно для мужчин.

Несмотря на попытки теоретического обобщения результатов проведенных исследований, социологи феминистической направленности все еще не готовы дать всесторонне обоснованную и логически завершенную концепцию социальной идентичности и карьеры современной женщины. Ее основные определения формируются пока что от противного: карьера в представлениях женщины – это не линейное движение, которое нацелено на восходящую мобильность и успех, не просто механическое соединение замужества, материнства и работы. Это – неприятие мужской модели карьеры, которая стала синонимом продуктивности и предназначения человека в обществе без четко определенных альтернатив. Это неприятие тезиса о работе как стержне социальной идентичности, если это касается женщин (42, 125).

Впрочем и для женщин источником идентичности и самооценки не обязательно есть членство даже в очень престижной и перспективной организации. Многие из новых предприятий в сфере обслуживания, например, основаны женщинами со значительным профессиональным опытом, которые, прервав традиционную карьеру в организации, таким образом реализовали стремление к большему контролю над собственной жизнью (28, 126).

Это только одна из тенденций, которые требуют осмысления и концептуализации исследований социальной идентичности и трудовой карьеры в обществе. Женские ценности должны быть интегрированы в теорию карьеры, иначе она так и останется односторонне ориентированной, то есть будет отражать общество, институты, нормы и язык которого конституируют мужские ценности. Поэтому социологи-феминисты призывают к пересмотру содержания, структуры и методов теоретических построений, описывающих социальную идентичность

и трудовую карьеру. Гендерный контекст последних неоднозначен. Подходы и выводы как противоречат, так и дополняют друг друга. Но без учета данного контекста говорить о достоверности результатов соответствующих исследований уже невозможно.

Рассмотренные контексты, конечно же, не исчерпывают все возможные подходы к анализу взаимовлияния процессов трудовой карьеры и формирования идентичностей. Они только подчеркивают плодотворность учета как характеристик индивидов, так и характеристик социальных организаций. Личностные предпосылки разворачивания трудовой карьеры налагаются на структурные особенности социального пространства и наоборот. Индивидуальная возможность осуществления трудовой карьеры по своей природе оказывается формально структурированной. Достижение успеха, кристаллизация собственной идентичности происходят в структурном пространстве возможностей.

События последних лет в нашем обществе не могли не сказаться на тенденциях карьерной мобильности, а также на оценках и представлениях о ней как и о трудовой жизни в целом. На уровне общественного сознания трудовая карьера постепенно приобретает позитивное ценностное содержание. Значительные изменения происходят в социальном пространстве карьеры. Разрыв устоявшихся и стабильно воспроизводимых ранее линий карьер является неизбежным как следствие экономического кризиса, сокращения промышленного производства, структурной перестройки экономики, исчезновения или изменения статуса социально-профессиональных групп, реальной и скрытой безработицы, значительного падения престижа и материального благополучия работников традиционных видов умственного труда. Социологи говорят о феномене массовой деидентификации, признаком которой является утрата или разрушение биографии, что происходит прежде всего с людьми, ориентированными на карьеру, активное формирование своего жизненного пути (43, 3-4). Для сегодняшнего состояния общества характерна утрата его членами убедительных критериев идентичности с профессией и местом работы не только в виде заработной платы и различных льгот, но также возможностей продвижения. Происходит, образно говоря, девальвация карьерной идентичности, идентичности с более сложным, ответственным трудом и более высокой заработной платой.

Изменение социального пространства карьеры происходит также за счет возвращения на отечественные просторы и легализации частной собственности, предпринимательской карьеры, формирования нового общественного слоя, представители которого отличаются возможностями карьерной мобильности и представлениями о них (44; 45). Появление новых типов предприятий и организаций на основе негосударственной формы собственности создало ситуацию, когда одна и та же работа (должность) существенно отличается по материальному и моральному вознаграждению, перспективам трудовой карьеры в зависимости от типа предприятия или организации. Эти и другие реалии сегодняшнего дня не

могли не отразиться на восприятии и оценках индивидами состояния и перспектив собственной трудовой жизни и социального положения, что находит свое отражение в данных эмпирических исследований.

ГЛАВА 4

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ

§1. Проективные идентичности в молодежном сознании

Представления молодежи о расслоении, отчуждении и интеграции индивидов и групп в социуме, выбор моделей для отождествления с образом, процесс идентификации в целом значительно изменяются за счет противоречий между традиционными в прошлом оценками престижа, успеха, карьеры и т.п. и феноменом новых идеалов, возможностей, требований. Трансформация классических клише, применяемых населением на уровне бытового понимания особенностей социальной дифференциации и используемых социологами на уровне научном, предусматривает согласованность или нивелирование существующих стереотипных конструкций восприятия действительности с учетом перспектив дальнейшего развития общества.

Ценности как таковые – абстракции, если они, во-первых, не репрезентируют конкретную сферу жизнедеятельности человека и если они, во-вторых, не объективированы реалиями поведения. Решающими в судьбе каждой личности оказываются два главных выбора, определяющих принадлежность субъекта к данной социальной группе, страте, культуре. То есть в рамках личностной идентификации осуществляется попытка профессиональной и коммуникативной самореализации. Обе фиксируют доминирующие поиски модели, отражающей притязания на особый образ жизни.

Жизненные планы, ориентиры и социальная идентичность современной молодежи становятся объектом углубленного социологического изучения. Среди попыток такого анализа – исследовательский проект “Молодежь в новых условиях социальной стратификации”, выполненный авторами в 1993 г. в сотрудничестве с Украинским научно-исследовательским институтом проблем молодежи. Общее количество респондентов составило 1250 человек. Это молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, отобранные репрезентативной для Украины многоступенчатой территориальной квотной выборкой.

Выбор молодежью специфической обобщенной модели, символизирующей приемлемый и предпочитаемый в том или ином аспекте вариант образа жизни, уточняет нюансы социальной дифференциации по схеме ценностных отличий. Используемые проективные модели символизировали образчик жизненных отношений и не ограничивали его параметры уровнем отметок о наличии или отсутствии в хозяйстве респондента, например телефона, автомобиля, стиральной машины и

т.п. Вопросы к молодежной аудитории формулировались таким образом, чтобы заинтересовать юношей и девушек элементами игры (“представьте себя миллионером”). Предложенные ценностные модели условно представляли “элитарную”, “эгалитарную” и “аскетическую” ориентации для идентификационного выбора. Принципиальные особенности каждого из эталонов описывались с помощью констатации уровня притязаний и определялись с учетом функционирования соответствующих стереотипов оценивания приведенных моделей.

Господствует в мировоззренческих представлениях юношей и девушек “эгалитарная” модель, тождественная ориентации на поиск адекватного социального реализма образа жизни с учетом вероятного контроля со стороны достаточно широкого круга референтных “других”. Наличие данного факта способствует уточнению и корректировке приписывания молодежи безусловного максимализма и крайностей в предпочтениях альтернативных поведенческих стратегий. Основной принцип объективации “эгалитарного” эталона отражался в тезисах “делаю то, что делают все; живу, как все; живу так же, как и окружающие”. А имеющиеся “крайности” (при моделировании на одном стратегическом полюсе — “элитарности”, а на другом — “аскетизма”) фиксировали смещение акцентов в определении притязаний. Максимальный уровень благополучия (материального, прежде всего), демонстрация собственных достижений в “элитарности” интерпретировались молодежью как цель жизненных устремлений. Однако данная вероятностная тенденция желаний противоречила наличию заниженной респондентами самооценки, когда требовалось предположить перспективную черту шансов на реализацию задуманного. Оказалось, что “попытка” непосредственной реализации в жизни “элитарной” модели нивелировалась за счет повышения рейтинга выбора “аскетической” формы и ее стереотипов, связанных с сознательным ограничением жизненных потребностей.

Важнейшая предпосылка выделения ориентации молодежи на конкретную модель образа жизни — отношение к деньгам, заработку и тратам. 54% респондентов согласились с точкой зрения, что “крупная прибыль” естественно совпадает с вероятностью “красивой жизни”. 28% опрошенных считают, что деньги — символ власти, но и ограничения чьей-то свободы. А 17% молодых людей (в русле “аскетической” парадигмы) отождествляют значительные суммы исключительно с неприятностями и завистью. 59% ответивших хотят зарабатывать “очень много”. К тому же, 45% планируют начать собственное дело. Среди них и юношей, и девушек примерно поровну — по 40%. Но стольким же (до 40% в целом) кажутся излишними хлопоты с прибылью.

Известно, что стремление к приобретению модной одежды является одной из характерных субкультурных черт молодежи. И хотя, действительно, 55% юношей и девушек предпочитают красиво одеваться “для себя и окружающих”, но только 8% из них могут себе позволить импортные вещи как составляющие индивидуального элитарного имиджа. 37% оправдывают “практичность” одежды, ориентированной условно на

“аскетический” вариант стиля. Референтные “другие” определяют выбор “эгалитарного” образа (вплоть до особенностей приобретения вещей) у большинства молодых людей вне зависимости от места проживания респондентов.

Абстрактная шкала фиксации вероятности шанса на достижение жизненного успеха традиционно дифференцирует три отметки измерения. Это – ноль, пятьдесят и сто процентов “надежды”. Только 12% респондентов объединяют богатство как цель с верой в свой звездный шанс. Элементы апатии и пассивности демонстрируют 73% молодежи, не желающей что-либо менять в жизни ради повышения собственного благополучия и не стремящейся испытывать судьбу, ограничиваясь нулевой отметкой шансов. 12% юношей планируют получить максимальный успех, 60% придерживаются пятидесятипроцентной границы, а 27% – растеряны, размышляя о ноле. Среди девушек – иная закономерность. Только 4% из них рассчитывают на сто процентов, а 47% и 49%, соответственно, принимают показатели средней (пятидесятипроцентной) и нижней (нулевой) отметок.

Уровень образования фактически не детерминирует взгляды, отражающие своеобразие шансов на успех. То же и среди респондентов, работающих на разных, с учетом формы собственности, предприятиях. Но в последнем случае можно уточнить некоторые особенности. В сельском хозяйстве, в государственной промышленности, науке и культуре, даже среди служащих арендных учреждений и среди акционеров стопроцентный шанс разбогатеть не считается реальным. Представители же новых профессий, предприниматели и другие, вовлеченные, например, в сферу индивидуальной трудовой деятельности, не упоминают нулевую отметку. Более того, около 94% респондентов из группы “элиты” собираются активно увеличивать свой капитал. Среди служащих государственных и общественных организаций, военных и т.п. таких только 25%.

Юноши и девушки Украины считают перспективными в современном обществе именно новые профессии и сферы занятости. Хотя, конечно, в молодежной субкультуре доминируют достаточно схематичные, поверхностные представления о внешней стороне существования того или иного социального типа. 69% опрошенных желают успеха в будущем бизнесменам и предпринимателям, получающим шанс быстро и надежно трансформировать “старую элиту”. В реальной жизни, естественно, не все молодые люди пытаются открыть свое дело или могут достичь данной цели. Однако предпринимательство остается референтным символом, обуславливающим специфику идентификационных преобразований. В представлениях молодежи “элитарная” модель “красивой жизни” преуспевающих людей оказывается примером для подражания. Но приоритеты такого эталона не безусловны, поскольку на взгляды юношей и девушек значимо влияют также и другие системы ценностей, в частности “эгалитарная” и “аскетическая”.

В любом обществе молодежь является не только ресурсом рабочей

силы, которая приходит на смену тем, чьи трудовые карьеры уже завершаются. Молодежь — это также ресурс ценностных изменений, смены приоритетов и ориентиров в сфере трудовой деятельности. Сегодня представители молодых когорт трудоспособного населения находятся в ситуации, когда социальное пространство карьеры значительно расширилось как со стороны возможных путей ее осуществления, так и разнообразия организаций, через которые могут проходить линии карьер. В обществе гораздо выше начинает цениться возраст человека. Мы привыкли к тому, что ценность работника в большой степени определялась его опытом, дающим право не только на уважение и авторитет, но также на самостоятельную, сложную и ответственную работу, продвижение, повышение материального вознаграждения и т.п. Сегодня же едва ли не в каждом объявлении о конкурсном приеме на работу (особенно, если это совместное или частное предприятие, но все чаще и государственное) оговаривается возраст претендентов. Он редко превышает 35 лет даже для должностей менеджеров, не говоря уже о более низких в организационной иерархии позициях.

Образование, возраст и совсем небольшой опыт постепенно превращаются в прекрасные стартовые условия для карьерной мобильности. Хотя не для всех и не так быстро, как этого хотелось бы молодым людям. В современном обществе их ожидают не только блестящие перспективы, но и безработица даже для тех, кто имеет диплом о высшем или среднем специальном образовании, заблокированность или бесперспективность устоявшихся ранее, в условиях стабильного общества, карьер. Статус, который требует вложения значительных усилий, времени, ресурсов, продолжительного пути к нему, по своей привлекательности может уступать перед позицией, способной уже сегодня обеспечить приемлемое материальное благополучие, а также самостоятельность и независимость для тех, кто к этому стремится.

Какие возможности для профессиональной или служебной карьеры имеют молодые люди и как они их оценивают? Респондентов просили оценить свои шансы сделать карьеру в баллах от 1 (никаких шансов) до 9 (абсолютная уверенность в осуществлении карьерных возможностей). В целом самоопределение молодых людей оказалось следующим: 25% отметили средний балл (5), выказывая одновременно как уверенность, так и неуверенность в осуществлении планов трудовой карьеры; 40% молодых людей настроены более пессимистично (13% оценили свои шансы в 4 балла, 9% — 3 балла, 6% — 2 балла и 12% — 1 балл, то есть никаких шансов). Ответы 35% респондентов отмечены большим оптимизмом, хотя количество оптимистов убывает по мере приближения к полной уверенности в осуществлении трудовой карьеры: по 13% респондентов отметили 6 и 7 баллов, 5% — 8 баллов и всего 4% — 9 баллов.

Как и следовало ожидать, самооценки карьерных возможностей молодыми женщинами отличаются от самооценок мужчин. Среди первых значительно больше пессимистов, чем оптимистов. Женщины в

два раза чаще идентифицировали свои карьерные шансы как близкие к незначительным и в три раза реже высказывали полную или близкую к этому степень уверенности в осуществлении восходящего продвижения. Менее резкими, но все же заметными являются отличия между молодыми людьми различного уровня образования. Обладатели вузовских дипломов чувствуют себя гораздо увереннее в пространстве карьерных возможностей, чего нельзя сказать о выпускниках профессионально-технических училищ, которые склонны к наиболее низким самооценкам профессиональных перспектив даже по сравнению с имеющими среднее и среднее специальное образование.

Очевидно, наиболее важным является влияние профессии и конкретного места работы, поскольку именно они задают основные параметры трудовой карьеры. Все указанные респондентами трудовые организации были объединены в 4 основных типа: государственное промышленное предприятие; государственное учреждение в сфере науки, культуры, образования, охраны здоровья; сельскохозяйственное предприятие; организации негосударственной формы собственности (кооперативные, арендные, совместные, акционерные и частные предприятия). Говоря об особенностях самооценки перспектив трудовой карьеры, следует отметить три наиболее значимые тенденции. Во-первых, подавляющее большинство молодых работников сельскохозяйственных предприятий крайне низко оценили возможности для карьерной мобильности. Второй и наиболее неожиданный результат – это практически полное совпадение оценок, начиная с 5-го и заканчивая 9-м баллами, со стороны сельской молодежи и тех, кто работает в государственных учреждениях науки, образования, культуры, охраны здоровья. Сфера деятельности последних предполагает совсем иной уровень образования, характер ответственности, особенности организации труда, пространства карьеры, но оценки перспектив продвижения оказались идентичными.

Третья тенденция, а именно довольно высокая оценка возможностей трудовой карьеры работниками предприятий и организаций с негосударственной формой собственности, не является неожиданной. Ведь и ежедневное общение, и средства массовой коммуникации постоянно напоминают, что ситуация на рынке труда изменилась. Сегодня работа одинакового уровня квалификации и ответственности может иметь на несколько порядков отличающуюся стоимость и различные перспективы на будущее в зависимости от того, кому принадлежит предприятие: государству, акционерам или частным лицам. Государство, безусловно, проигрывает в этом соревновании за квалифицированных и высокомотивированных работников.

По идентификации перспектив трудовой карьеры представители ни одной из профессиональных групп физического или умственного труда так не выделяются на общем фоне, как принадлежащие к так называемым новым профессиям (предприниматели, менеджеры, брокеры и т.п.). Последние в два-три раза чаще остальных склонны определять возможности карьерной мобильности как значительные. Это

свидетельствует о том, что в обществе формируется прослойка молодых людей, которые по-иному воспринимают свое социальное положение и перспективы трудовой карьеры.

Обстоятельства, вследствие которых перспективы трудовой карьеры расцениваются невысоко, могут быть весьма разнообразными. Человек склонен обвинять прежде всего себя или других, избранную профессию, место работы или судьбу. Среди причин низкой оценки возможности осуществления трудовой карьеры молодые люди наиболее часто отмечают недостаточный для продвижения уровень образования (31%). Тем самым фактор образования в сознании молодежи остается довольно значимым при определении перспектив карьерной мобильности, но далеко не единственным.

Если недостаточный уровень образования является той причиной, которую респонденты находят в себе, то следующая по количеству ответов альтернатива (26%) перекладывает ответственность за низкие шансы карьеры на внешние обстоятельства, а именно на отсутствие рядом человека, который содействовал бы продвижению, поддерживал и ускорял его. За этим скрывается вера молодежи в важность межличностных отношений, знакомства с людьми, которые могут иметь большее влияние на разворачивание трудовой карьеры, чем что-либо другое.

Только 4% респондентов идентифицировали занимаемую ими позицию как самую высокую, что делает невозможной дальнейшую трудовую карьеру. Но в шесть раз больше количество тех (25%), кто видит причину невозможности трудовой карьеры в приобретенной профессии или месте работы, которые не предусматривают дальнейшего продвижения. Трудно сказать, чего здесь больше: неумения молодых людей видеть перспективы или действительно структурных ограничений линий карьер. К тому же, только в 7% ответов респонденты сознались в достижении ими предела развития собственных способностей, что не дает права претендовать на продвижение. Кстати, почти половина молодых рабочих причину невозможности дальнейшей карьеры видит в том, что профессия или место работы ее не предполагают. А в группе работников новых профессий (предприниматели, менеджеры, брокеры и т.п.) только 3% признают свою профессию и место работы такими, что не предполагают карьеру.

Каждый четвертый из опрошенных молодых людей (20%) бесперспективность трудовой карьеры связывает также с отсутствием соответствующих качеств, “пробивных” способностей, которые, по их мнению, крайне необходимы для перехода на следующую ступень карьеры, чего нельзя сказать о семье. Скорее наоборот. Между семьей и карьерой довольно часто приходится делать выбор, если не удастся их гармонически соединить. Последняя ситуация – не редкость, судя по ответам респондентов, 16% из которых ссылаются именно на трудности соединения карьеры с выполнением семейных обязательств. Как и следовало ожидать, молодые женщины делают это почти вдвое чаще,

чем мужчины (21% против 12% соответственно, разница значима на уровне 1%).

Иногда трудно объяснить самому себе, а тем более другим, почему жизнь складывается так, а не иначе, почему другие опережают в профессиональном или служебном восхождении. Жизнь сама подсказывает ответ, постоянно демонстрируя, что все не могут продвигаться одинаково быстро и высоко. 16% молодых людей отнесли себя именно к тем, кто в чем-то проигрывает другим. Такое же количество респондентов ссылается на не зависящие от них обстоятельства.

И, наконец, молодежь не обошла вниманием тех, кто выполняет руководящие функции, прямо или опосредованно влияя на формирование трудовых карьер подчиненных. Хорошо известно, что отношения с непосредственным руководителем могут как существенно ускорить, так и замедлить карьерную мобильность работника. Именно плохие отношения с руководством препятствуют дальнейшей трудовой карьере. Так считает 8% опрошенных.

Какой бы ни была оценка шансов трудовой карьеры и причин, ей препятствующих, она свидетельствует о том, что молодые люди, безусловно, задумывались над своим будущим, над тем, где и кем они хотели бы видеть себя в обществе, исходя из достигнутого уровня образования, способностей, приобретенных профессиональных навыков и реально доступных путей продвижения. Идентификация респондентами наиболее для них значимых, но одновременно реально возможных путей трудовой карьеры оказалась следующей. Едва ли не каждый третий (30%) считает реальной возможностью начать собственное дело, частный бизнес. Но для большинства это не является продолжением или ответвлением той линии карьеры, на которую они уже стали, выбрав образование, профессию, место работы. Это означает переход к иному типу карьеры, а именно предпринимательской, где существуют иные правила игры, механизмы и показатели профессионального роста. Очевидно, безнадежность перспектив имеющейся карьеры, прежде всего материального благополучия, и привлекательность образа жизни новоявленных предпринимателей побуждают именно к такому выбору. Трудовую карьеру с собственным делом и частным бизнесом чаще связывают мужчины (36%). Но утешителен тот факт, что каждая пятая молодая женщина рассматривает указанный путь как реально возможный. Готовность к такому выбору на 1-2 порядка ниже среди молодых специалистов с вузовским дипломом. Даже если предпринимательская карьера останется для многих молодых людей только вербальным выбором или желанием, она все равно будет постоянным объектом для сравнения и оценки своего собственного положения и выводов относительно справедливости или несправедливости общественного порядка.

Следующий по количеству сторонников путь продвижения (24%) свидетельствует о желании молодых людей оставаться на уже избранной линии профессиональной карьеры, но не продолжать ее на

государственном предприятии или организации, а перейти работать в частное, коммерческое или совместное предприятие без изменения профессии, где другие перспективы и уровень оплаты труда. Одинаковое количество молодых людей (22%) выбрали два возможных пути разворачивания трудовой карьеры, которые одновременно и дополняют друг друга, и могут восприниматься как противоположные. Первый – это повышение заработной платы на том же месте работы. Второй предполагает возможность ощущать продвижение через увеличение знаний, умений, способностей без изменения профессии и должности. То есть нематериальные показатели трудовой карьеры также присутствуют в поле зрения современной молодежи, но с возрастом они теряют свое значение, в отличие от размера заработной платы, важность которой возрастает.

Каждый пятый респондент связывает собственную карьеру с расширением сферы деятельности, увеличением прибыли предприятия, на котором работает. Такое понимание карьеры является типичным для молодых представителей новых профессий, половина из которых идентифицировала свою карьеру именно в этом направлении.

Девятнадцать процентов молодых людей перспективу трудовой жизни видят в освоении новой, престижной и выше оплачиваемой профессии, что также означало бы начало новой, но с другими возможностями трудовой карьеры. Еще один путь профессионального восхождения, не основанный на показателях материального благополучия, привлекает 17% респондентов. Это достижение большего авторитета, престижа, влияния в той организации или сфере деятельности, где они работают. И, наконец, укажем на те пути профессионального или служебного продвижения, которые традиционно ассоциируются именно с понятием карьеры. Как реально возможное направление последней 14% молодых людей определили повышение квалификационного разряда, а 11% – переход на должность, которая предусматривает управление и руководство другими людьми, с чем чаще связывают свое будущее мужчины.

Таким образом, среди современной молодежи дифференциация относительно идентификации своего места в обществе и тех трудовых перспектив, которые оно предоставляет, обусловлена воздействием целого ряда факторов. В большинстве своем они являются традиционными: пол, возраст, образование, профессия, место работы. Но некоторые из них, как, например, профессия или тип предприятия (организации), наполняются иным содержанием и силой воздействия в условиях социально-экономического кризиса, с появлением частной и других форм негосударственной собственности, новых профессий предпринимательской и коммерческой деятельности и начинают существенно влиять на восприятие социального окружения и идентификацию карьерных возможностей молодыми людьми.

Кроме социально-экономических реалий несомненно и то, что литература и театр, кино и эстрада также многомерно влияют на развитие

не только эстетических, но и социально-этических представлений юношей и девушек. В искусстве метафора кодирует элементы именно социальной информации в ситуациях, в которых герои избирают поведенческие стратегии и критерии оценивания их с позиции моральных установок конкретного исторического периода. Модель жизни на экране или в книге не тождественна феноменам действительности. Однако идентификационная проекция предполагает специфический перенос зрителей или читателей в “придуманный мир”, оказывающийся... реальным. В художественной трактовке жизненные события и поступки освещаются таким образом, чтобы отдельно явление демонстрировать в качестве типичного. В контексте разноплановости субъективного сравнительного анализ конкретного сюжета, эталонов идентификации позволяет восстановить объективные основания для декодирования информации при наличии характерного исторического идеала морали.

Нахождение референтных для молодежи образцов оформляет целостность осознания единства и различий между должным и реальным. Субкультурные примеры используются в качестве индикаторов ценностных предпочтений в процессе восприятия юношами и девушками себя и других людей. При идентификации объективируется “перенос” ведущих мотивационных конструкций субъекта в ходе трактовки им поведения художественной, например, модели. Галерея героев из произведений искусства, в частности, является своеобразным источником приобретения опыта для оценивания не только придуманных, но и существующих в действительности людей, “настоящих” жизненных отношений. Искусство предлагает свои символы для рассмотрения и изучения тех проблем, которые, конечно, не обязательно должны встречаться в личной жизни юношей и девушек. Главное — молодежь сможет ориентироваться в сложных бытовых коллизиях, зная, к чему приводят те или иные модели разрешения характерных общечеловеческих и вероятных конфликтов.

Опрос учащейся молодежи Киева способствовал разъяснению особенностей декодирования юношами и девушками предложенных средствами массовой коммуникации и другими источниками социально-этических образчиков, выраженных в символе художественного или исторического персонажа. Школьники и студенты должны были определить, откуда они выбирают своего любимого героя: из книги, кино, произведения живописи, музыки и т.д. В рамках ответа допускались личные ремарки, касающиеся мотивации выделения персонажа, его характеристик, социально-психологических качеств.

Безусловно, молодежное сознание неоднородно, что связано с дифференциацией по полу, возрасту, формам социального поведения, а в ситуации не прямых проективных выборов дифференцирующим критерием выступает еще и референтный объект. Приобретая первый опыт оценивания людей на примере придуманных, “искусственных” моделей, молодой человек в дальнейшем научается разбираться в реальных коммуникативных отношениях. Сначала информационное пространство

стимулирует обобщение концепции, составляющей компонент новой информации в бесконечной действительности социального познания.

И тут особое значение имеют источники, представляющие значимые для юношей и девушек образцы. В искусствоведческих разработках сложилась традиционная, как правило, классификация кинолент, например: фильмы “интересные”, “сложные”, “для всех” и “школьные” (5), хотя критерии такого разделения — достаточно фиктивные и неоднородные. Фиксируя время показа и латентного периода реагирования аудитории удалось констатировать следующие группы экранных источников, ориентирующих поиск молодежью поведенческих идентификационных эталонов: фильмы “случайные”, “относительно массовые” и “классические”. Конечно, и такая классификация выглядит условно, однако помогает уточнить некоторые содержательные детали выбора образцов. Первая группа работ (например, из кинорепертуара, воссозданного опросом за 1988-1991 годы, — “Шантаж”, “Случай в аэропорту”, “Одиночка”, “Красный цвет папоротника” и т.д.) преобладала в ответах учащихся только после непосредственной демонстрации фильма, но не вспоминалась аудиторией позже. Примеры второй группы — ленты более популярные, в которых увлекающий сценарий соединялся с попытками авторов обозначить некоторые психологические особенности в поступках героев (в частности, “Рабья Изаура”, “В зоне особого внимания”, “Меня зовут Арлекино” и др). В третью группу вошли мелодрамы, которые создавались в основном как экранизации известных литературных произведений (например, “Джен Эйр”, “Унесенные ветром”, “Королек — птичка певчая” и т.д.). Понятно, что они имели преимущества и доминировали в ответах респондентов.

Формально тождественным оказалось количественное выделение единиц влияния со стороны кино- телеиндустрии и книжной продукции в информационном пространстве циркулирования субкультурных референтных моделей: 38% источников были зафиксированы как экранные версии и 40% — текстовые. Ссылки на сценические символы, если не учитывать группу имен популярных среди молодежи певцов и актеров, кажутся незначительными: 1% версий в 0.5% ответов.

Из названных молодежью только 14% этических моделей можно найти в курсах учебных программ по литературе или истории. И только 3% образцов в 2% ответов принадлежали к сокровищнице украинской национальной культуры. Известные отечественные произведения пока, к сожалению, не являются постоянными стимуляторами поиска молодежью характерных поведенческих эталонов, хотя упоминались и Т.Шевченко, и О.Кобылянская, и Л.Украинка, и Я.Качура, и М.Кулиш.

Фактически не привлекли внимания учащихся (всего 6% вариантов ответов) исторические фигуры. Интересным оказался выбор молодежью персонажей по признаку “первостепенности” в сюжете. И юноши, и девушки предпочитают, конечно, главных героев (соответственно 59% среди проекций у юношей и 58% — у девушек). Девушки чаще пытались отыскать второстепенных персонажей для идентификации. Возникает

вопрос, почему, например, того или иного молодого человека Ленский поражает больше, чем Онегин, почему Лиза Болконская кажется привлекательнее Наташи Ростовской?

В контексте анализа эмпирического материала с учетом рейтинга популярности референтных образцов зафиксированы некоторые константы этических представлений, которые можно отнести к мифам молодежной субкультуры (в частности, “миф Шварценеггера (воина)” или “миф Золушки”). Удалось выделить как минимум двойственность традиционного видения молодежью той или иной модели, если интерпретировать метафористический код ее содержания. У юношей – это ориентация на интеллект, с одной стороны, и на исключительную физическую силу, с другой. Поэтому в одной компании популярных персонажей оказались капитаны (Пиркс, Дик Сэнд, Нэмо, Питер Блад и т.д.) и воины в экранных вариациях Сталлоне, Шварценеггера, Брюса Ли, Ван-Дамма, Чака Норриса и т.п. Кстати, в случае предпочтения героев с “мышцами” имена этих персонажей из кинобоевиков, как правило, не запоминались респондентами, а отождествлялись с фамилией актера. У девушек сосуществуют ориентации также разноплановые: направленные на проявление социальной активности или, наоборот, пассивности. Причем преобладал (и это отличало их от юношеских интерпретаций) глубинный анализ мотивации поступков героев. Девушки восхищаются героинями в основном альтруистического (Джен Эйр, Консуэло, Фериде-ханум и др.) и “эго-центрического” типов (Скарлет О’Хара, Анжелика, Филадельфия и др.).

С учетом факта наличия “противоположной” идентификации, когда юноша использует “женский” персонаж как объект моделирования, а девушка – соответственно “мужской”, удалось дифференцировать отличия трактовок молодежью реального поведения людей. Безусловно, имеют место некоторые трудности, касающиеся восприятия юношами личности противоположного пола в ракурсе раскрытия ее психологии. Только в 4% ответов мальчиков конструировался образ прекрасной половины. Во всех остальных вариантах референтных моделей, которые оказались значимыми, доминировали сильные и властные, суровые и смелые персонажи, но не женского пола. У девушек показатель идентификации с “мужской” проекцией на порядок выше: 41% версий в 35% ответов. При этом если у юношей варианты женских портретов выглядели только романтичными, взятыми из книг или фильмов (например, булгаковская Маргарита), то предпочтение девушек было отдано именам популярных певцов и актеров в рамках акцентирования модных среди молодежи эталонов поведения и мужского шарма. Удивительно, но графа Монте-Кристо, в частности, выбирают исключительно девочки.

Выделенные особенности проективной идентификации влияют на формирование у молодежи специфических лишь в идеале толерантных, отношений в сфере взаимодействий с другими. Наряду с невыраженностью “общечеловеческих” проявлений чрезмерно часто выбираются прецеденты, детализирующие “механику” (сила) и “физиоло-

гию” (любовь) взаимодействий. Таковы привлекательные для молодежи проективные идентичности.

§2. Статусные идентификации и идентичности в малых группах учащейся молодежи

Отыскание адекватной методики для исследования сложнейших феноменов социально-этического плана сопровождается коллизиями, специфичными при фиксации идентификации, например в системе имеющих расхождений и противоречий между ответами респондентов, вербальными констатациями, реальными действиями и скрытыми мотивациями. Поэтому учитывая использование теоретической схемы, отражающей функционирование информационной и концептуальной моделей в коммуникативном пространстве существования феноменов отождествления или отчуждения, конструктивным можно считать метод формирующего эксперимента с обратной связью. Такой метод предусматривает проведение не менее двух этапов общегрупповой социометрии с констатацией индивидуальных ответов.

На первом этапе процедуры происходит собственно “измерение” системы межличностных контактов в рамках малой ученической или студенческой группы. На втором этапе исследование усложняется за счет “открытой” интерпретации эмпирического материала, необходимой для уточнения и подтверждения результатов со стороны аудитории, экспертов и т.д.

Эффекты такого воздействия, сочетающего сугубо экспериментальные нюансы и формирующие, способствуют коррекции этической структуры у респондентов. Психологически углубленные методики рассчитаны на определенное сущностное влияние в личностных ракурсах. К тому же косвенно проверяются надежность и валидность применения социометрии в данном случае. Ведь известно, что свойства традиционных вариантов уточнения качества эмпирического материала, а особенно в случаях вероятностного рефлексивного изменения, достаточно ограничены.

С помощью специфической социометрии, которая и в классических своих моделях включает элементы условности, игры и проекции, воссоздается объективная картина иерархии статусов, когда актуализируется идентификация и рефлексия. При этом задание для респондентов попытаться “организовать спектакль” с представителями собственной группы по литературному сюжету (сказке) и распределить “роли” режиссера, актеров, рецензента, критика и т.д. соответствовало конструкции особенных творческих заданий, предполагающих фрагменты разрешения проблемной ситуации. Именно такая ситуация активизирует отождествление. В микросоциологическом исследовании, уточним, принимали участие киевские школьники и студенты. Механизмы идентификации, обнаруживающиеся в межличностных контактах, изучались в 45 малых группах молодых людей.

Доминирующими показателями социально-психологического

измерения идентификации служат: источник стимулирования рефлексии (даже на уровне элементарного осуществления любой исследовательской процедуры в целом); образцы поведения, воспринимающиеся молодежью и закрепляющиеся в ценностной системе как значимые; групповые границы корректировки данных ориентиров. Более того, апробированный вариант социометрической методики позволил осуществить многоракурсное освещение специфики отождествления с фиксацией и философского, и социологического, и психологического обобщений.

Система имеющихся в респондентской среде стереотипов, касающихся отношений в группе, качественно дополнялась оценением своеобразных проективных моделей из сюжета предложенной сказки. Эти модели демонстрировали поступковые программы решения наиболее распространенных в жизни любого человека коммуникативных проблем. Конечно, такие программы “кодировались” метафорой и аллегориями художественного произведения, но “оживали” в действиях персонажей и за счет проекции образов действительности. Механизмы познавательно-фантазийной сферы сделали возможным расширение информационного поля для респондентской рефлексии с учетом взаимосвязей реального “ДРУГОГО” и придуманной модели функционирования (“актер” и “роль”). Введение персонажей в контекст процедуры усилило положительное впечатление от “игры” и мотивацию выполнения творческой работы с методикой.

Конечно, непреодолимого барьера между собственно социологическим и психологическим уровнями реализации творческих подходов (при условии их применения в системе воссоздания развивающихся отношений) не существует. Соглашаясь со справедливым утверждением Е. Старовойтенко по этому поводу (1), констатируем необходимость отказа от противопоставления общего и частного, социального и индивидуального. Хотя если попытаться все-таки дифференцировать психологический и социологический аспекты анализа, можно зафиксировать, вслед за автором ссылки, принципиальное: та же характеристика жизненного отношения обретает форму или социально общего с психологическим богатством сущностного, или индивидуального, но определенного в контактах с другими как социального. Социометрия с творческим упражнением и сказкой гармонично объединяет возможности идентификации взаимопереходов в этических парадоксах “добра” и “зла”. Такая процедура стимулирует констатацию доминирующих у современной молодежи ценностных ориентаций как превалирующих и, к тому же, помогает осознанию личностных перспектив респондентов в плане самоотождествления и отождествления с образцом, отражающим поиск собственного статуса в групповом размежевании и структурировании.

Социометрия допускает вычленение своеобразия в развитии взаимосвязей между “Я” – “ДРУГИМ” и “ОНИ”, когда “Я” делает выбор значимого лица по критериям референтности, авторитетности, эмпатийности и критичности, констатируя, в частности, специфику контактов с “ДРУГИМ” и “ОНИ”. И наоборот, в сумме все “ОНИ”

определяют, с учетом тех же критериев, место каждому “Я” в структуре отношений в группе. Более того, объективируется индивидуальная и групповая рефлексия в идентификационном процессе.

Казалось бы, сказочный сюжет будет восприниматься ученической или студенческой аудиторией легко, хотя именно такая форма вуалировала истинную цель исследования, косвенно подкрепляя надежность результатов. В классической сказке установлены традиционные акценты позитивности и негативности поступков персонажей. Однако в варианте литературного материала, который использовался в качестве стимульного, такие дихотомии заранее нивелировались. Поэтому попытка “отхода” от канонов известных, стереотипных трактовок, касающихся поведения героев, лишь усиливала существующие схемы оценивания и фактически не удавалась.

Метафорой в сказках кодируются отобранные народной мудростью жизненные ситуации и алгоритмы их анализа. Однако любой вариант творческой продукции обусловлен также и гибкостью интерпретации. Эстетическая составляющая сказки активизирует эмоциональность восприятия и обобщения информации. Формирующий эффект предложенного варианта социометрии дает новый штрих в развитии в молодежной среде навыков моделирования смыслового пространства поступков другого человека. Отказ от поверхностной фиксации положительных или отрицательных героев (в противовес сформированным ранее стереотипам оценивания) побуждал респондентов избирать толерантные идентификационные практики. Проиллюстрируем основные этапы проведения процедуры и эмпирический материал с расчетами.

Статусная система оценивания как средство фактической деунификации позиций в группе одновременно является фокусом объективации исключительно эгалитарных установок. Ведь иерархия статусов образуется в результате коллективного процесса кооперации, не тождественной альтруистическим намерениям и, естественно, не сводимой к эгоистическим поискам. Корректировка индивидуального показателя идентификации осуществляется в рамках конкретного общения и обусловливается особенностями социального микроуровня. А статус регламентирует поведенческую стратегию субъектов с учетом единства разделения и интеграции в целом.

Параметр количества социометрических выборов, раскрывающих статистичность ориентаций в восприятии социально-психологического содержания поступков “ДРУГОГО”, не гарантирует полной фиксации общегруппового пространства, комплекса суждений в диадах “оценивающий-оцениваемый”. На функционирование именно этого комплекса субъект-субъектных констатаций в большинстве концептуальных схем групповой динамики вообще не обращается внимание, как замечает например А.Кроник. Для соотносимости позиций среди объектов идентификации чаще используются показатели шкал с градациями “выше” или “ниже”, хотя принципиально важным остается процесс осознания межличностного поля отношений, стимулирующий коллективную рефлекссию группы.

Более того, в статусе закрепляются и переменные знаний об обязанностях и правах партнеров по общению и воссоздается сложнейший конструкт отношений к “Я” и “не-Я”. Адекватность определения статуса связана со способностями субъекта к рефлексивному мышлению. Субъект оценивает и обобщает имеющуюся коммуникативную информацию, обосновывая собственную точку зрения на поведение и достижения “ДРУГОГО” и “ОНИ”.

Исследователь изучает социометрические выборы, но для респондента определение собственной позиции и позиций других оказывается более значимым действием. Фиксация иерархии межличностных связей в группе должна быть, по мнению А.Кроника (2), не столько источником научных изысканий исследователя, сколько объектом самопознания группы. Дополним: и источником самопознания ... самого исследователя (включенного, даже косвенно, в “чужую” систему отношений) и в личностном, и в профессиональном ракурсе идентификации.

Осуществление социометрической процедуры с литературным сюжетом в качестве стимульного помогло нам сопоставить количественные показатели идентификации отношений в малой группе со стереотипами, используемыми современной молодежью, следуя субкультурным ориентациям. На первом этапе проведения работы с аудиторией юношам и девушкам предлагалось прослушать сказку с действующими, согласно традиционным этическим канонам, персонажами. Интерпретация событий, связанных с психологическими моделями поступков, начиналась после вступления-инструкции исследователя, где особо подчеркивалась психологическая амбивалентность героев. Декодирование алгоритмов оценивания личностных стратегий каждой из сказочных поступковых моделей респондентами требовало актуализации собственных идентификации и рефлексии и осуществлялось с помощью корректировки доминирующих стереотипов инструктором. Проведение процедуры усложнялось тем, что при воздействии на аудиторию “новые” подходы и ракурсы интерпретации литературных образов следовали существующим схемам, в иных случаях — отклонялись от них. Хотя идентификация с необходимым толерантным содержанием все-таки произошла в рамках “провокационности” задания. Ведь юноши и девушки надеялись адекватно проанализировать целостный портрет другого человека: сначала при создании основополагающих характеристик выбранной “роли” (персонажа), а потом при реконструкции социально-психологических качеств одноклассника или однокурсника “сквозь” призму “роли”.

Итак, после прослушивания сказки учащиеся отвечали на вопросы социометрического опросника, что происходило в форме проективной игры, когда аудитория “представляла” процесс подготовки спектакля (или фильма) по ее сюжету. Школьники и студенты активно “распределяли” роли и ролевые функции для других представителей группы (и для себя — в отдельном вопросе) согласно традиционным критериям социометрии: референтности (на “съемочной площадке” при выборе “съемочной или постановочной группы”); авторитетности (“режиссера”, “рецензента”)

с косвенным уточнением формальности и неформальности данного проявления; эмпатийности (“группа поддержки”, “группа, искренне разделяющая успех спектакля или фильма”, “благодарные зрители”) и критичности (“недоброжелательные критики”).

Каждый респондент отдавал свои “голоса” одноклассникам или однокурсникам и получал некоторое количество выборов со стороны окружения. Операциональный показатель индивидуального статуса при расчетах дополнялся анализом материала, который раскрывал идентификацию с групповым лидером или отверженным, специфику отождествления юношами и девушками своих межличностных контактов с общей картиной отношений в коллективе.

На втором этапе работы с методикой респондентам предлагалось обсудить и интерпретировать результаты исследования, проиллюстрированные социограммой и социометрической матрицей. Согласимся с А.Кроником (2): для того чтобы дифференцировать исходные индивидуальные и групповые направления анализа отношений, логично было бы оперировать терминами “самооценка” и “взаимооценка”. Однако в апробированной методике фактически можно говорить о “самооценке взаимеоценок” вообще, ведь социометрия позволяет достаточно быстро и наглядно актуализировать рефлексию, без которой глубинная плоскость идентификации невозможна.

Эмпирический материал после проведения социометрии интерпретировался с помощью различных уровней обобщения. В рамках психологического воссоздания данных приводились отдельные беседы с респондентами, реконструировался индивидуальный портрет личностных черт юношей и девушек, принимавших участие в процедуре. Собственно анализ групповых взаимодействий фиксировал социально-психологический контекст с меньшей, чем на психологическом уровне, конкретикой информации. Социологический аспект измерения обобщал специфику ценностных образцов, предпочитаемых современной учащейся молодежью, но без обращения к индивидуальному фокусу исследования. Поиск философического в системной трактовке полученной эмпирии определялся символикой сказки и воспроизведением типологии “Я” и “не-Я”, которые не только кодируются абстракцией единой экзистенциальной сущности, но и “вбирают” информацию с предыдущих (общепсихологического, социально-психологического и социологического) уровней анализа.

Оперирование термином “толерантность” способствовало идентификации диалектических переходов от ситуации “добра” к ситуации “зла”, что так часто встречается в жизни. Ставя перед собой задачу высвободить фантазию респондентов, раскрыть апперцептивный, накопленный ранее опыт использования стереотипов оценивания, мы опустили описание портретных деталей в персонажных моделях сказки-стимула. Нахождение алгоритма для декодирования поведенческой стратегии героев основывалось на следующей схеме: начало сюжета с расширением активности действующих лиц; развитие событий как

разрешение противоречий в отношениях; реконструкция иерархии мотивов к дальнейшим поступкам персонажей; нивелирование конфликта. Сказочные герои специально отбирались так, чтобы для оценивающих они казались и негативными, и положительными одновременно.

Важно было зафиксировать именно этот парадокс. В реальной человеческой жизни достаточно сложно идентифицировать четкие абсолютные крайности в личном поведении. Необходимо помнить, что ситуация частично детерминирует направление в поступковых проявлениях, но нетолерантный подход при оценивании обуславливает циркуляцию неоткорректированных стереотипов. Адекватная расшифровка сцены поведения выдуманных персонажей-образцов, например из сказки, и людей из социального окружения гарантировалась наличием амбивалентности в трактовке. Задача оценивания казалась тривиальной: воспроизвести двойственность поведенческих стратегий героев. К сожалению, большинство респондентов, следуя достаточно устойчивым упрощенным стереотипам, видели в характерных проявлениях персонажей или только “плохое”, или только “хорошее”. Только 3% ответивших попытались отметить необходимую диалектичность в этике героев. При этом опрошенные должны были еще и сопоставить ролевую схему (“сквозь” образы и творческие функции “режиссера”, “актера”, “рецензента”, “критика”) и непродуманные отношения: искусственные модели и обобщенные стратегии повседневных линий поведения конкретных одноклассников или однокурников.

Выяснилось, что конструкция целостной картины усложненной идентификации с актуальной двойственной проекцией позволила достаточно точно описать своеобразие межличностных контактов представителей малых групп учащейся молодежи. Безусловным в данной связи представляется высказывание Е. Старовойтенко по поводу объективности... субъективных форм рефлексивных методов (1). Присоединяемся к нему, ведь самопознание на фоне идентификации – акт объективации личности и способ ее самовыражения и самозащиты. Следует подчеркнуть еще и факт стимуляции методикой аналитических механизмов рефлексии.

Зафиксировать последствия формирующего влияния процедуры, когда исследователю импонирует обнаружить у респондентов элементы этических сдвигов “здесь и теперь”, весьма сложно даже в рамках двухэтапного измерения. Однако именно измерения кажутся неэффективными при интерпретации неоднозначных социально-психологических и индивидуальных явлений. Такие процедуры оказываются “неблагодарными” в плане вероятностной констатации достижений, но необходимыми. К тому же система стереотипов у юношей и девушек выглядит, как правило, ригидной, с ориентацией при оценивании, особенно среди школьников, на демонстративность внешнего плана объекта анализа. Суждения, пролонгирующие тезис “так должно быть, ведь...”, в аргументации молодежи преобладают по сравнению с “... но так есть”. Идеализация (от “идеал”, а не “идея”) доминирует в

представлениях юношей и девушек.

Безусловно, изучение молодежной субкультуры требует утонченных методов, а не только обращения исключительно к математическому аппарату. Однако и элементарный расчет с использованием простейших коэффициентов ранговой корреляции Спирмена обеспечивает трактовку взаимосвязей между социометрическими показателями. Закономерности идентификации отслеживаются достаточно четко, если в результате обработки данных осуществляется анализ групповой дифференциации на контактные диады, позиции лидеров, отверженных или изолированных.

Эталоном внутригрупповых предпочтений безусловно являются лидеры. Их мы фиксируем с помощью относительно высоких и “ровных” по критериям социометрии оценок. Примером нетолерантного отношения, то есть антиподами лидеров оказались отверженные или изолированные лица, вытесненные из системы динамических взаимодействий. Согласно Р.Кричевскому и Е.Дубовской (3), именно лидеры есть первичными образцами групповой идентификации. Интересно, что в принципе речь идет прежде всего о контексте общегрупповых проявлений. Индивидуальные выборы, согласно нашим материалам, могут быть иными, например, когда лидер лично не претендует на роль образца для одноклассников или однокурсников. Социально-психологический парадокс или заниженная самооценка?!

Зависимость между индивидуальной и групповой схемами социометрических регламентаций кажется очевидной. Действительно, воззрения группы детерминируют выборы отдельных ее представителей; и каждый из ответивших ориентировался на общегрупповые ценности. Однако даже поверхностный анализ обнаружил неоднородности в существовании внутригрупповых связей. Линейную зависимость не найти в социометрическом материале. Коэффициент корреляции Спирмена, рассчитанный по уточненной для объединенных рангов формуле, проиллюстрировал наличие четкой зависимости между индивидуальными и групповыми оценками. Правда в учебных группах школьников ориентация на мнение класса при идентификации выражена (0,186), чем в профессионально-учебных коллективах студентов (0,113). Та же закономерность наблюдалась, когда интерпретировались нетрадиционные (ролевые по сказочным персонажам) показатели идентификации: -0,020 на уровне выборы; 0,060 – у школьников и -0,045 – у студентов.

Расхождения между измерениями индивидуального самооценивания и группового взаимооценивания констатирует и А.Кроник, ссылаясь на открытый Я.Коломинским эффект “эгоцентрической нивелировки статуса”, когда личность способна приписывать остальным представителям организации статус, тождественный своему собственному или более низкий (2). Подобный эффект вызван, вероятно, определенной степенью изоляции субъектов в межгрупповом взаимодействии. Получается, что самоизоляция бывает демонстративно центробежной, с сознательным ограничением сферы общения, а изоляция с санкции группы –

центростремительной (именно так ведут себя те юноши и девушки, которых окружение по тем или иным причинам не воспринимает). Между тем такие отверженные очень часто проявляют одностороннюю заинтересованность в отношениях. Приведенное наблюдение согласуется с феноменом, отмеченным Я. Коломинским и зафиксированным А. Кроником. Речь идет о парадоксе завышенной самооценки и низкостатусных субъектов и заниженной — у высокостатусных. Тем самым в изучении идентификационных практик в малых группах целесообразно задавать не только “позитивный” полюс лидерства, но и противоположный — “отверженных”. На фоне разворачивающейся групповой переструктуриации эти крайности образуют конкретный континуум респондентских представлений.

Если сказочный персонаж свидетельствовал о возможности отождествления и выполнял функции проективного, придуманного, но значимого образца идентификации, то в рамках действительных коммуникативных связей такая модель — первый и наиболее общий вариант мотивационных реконструкций, раскрывающих специфику отношений к реальным партнерам. Конечно, индикатором заинтересованности аудитории в работе с методикой, а соответственно и косвенным доказательством стимулирования рефлексии служит явно выраженная корреляция между коэффициентами референтности и активности “ролевых” (“сквозь” образы сюжета) социометрических выборов. На уровне ответов всех задействованных в исследовании учащихся такой показатель составил 0,545, как и у студенческой молодежи. Среди школьников, на удивление, он несколько меньше — 0,502. Хотя расчет сходных связей между индексами выборов по критериям авторитетности, эмпатийности и “критичной” негативности в отношениях доказал: корректный психологический анализ степени соответствия реальным индивидам выбранным ими условным моделям всегда подчеркнет имеющуюся тут дистанцию.

Картина идентификации молодежи с выдуманным героем будет неполной, если не учитывать тот факт, что юноши и девушки довольно часто в качестве референтных предпочитают не только положительных персонажей. Вероятно, молодежи близки в поведении героев некоторые образчики демонстративности и независимости, иногда кажущихся и преувеличенных. То, что антигерой привлекает юношей и девушек парадоксальностью своего поведения можно объяснить следующим: так молодежь, мысленно нивелируя общепринятую норму, зондирует возможные последствия содеянного. Впрочем, это может быть и своеобразным капризом, проявлением молодежной толерантности.

И все же, опрошенные столкнулись с трудностями на пути к проективно удвоенной идентификации и самоидентификации. Конечно, учащимся предлагалось определить и сопоставить “Я” и референтный образец героя сказки. Лучше аудитория справлялась с заданиями, реализующими традиционные социометрические установки. Характеристика внутригруппового общения, впрочем, также

вуалировалась творческой игрой на основе отождествлений с ролевыми функциями задействованных в “постановке” спектакля по сюжету сказки.

По результатам социометрии выяснилось: согласие по поводу условного выполнения совместных действий основывается на развитии коллективной поддержки со стороны группы, способности индивидов радоваться “чужому” успеху. Ранговая корреляция между показателями выборов по критериям референтности и эмпатийности – 0,446. У школьников эта зависимость более выражена (0,543), чем у студенчества (0,331). Если вместо измерений показателя эмпатии ввести переменные авторитетности, ее связь с референтностью оказывается столь же тесной.

Школьники менее скованны в оценке одноклассников. И это легко объяснимо: с возрастом утверждения становятся более осторожными, более ответственно относятся и к высказыванию собственной точки зрения. И, наконец, в учебно-профессиональных группах респонденты чаще использовали в анкетах отписки и “уходы” от ответа (“не знаю”, “все”, “никто” и т.д.). Особенно ярко это было видно на примере задания, требующего выделить “критически” настроенных “зрителей”. Задание обнаруживало, разумеется, некоторый континуум мотиваций, начиная от ситуативного непонимания партнера и до постоянной враждебности. Однако и у школьников, и у студентов корреляция между “критичностью” и показателями выборов по референтности, авторитетности, эмпатии была незначительной или вовсе отрицательной.

Интересны также нюансы идентификационного соотношения в статусе оцениваемого индексов параметра официальной (формальной) авторитетности и эмпатийности. На первый взгляд казалось, что связь их должна быть выраженной. В действительности же она достаточно низкая и у школьников (0,369), и в учебно-профессиональных группах (0,292), и среди респондентов в целом (0,308). К тому же, юноши и девушки, получившие со стороны группы “аванс” надежды в виде эмпатии, не фиксировались в качестве лидеров. Все обстояло так, будто число выборов постепенно уменьшается по мере углубления “интимных” аспектов общения – в оценках от наиболее обобщенной референтности и до констатации умения личности поддержать другого в трудную минуту.

В целом же, использование нетрадиционных вариантов социометрической процедуры способствует, как было доказано, объективному воссозданию своеобразия контактов “Я” – “ДРУГОЙ” – “ОНИ” с субъективным содержанием. Усиление контекста игры и введение в методику текста сказки стимулируют эффект общегрупповой и индивидуальной рефлексии – составляющих процесса идентификации.

§3. Престиж профессий в современной Украине

Операция вынесения престижных оценок представляет собой самую настоящую идентификационную практику — практику размещения конкретных профессий и занятий в пространстве распределения уважения и признания. Поскольку же индивиды судят и о профессиях, которые совпадают или близки их собственной, то это одновременно является практикой самоидентификации. Оценки, выставленные “другими”, могут расходиться с самооценками, указывая на несовпадение ожиданий и вознаграждений в виде авторитета и чести, а значит, на некие трансформации и превращения идентичности.

Эмпирической основой наших констатаций является опрос занятого населения страны (выборочная совокупность составила 1200 человек), проведенный в 1994 г. фирмой “Социс -Гэллап” и Институтом социологии НАН Украины. Опрошенные представляли все основные социально-демографические и социально-профессиональные слои населения. Список профессий и занятий, предложенных для оценивания их престижа, состоял из 31 наименования. Сюда вошли различные по уровню квалификации и требуемого образования профессии как умственного, так и физического труда, а также занятия в сфере обслуживания. Индексы престижа профессий рассчитывались как взвешенные средние арифметические значений 1; 0.5; 0; -0.5; -1, приписываемых ответам респондентов о степени престижности каждой профессии: 1 — очень высокий престиж; 0.5 — высокий; 0 — средний; -0.5 — низкий; -1 — очень низкий. Утверждения о существенной разнице в оценках престижа опирались на статистически значимые различия полученных индексов на уровне 1% или 5%.

Локализация взрослым населением Украины профессий в пространстве распределения социального уважения по мере его убывания отражена в табл. 1. Возглавляют ранжированный список с очень высокими индексами престижа руководитель банка (0.727) и министр (0.721), представляющие наивысшие уровни сферы государственного управления и управления финансово-денежными ресурсами. Несмотря на глубокий кризис промышленного производства в стране, выполнение роли директора завода остается очень престижным (0.576). Практически столь же престижны и занятия в новой или совсем недавно легализованной сфере предпринимательской (0.506) и коммерческой (0.465) деятельности. Они оценены даже несколько выше, чем работа, связанная с выработкой и принятием политических решений и законодательных актов (депутат, 0.455) или в области соблюдения законов и правоповедения (адвокат, 0.440).

Таблица 1

Престиж профессий среди населения Украины

Ранг	Профессия	Индекс
1	Руководитель банка	0.727
2	Министр	0.721
3	Директор завода	0.576
4	Предприниматель	0.506
5	Коммерсант	0.465
6	Депутат	0.455
7	Адвокат	0.440
8	Врач	0.333
9	Бухгалтер	0.288
10	Ученый	0.245
11	Продавец	0.242
12	Журналист	0.240
13	Преподаватель вуза	0.160
14	Фермер	0.146
15	Телемеханик	0.111
16	Агроном	0.091
17	Актер	0.073
18	Официант	0.063
19	Парикмахер	-0.008
20	Строитель	-0.013
21	Художник	-0.019
22	Водитель	-0.026
23	Учитель	-0.030
24	Военнослужащий	-0.039
25	Швея	-0.044
26	Ветеринар	-0.046
27	Медсестра	-0.060
28	Часовой мастер	-0.066
29	Инженер	-0.147
30	Слесарь	-0.164
31	Механизатор	-0.170

Довольно близкими по значению полученных оценок престижа являются две следующие в ранговом ряду профессии — врач (0.333) и бухгалтер (0.288). Если высокий престиж первой является традиционным и постоянно воспроизводимым в обществе, то профессия бухгалтера на протяжении последних десятилетий никогда не входила ни в число высокопрестижных, ни особо привлекательных. Практически одинаково был оценен престиж занятий наукой (ученый, 0.245), анализом событий прошлого и настоящего в средствах массовой информации (журналист, 0.240), а также продажей чего-либо (продавец, 0.242). Хотя эти занятия в общем-то не одинаковы по содержанию и условиям труда,

уровню требуемого для их выполнения образования, ответственности и материальной обеспеченности. Соседство в ранжированном ряду преподавателя вуза (0.160), фермера (0.146) и телемеханика (0.111) открыто для самых разных толкований, равно как и является основанием для проведения дополнительных исследований. И все же нельзя не отметить, что респонденты, видимо, не считают, что в нашем обществе образование есть универсальный критерий наделяния занятий высоким престижем. Замыкают перечень профессии, индекс которых близок к нулевому значению, то есть профессии среднего престижа по принятой нами шкале: агроном (0.091), актер (0.073) и официант (0.063).

Оставшиеся тринадцать профессий общественное мнение, выразителем которого является взрослое население Украины, относит к таким, престиж которых колеблется преимущественно от ниже среднего до очень низкого. Здесь и профессии умственного труда, требующие преимущественно высшего образования: художник (-0.019), учитель (-0.030), военный (-0.039), ветеринар (-0.046), инженер (-0.147), а также занятия физическим трудом или в сфере обслуживания: парикмахер (-0.008), строитель (-0.013), водитель (-0.026), швея (-0.044), медсестра (-0.060), часовой мастер (-0.066), слесарь (-0.164), механизатор (-0.170).

Таким образом, нельзя сказать, что в общественном сознании взрослого населения страны существуют четкие и легко установимые критерии престижа профессий и занятий. В то же время очевидно, что традиционные критерии социальной значимости занятия, включающей ответственность, квалифицированность, образованность, становятся все более размытыми.

Идентификационные практики мужчин и женщин весьма похожи. Значимость различий во мнениях этих двух категорий опрошенных отмечена только по отношению к четырем профессиям: фермера, швеи, строителя и врача. Все указанные профессии женщины оценили статистически значимо выше, чем мужчины. Трехмерное распределение с учетом пола и типа поселения (Киев, другой город, сельская местность) позволило установить гораздо большую зависимость престижных оценок от места проживания респондентов. Значимость различий в оценках оказалась более существенной, чем просто между мужчинами и женщинами по всей выборочной совокупности. Киевляне (и женщины, и мужчины) наименее толерантны и не склонны к вынесению оценок престижа средних и выше средних. Престиж наибольшего количества профессий был определен ими как низкий или очень низкий. Именно в столице страны процесс депрестижизации зашел наиболее далеко по мнению большинства престиж оказывается весьма несовершенным инструментом определения и обретения социальной идентичности. Сельские жители, особенно женщины, наоборот, проявили максимальную терпимость и склонность к более возвышенному восприятию мира профессий. Однако все группы респондентов, выделенные по социально-территориальному признаку, объединяет то, что перечень наиболее и

наименее престижных профессий остается практически без изменений. Иными словами, ранговое распределение оценок престижа оказалось более устойчивым, чем абсолютное значение индексов.

Респонденты-мужчины, проживающие в городе и сельской местности, отличаются различным (статистически значимым на 1%-м уровне) видением престижности профессии учителя. В селе ей удалось пока что сохранить гораздо больший почет и уважение. Такого же мнения придерживаются и женщины, которых признак места жительства дифференцирует также и в отношении оценки занятия журналистикой. Киев, другой город или село — эти территориальные различия сопряжены с различным видением со стороны живущих в них женщин значимости и престижности таких профессий, как художник, официант, коммерсант.

Директор завода во всех ранжированных списках находится в числе лидеров, однако киевляне (и мужчины, и женщины) отвели ему только восьмое место, в отличие от жителей других городов и сельской местности, где престиж этой позиции традиционно высок. Престиж среднего медицинского персонала (медсестра) невысок. Тем не менее сельские жители (и мужчины, и женщины) выше оценивают роль данной профессии по сравнению с горожанами, а среди женщин Киева и проживающих в другом городе различия в оценках престижности профессии медсестры выявлены даже на 1%-м уровне. Сельские труженицы отличаются от горожанок и тем, что выше оценивают труд министра, а также непосредственно знакомого им по работе на земле агронома.

Профессия бухгалтера оказалась более престижной в селе и Киеве (особенно среди мужчин), чем в других городах Украины. Сельские жители отличаются большим уважением к профессии не только учителя, но и преподавателя вуза, в то время как горожане в своих оценках снизили престиж преподавательского труда до отрицательного. Это же касается и профессии ученого. Если в одномерном распределении ей отводилось место между бухгалтером и продавцом в конце первой десятки ранжированного списка, то жители Киева — самого крупного в Украине научного центра — расположили ее в середине второй десятки. А оценки же сельских жительниц позволили занятию наукой подняться до гораздо более высокого положения — между предпринимателем и коммерсантом. Различия по полу и месту проживания оказали свое дифференцирующее влияние также на оценку престижа таких профессий, как фермер, часовой мастер, актер, инженер, коммерсант, врач, адвокат, военнослужащий, механизатор.

Еще одним фактором, которому в социологии принято приписывать сильное дифференцирующее влияние, является образование респондентов (здесь используются материалы, любезно предоставленные авторам Е.В.Мышонковой). Анализ данных трехмерного распределения уровня престижности 31 профессии среди мужчин и женщин с разным уровнем образования показал, что в оценке престижа профессий пол в однородных

по показателю образования группах респондентов дифференцирующим признаком не является.

Вначале отметим, что во всех образовательных группах выявлено единодушное мнение о высоком уровне престижности уже известных из одномерного распределения оценок профессий и занятий: руководитель банка, министр, директор завода, предприниматель, депутат, адвокат. Средние оценки престижа респонденты с разным уровнем образования массово выставляют профессиям бухгалтера, журналиста, телемеханика, фермера, актера, официанта. Одинаково низко оцениваются профессии художника, водителя, строителя, парикмахера, часового мастера, швеи.

Таким образом, оценки престижа 18 профессий у людей с разным уровнем образования значимо не отличаются. Однако в идентификации респондентами из различных образовательных групп престижности ряда традиционных занятий высококвалифицированным умственным трудом (врач, ученый, преподаватель вуза, учитель, инженер, военнослужащий, медсестра, агроном, ветеринар) наблюдается интересная закономерность: чем выше образование респондентов, тем ниже оценка престижа перечисленных в табл. 2 профессий. Закономерность обнаруживается при анализе и индексов, и рангов.

Таблица 2

Престиж профессий в зависимости от образования респондентов

Профессия	Мужчины			Женщины		
	Образование					
	Начальное	Среднее	Высшее	Начальное	Среднее	Высшее
Врач	0.40	0.32	0.15	0.47	0.36	0.21
Ученый	0.36	0.23	0.11	0.40	0.28	0.06
Преподаватель вуза	0.29	0.19	-0.04	0.32	0.19	-0.08
Учитель	0.18	0.03	-0.27	0.17	-0.02	-0.25
Военный	0.14	-0.07	-0.20	0.16	-0.03	-0.20
Медсестра	0.06	-0.08	-0.22	0.11	-0.05	-0.20
Инженер	-0.01	-0.13	-0.35	0.006	-0.12	-0.37
Агроном	0.13	0.10	-0.07	0.20	0.12	-0.03
Ветеринар	0.04	-0.05	-0.18	0.02	-0.03	-0.12

Если эту закономерность представить графически на основе данных трех ранжированных рядов, то она будет иметь вид нисходящей (от начального образования к высшему) лестницы с относительным шагом, стремящимся к соотношению 3:2:1. Речь идет не просто о тенденции, а именно о закономерности, поскольку эти различия индексов престижа значимы на уровне 1% во всех случаях, кроме профессий агронома и ветеринара, где различия оценок респондентов с начальным и средним образованием или незначимы, или значимы на 5%-м уровне, но в 126

значениях индексов указанная тенденция сохраняется.

Таким образом, люди с высшим образованием значительно ниже оценивают престиж занятий интеллектуальным трудом, чем люди со средним и начальным образованием. Такой статус данных профессий среди этой категории респондентов объясним, пожалуй, реально ощущаемым ими предельно низким материальным статусом высокопрофессионального интеллектуального труда. Респонденты с более низким уровнем образования продолжают придерживаться традиционных взглядов и оценок. Поэтому они более высоко оценивают престиж умственного труда, образованности, которые продолжают считать устойчивой гуманитарной и социальной ценностью. Однако наблюдается и противоположная тенденция: инновационные профессии (предприниматель, коммерсант, руководитель банка) выше оцениваются более образованными респондентами.

Следует также отметить, что оценки менее образованных людей стремятся к усреднению, сглаженности полюсов (индексы от 0.77 до -0.17), в то время как у респондентов с высшим образованием разброс мнений более выражен и полярен (индексы от 0.81 до -0.37). Отрицательные значения индексы в группах с начальным образованием приобретают с 26-го ранга, со средним – с 22-го, с высшим – с 16-го. Таким образом, уровень образования респондентов является важным фактором дифференциации оценок престижа целого ряда профессий и занятий, а значит, и дифференциации идентификационных практик.

Можно предположить, что не менее сильное дифференцирующее влияние следует ожидать и со стороны статуса занятости респондентов. Обратимся к анализу особенностей идентификации престижа профессий респондентами-мужчинами: студентами, рабочими, предпринимателями, руководителями, специалистами, служащими, пенсионерами.

Наиболее спорный, неустойчивый престиж среди мужчин с разным статусом занятости имеют следующие профессии:

учитель – индексы от 0.09 (у рабочих и пенсионеров) до -0.36 (у специалистов и руководителей);

продавец – индексы от 0.41 (специалисты) до 0.10 (пенсионеры, предприниматели);

медсестра – индексы от 0.02 (рабочие, пенсионеры) до -0.33 (руководители, специалисты, служащие);

преподаватель вуза – индексы от 0.25 (рабочие, пенсионеры, студенты) до -0.10 (предприниматели, специалисты);

ученый – индексы от 0.29 (пенсионеры, рабочие, студенты) до -0.01 (специалисты, предприниматели);

художник – индексы от 0.12 (служащие) до -0.22 (руководители, предприниматели, студенты);

фермер – индексы от 0.23 (служащие, предприниматели, студенты) до -0.18 (руководители, специалисты);

актер – индексы от 0.18 (служащие) до -0.06 (предприниматели, специалисты);

военнослужащий — индексы от 0.08 (пенсионеры, рабочие) до -0.31 (предприниматели, специалисты, студенты);

официант — индексы от 0.28 (предприниматели, специалисты, служащие) до 0 (студенты, пенсионеры, рабочие).

Итак, в списке из 31 профессии престиж десяти является спорным, подвижным, вызывающим разногласия. Чаще всего мнения предпринимателей и специалистов отличаются от рабочих и пенсионеров. У представителей двух последних групп идентификация престижа профессий существенно не отличается. Им свойственно более уважительное отношение к традиционным профессиям умственного труда, чем представителям других видов занятости. Ранжированные ряды оценок, отражающие мнения пенсионеров и рабочих, вообще не имеют значимых различий. В определении престижа профессий они более толерантны, чем руководители, специалисты, служащие и предприниматели. Разброс выносимых ими оценок престижности имеет меньший размах — от 0.64 до -0.12, в то время как у остальных — от 0.86 до -0.36. Отрицательные значения индексов начинаются с 22-го ранга, у других — с 16-18-го.

Руководители и специалисты также очень близки в оценках престижа почти всех профессий. Однако есть и исключения. Так, руководители оценили престиж профессии директора завода наиболее низко (0.23) по сравнению с представителями других родов занятий (0.42 — 0.75). И, напротив, предпринимателям присуща высокая престижная самоидентификация (второй ранг с индексом 0.58). Это отличает их от самокритичных по отношению к престижу собственных занятий руководителей, специалистов, служащих и рабочих, которые в целом склонны занижать оценку своих и близких к ним видов профессиональной деятельности. Предприниматели как особая группа, которая совсем недавно появилась в социальной структуре общества, притязают на достойное место в пространстве распределения уважения и признания. Они довольно быстро обретают его, опираясь главным образом на стабильное материальное благополучие, коим отмечено их положение в пространстве экономическом. Притязания на высокий престиж сопровождаются, что вполне естественно, высокой самооценкой.

Противоположная тенденция, как уже отмечалось, характерна для представителей многих традиционных видов профессионального труда, в том числе высококвалифицированного умственного. В окружающей их социальной действительности они не обнаруживают ресурсов для уверенной самоидентификации, а осязаемое понижение уровня жизни служит им неопровержимым свидетельством неуверенных идентификационных практик со стороны государства и общества. Престиж в качестве интегральной оценки значимости занятия не является для отдельных социально-профессиональных групп ни ресурсом, ни символом идентичности. Быть может, наиболее показательным примером тому оказывается самооценка военной профессии военнослужащими Украины. Если в общенациональном опросе военнослужащему приписан

24 ранг, то по результатам самоидентификации престиж профессии военного оценен как самый низкий в списке из 31 профессии. К тому же, чем старше по возрасту и званию военные, тем более низкими были оценки (4). Нескрываемый радикализм оценок может в равной степени интерпретироваться как следствие присущей военным прямоты, так и знак весьма поколебленной в самых основаниях групповой и профессиональной идентичности.

Еще одним не менее интересным аспектом исследования престижной идентификации являются региональные отличия оценок престижа профессий. Речь идет не о поселенческом, а скорее о социально-географическом отличии населения нашей страны. Украина была условно разделена на три региона: западный, куда вошли Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Черновицкая области; центральный – г. Киев, Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Хмельницкая, Черкасская области и восточный (точнее, северо-юго-восточный) – Республика Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Сумская, Харьковская, Херсонская, Черниговская области. Оказалось, что оценки престижа профессий, выносимые респондентами, проживающими в каждом из этих трех регионов, имеют целый ряд особенностей и статистически значимых различий.

Результаты расчетов значений индексов престижа профессий и их ранги в зависимости от региона представлены в табл. 3. Прежде всего следует отметить, что респонденты, проживающие в западном регионе, отличаются от жителей восточного и центрального более сдержанной оценкой как самых высокопрестижных, так и наиболее низко оцениваемых профессий. Размах индексов престижа колеблется в западных областях от 0.688 (министр) до -0.096 (механизатор), тогда как на востоке страны – от 0.720 (министр) до -0.192 (слесарь), а в центральных областях – от 0.774 (руководитель банка) до -0.244 (механизатор).

На западе из 31-й профессии оценка первых 25-и остается положительной и лишь с 26-й индекс приобретает отрицательное значение. В восточном регионе это происходит начиная с 20-го ранга, а в центральном – с 19-го. Поэтому в оценках профессий, занимающих одинаковые или близкие ранги, могут существовать значимые различия между регионами. Как будто что-то удерживает жителей западных областей от более низкой оценки даже самого малопрестижного труда, не говоря уже о труде умственном и квалифицированном. Далее следует

Таблица 3

Оценки престижа профессий в различных регионах Украины

№	Профессии	Запад		Восток		Центр	
		Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
1	Учитель	0.074**	19	-0.051*	24	-0.040*	21
2	Телемеханик	0.087**	17	0.157**	13	0.017**	18
3	Журналист	0.271*	12	0.253*	11	0.172**	10
4	Продавец	0.224	13	0.277*	10	0.172*	11
5	Директор завода	0.545	3	0.601	3	0.547	3
6	Медсестра	0.064**	20	-0.054*	25	-0.213*	29
7	Министр	0.688*	1	0.720	1	0.759*	2
8	Бухгалтер	0.285	11	0.298	8	0.260	9
9	Агроном	0.079**	18	0.134**	16	-0.083**	22
10	Строитель	0.047**	21	-0.030*	20	-0.034*	20
11	Преподаватель вуза	0.308**	10	0.139**	15	0.065**	15
12	Парикмахер	0.025*	26	0.080**	18	-0.010*	19
13	Предприниматель	0.504	4	0.512	4	0.494	5
14	Ученый	0.311*	9	0.249*	12	0.169**	12
15	Водитель	-0.075	30	-0.078	28	-0.094	24
16	Художник	0.021	24	-0.038*	21	0.089*	14
17	Депутат	0.454	8	0.430*	6	0.519*	4
18	Фермер	0.175	14	0.147	14	0.114	13
19	Часовой мастер	-0.072	29	-0.055	26	-0.085	23
20	Актер	0.036	22	0.092	17	0.062	16
21	Инженер	-0.048**	28	-0.191*	30	-0.139*	28
22	Швея	0.023**	23	-0.047*	22	-0.106*	26
23	Коммерсант	0.465	6	0.469	5	0.467	6
24	Военнослужащий	0.102**	15	-0.072*	27	-0.106*	27
25	Механизатор	-0.096**	31	-0.173*	29	-0.244*	31
26	Руководитель банка	0.667*	2	0.720	2	0.774*	1
27	Врач	0.467**	5	0.282*	9	0.318*	8
28	Слесарь	-0.041**	27	-0.192*	31	-0.219*	30
29	Адвокат	0.454	7	0.426	7	0.461	7
30	Официант	0.095	16	0.063	19	0.030	17
31	Ветеринар	0.014**	25	-0.049*	23	-0.102*	25

отметить единодушие, с которым респонденты всех регионов идентифицировали наиболее престижные профессии из предложенного списка. Таковыми, по их мнению, являются профессии министра, руководителя банка, директора завода, предпринимателя, коммерсанта, депутата и адвоката. Эта высокопрестижная семерка лишь на западе страны была нарушена благодаря уверенности респондентов данного региона в высоком престиже профессии врача, которая занимает здесь

пятый ранг и опережает ниже оцениваемые профессии коммерсанта, адвоката и депутата.

Из 31-й профессии, предложенной для оценивания ее престижа, различия в оценке, значимые на 1%-м или 5%-м уровнях, зафиксированы относительно 21-й профессии (в табл. 3 они обозначены звездочками). Оценки престижа лишь десяти профессий существенно не отличаются. Это прежде всего уже упоминавшиеся высокопрестижные профессии директора завода, предпринимателя, коммерсанта, адвоката, бухгалтера, а также близкие к нулевой, т.е. к средней оценке престижа, профессии фермера, официанта, актера и низкопрестижные профессии часового мастера и водителя.

Простая констатация отличий в оценках престижа еще мало о чем говорит. Важно, как именно проявляют себя эти отличия, каковы тенденции оценок, сложившиеся в различных регионах. В этой связи необходимо отметить, что наиболее существенные отличия наблюдаются в западном регионе. Жители западных областей гораздо выше по сравнению с остальными оценивают престиж традиционных профессий умственного труда, представители которых составляют значительную, если не подавляющую часть интеллигенции. Это профессии учителя, врача, ветеринара, медсестры. Значимо меньшим престижем пользуются указанные профессии в восточном и центральном регионах страны, а некоторые из них (учитель, медсестра, инженер, военнослужащий, ветеринар) отличаются здесь очень низким престижем, что нашло свое отражение в отрицательных оценках данных профессий. Значимость различий оценок престижа между респондентами западных и остальных регионов существует также и по ряду профессий физического труда. Здесь выше оценивается престиж профессий строителя, швеи, слесаря и механизатора, хотя профессии эти во всех регионах находятся в нижней части ранговых рядов.

Продвигаясь к востоку страны, остановимся на тенденциях оценок престижа профессий в центральных областях, которые отличают данный регион от остальных. Отличий таких немного, и они не вызывают удивления, если учесть, что центральный регион включает в себя действительно реальный центр, из которого исходят и распространяются по всей стране здесь же принимаемые решения в сфере законодательной, исполнительной, финансовой и проч. Поэтому не удивительно, что респонденты центральных областей статистически значимо выше оценили престиж профессий депутата, министра, руководителя банка. Как инородное тело на этом фоне выглядит профессия художника. Но похоже, что центр остается не только источником власти, но и местом, где ценится творчество, в данном случае художественное. Творчество же в науке и журналистике, наоборот, явно недооценивается, что находит свое отражение в более низких оценках соответствующих профессий респондентами центральных областей.

Восточный регион значимо отличается от остальных лишь тем, что здесь выше оценивается престиж занятий, относящихся к сфере

обслуживания. Профессии продавца, телемеханика, парикмахера оказались более престижными. Аналогичная тенденция наблюдается и по отношению к профессии агронома.

Если посмотреть в целом на список профессий, ранжированных по убыванию индекса престижа, то можно сказать, что оценки респондентов восточного региона, за исключением нескольких профессий, гораздо ближе к соответствующим оценкам престижа, зафиксированным среди респондентов центральных областей, чем среди жителей западной части страны.

Итак, в оценках и самооценках престижа мы различаем по крайней мере три типа идентификационных практик: практику общественного мнения, практику “внешних инстанций восприятия” в виде государства или общества и, наконец, практику самоидентификации, которая является более или менее адекватной реакцией на идентификационную практику государства и общества. Причем несовпадение двух последних практик свидетельствует скорее всего о далеко зашедшем процессе утраты чувства принадлежности к статусу или группе, об утрате уверенности в устойчивом пребывании в конкретном месте пространства распределения чести и славы, признания и авторитета. Другими словами – о проблематизации идентичности в возмущенном социуме.

Наиболее престижными взрослое население Украины считает ныне занятия, связанные с выполнением важнейших функций в управлении государством, экономикой, хозяйственными организациями, с организацией производства, с правовым обеспечением социальных и экономических реформ. К наименее престижным отнесены занятия и профессии физического труда в промышленности и сельском хозяйстве. Первые позиции строго лимитированы и доступ к ним ограничен, занятие же менее престижных мест в экономическом пространстве гораздо более вероятно. Отсюда следует, что для некоторой части вступающей в самостоятельную жизнь молодежи выбор занятий физического труда окажется вынужденным, навязанным, несамостоятельным и, как правило, не будет сопровождаться быстрым обретением устойчивых идентичностей.

Кроме того, в каждом из названных типов идентификационных практик мы наблюдаем определенную дифференциацию. Среди факторов, дифференцирующих оценки престижа профессий и занятий, наиболее существенным оказывается уровень образования. Ни пол, ни возраст опрашиваемых не оказывает столь заметного влияния на уровень и разброс оценок престижа. Чем выше уровень образования, тем более радикальными являются респонденты в своих оценках, выставляя максимальные оценки занятиям высокопрестижным и крайне низкие – непрестижным. И наоборот, чем ниже уровень образования, тем толерантнее оценки, тем реже опрашиваемые прибегают к крайним оценкам. Отсюда непосредственно вытекает, что наиболее восприимчивой к идентификационной практике государства и общества является идентификационная практика индивидов с высшим образованием.

Чем выше уровень образования, далее, чем выше занимаемый статус, тем более низкие оценки выставляют респонденты своим профессиям и занятиям. Так, руководители предприятий и организаций заметно ниже оценили престиж директора завода, чем другие социально-профессиональные категории; ученые, преподаватели вузов, военнослужащие в отличие от иных групп занятого населения оценивают свой престиж как крайне низкий. Ощущаемое и фиксируемое расхождение между высоким образовательным уровнем, значительной ответственностью, с одной стороны, и негативной самооценкой престижа, в основе которой представление о столь же низкой оценке, вынесенной значимыми “инстанциями восприятия” в виде исполнительных структур государственной и хозяйственной власти, с другой, имеет многообразные и далеко не всегда ясные личностные и социальные последствия.

Среди негативных личностных — внутренний дискомфорт, связанный с отсутствием ожидаемой и должной оценки занятия и выполняемых функций со стороны других, быть может, общества и государства в первую очередь. В такой ситуации вполне вероятна утрата значительной части мотивов к труду и исполняемым обязанностям, снижение трудовой активности, не исключено и имитирование служебных и трудовых функций, рост числа злоупотреблений или крайне неэффективного расходования рабочего времени, имитация служебной деятельности. Вместе с тем крайне низкая самооценка престижа (высокая степень проблематизации идентичности) для некоторых индивидов может стать побудительным стимулом для изменения специальности, обретения новой профессии, поиска новой, непроблематичной идентичности.

§4. Динамика и неоднородность идентификации уважения и признания молодежью

Идентификационные практики молодежи по размещению профессий и занятий в пространстве распределения престижа важны для нас как предпосылки и обоснование неких реальных действий, направленных на выбор профессии и включение в социальную структуру. В распоряжении авторов имеются данные трех сопоставимых исследований, проводившихся с интервалом в пять лет. Они и позволяют выявить изменения в идентификационных практиках молодежи при переходе от сравнительно устойчивого социального состояния к возмущенному. Последний опрос состоялся в 1995 году среди выпускников общеобразовательных школ Киева и школьников, проживающих в сельской местности (общее количество опрошенных — 1300). Поскольку известно, что профессии отличаются не только содержанием труда, уровнем оплаты, условиями труда, но и престижем, то выпускникам школ предлагалось оценить, каким именно престижем, т.е. авторитетом, уважением, пользуются некоторые профессии и занятия среди молодежи, друзей и товарищей респондента. Предложенный для оценивания список включал 43 профессии и был аналогичен для всех трех опросов (5; 6). Он в

достаточной мере репрезентирует сферу материального производства, обслуживания, транспорта, науку, просвещение, а также включает профессии, предполагающие наличие среднего, среднего специального или же высшего образования.

Методика вычисления индексов престижа профессий традиционна: они рассчитывались как взвешенные средние арифметические значений 1; 0.5; 0; -0.5; -1, приписываемых ответам респондентов о степени престижности каждой профессии: 1 – очень высокий престиж; 0.5 – высокий; 0 – средний; -0.5 – низкий; -1 – очень низкий. Индексы могли колебаться в пределах от 1 (максимально высокий) до -1 (максимально низкий). Утверждения о различиях в оценках престижа опирались на статистически значимые различия полученных индексов на уровне 1% или 5%.

Индексы престижа 43 профессий представлены в табл. 4. Они проранжированы от максимально высокого к минимально низкому по результатам опроса 1995 года среди выпускников средних общеобразовательных школ Киева. Из 43 профессий только 15 оцениваются молодыми людьми выше среднего, то есть со знаком плюс. Сюда входят семь занятий в сфере науки, врач, три инженерные специальности, а также секретарь-машинистка, товаровед, делопроизводитель и бухгалтер. Причем две последние профессии занимают очень высокие ранги, опережая по уровню престижа не только инженерные специальности, но и некоторые профессии высококвалифицированного, прежде всего научного, труда.

Впервые за весь более чем 20-летний период изучения престижности профессий в оценках молодежи ранжированный список профессий возглавил ученый-экономист, престиж которого выпускники киевских школ оценили в 0.517 балла, что почти на 0.1 балла опережает следующую за ним оценку престижа профессии врача (0.427). Неудивительно, что в стране, провозгласившей наперстывающий ритм исторического движения, связанный с утверждением рыночной экономики, очень популярными стали люди, призванные профессионально разобраться с происходящим и определить реально возможные способы обретения динамики развития. Эти люди – экономисты. Им дают слово, к ним прислушиваются, им доверяют, на них надеются. Это происходит не только в масштабах страны, но и в пределах конкретного предприятия, независимо от его величины и формы собственности. То, что эти обстоятельства не прошли мимо внимания выпускников школ, подтверждается соответствующим образом оцененным престижем профессии экономиста.

Индексы престижа профессий, г. Киев

№	Профессии	1995	1990	1985
1	Ученый-экономист	0.517	0.364	0.37
2	Врач	0.427	0.415	0.59
3	Ученый-психолог	0.423	0.309	0.42
4	Ученый-медик	0.414	0.457	0.65
5	Бухгалтер	0.412	-0.033	-0.18
6	Ученый-кибернетик	0.376	0.417	0.57
7	Ученый-физик	0.258	0.339	0.57
8	Делопроизводитель	0.251	-0.360	-0.16
9	Ученый-биолог	0.225	0.263	0.48
10	Товаровед	0.207	0.301	0.59
11	Ученый-химик	0.206	0.111	0.34
12	Инженер-конструктор	0.142	0.217	0.41
13	Инженер-радиотехник	0.085	0.238	0.44
14	Инженер-технолог	0.078	0.071	0.20
15	Секретарь-машинистка	0.002	-0.120	-0.16
16	Инженер-строитель	-0.028	-0.058	0.10
17	Инженер-связист	-0.038	-0.008	0.19
18	Учитель	-0.040	-0.082	0.39
19	Официант	-0.098	0.042	-0.19
20	Инженер-транспортник	-0.104	-0.113	0.07
21	Медсестра	-0.142	-0.233	-0.08
22	Водитель грузовика	-0.143	-0.224	-0.22
23	Повар	-0.146	-0.197	-0.12
24	Водитель такси	-0.151	0.132	0.08
25	Продавец гастронома	-0.159	-0.042	-0.12
26	Воспитатель детсада	-0.177	-0.165	0.01
27	Радиотехник	-0.184	0.104	0.23
28	Работник коммунального хозяйства	-0.231	-0.224	-0.26
29	Строитель-монтажник	-0.262	-0.339	-0.21
30	Рабочий-швейник	-0.275	-0.335	-0.21
31	Лаборант НИИ	-0.364	-0.139	-0.10
32	Водитель троллейбуса	-0.373	-0.316	-0.24
33	Телефонистка	-0.375	-0.341	-0.33
34	Продавец-лоточник	-0.383	-0.496	-0.58
35	Штукатур	-0.441	-0.565	-0.51
36	Санитар	-0.444	-0.520	-0.53
37	Токарь	-0.478	-0.317	-0.18
38	Слесарь	-0.481	-0.395	-0.29
39	Электромонтер	-0.496	-0.329	-0.27
40	Няня в яслях	-0.512	-0.544	-0.50
41	Табельщица	-0.606	-0.603	-0.62
42	Рабочий конвейера	-0.617	-0.559	-0.47
43	Штамповщик	-0.657	-0.588	-0.56

Среди профессий, индекс престижа которых оказался со знаком минус, представлены не только массовые профессии ручного физического труда (рабочий конвейера, штамповщик, токарь, слесарь, штукатур, электромонтер и др.), но и профессии сферы обслуживания, торговли, строительства, транспорта, медицинского обслуживания, а также профессии высококвалифицированного умственного труда (учитель, инженер-строитель, инженер-связист, инженер-транспортник).

Престижная идентификация профессий существенно дифференцируется в зависимости от пола опрошенных. Индексы престижа 21 профессии из 43 статистически значимо отличаются у двух групп респондентов, выделенных по признаку пола. Престиж только 3 профессий юноши оценивают существенно выше, чем девушки. Это профессии инженера-конструктора, инженера-радиотехника и просто радиотехника. А вот статистически значимо, то есть существенно ниже, юноши оценивают престиж 18 профессий, среди которых не только занятия традиционно “женского” труда – бухгалтер, деловод, товаровед, секретарь-машинистка, учитель, продавец гастронома, медсестра, воспитатель детсада, телефонистка, более низкая оценка престижа которых со стороны юношей воспринимается как естественная, но также все занятия научным трудом, за исключением ученого-экономиста и ученого-кибернетика. Даже престиж профессии ученого-физика, которую трудно отнести к разряду традиционно “женских”, был существенно ниже оценен юношами-выпускниками школ. Примечательно, что все представленные в списке рабочие профессии одинаково низко оценены с точки зрения их престижа как девушками, так и юношами.

Формирование представлений о мире профессий, их социальной значимости и вознаграждаемости в обществе происходит непосредственно в микросреде, где молодой человек социализируется и, взрослея, оказывается способным выносить оценки и делать самостоятельные жизненные выборы, в том числе выборы профессий и занятий. Такой микросредой чаще всего является семья, члены которой, особенно родители, становятся своеобразными трансляторами мнений и оценок, существующих в обществе и приписываемых отдельным профессиональным занятиям, а также субъектами соответствующих интерпретаций этих оценок. Подобные интерпретации зависят, разумеется, от достигнутого родителями уровня образования и сложности выполняемого ими профессионального труда. В качестве фактора, репрезентирующего тип семьи опрошенных выпускников школ, был выбран уровень образования, достигнутого отцом. Последнее различалось как высшее, среднее специальное и среднее.

Предположение о возможном влиянии микросреды социализации молодых людей на выносимые ими оценки престижа профессий оказалось верным, что было подтверждено результатами исследования. Более существенные отличия наблюдались для двух групп выпускников школ, отцы которых имеют высшее либо среднее образование. Среди них статистически значимые различия оценок престижа относятся к

профессиям, находящимся преимущественно в средней и нижней частях ранжированного списка. Первые десять профессий по уровню выносимых им оценок престижа практически не отличаются, т.е. являются равными в терминах статистической значимости. Тип семьи, условно определенный согласно уровню образования отца, не оказывает влияния на оценки престижа тех профессий, которые отнесены молодыми людьми к высокопрестижным. Выпускники, чьи отцы закончили только среднюю школу, так же высоко, как и их сверстники из семей с отцами, имеющими высшее образование, оценили престиж различных профессий научного труда. И наоборот, высшее образование отцов не помешало их детям высоко оценить престиж профессий бухгалтера и делопроизводителя. Иначе говоря, социальные различия, выявляющие себя во множестве иных ситуаций, в данном случае оказываются незначимыми, указывая на довольно высокую степень однородности молодежного сознания в идентификации того, что считать авторитетным и уважаемым в обществе.

Отличия между школьниками, выходцами из различных типов семей, более существенно заявляют о себе, когда оцениваются инженерные профессии, но особенно профессии сферы обслуживания и физического труда. Хотя признание их низкой престижности является едва ли не всеобщим, но негативное оценивание происходит гораздо мягче и толерантнее со стороны выпускников, чьи отцы не имеют высшего образования. Такие школьники статистически значимо выше по сравнению с их одноклассниками из семей с высокообразованными отцами оценили престиж 20 профессий из 43: товароведа, инженера-радиотехника, инженера-технолога, инженера-транспортника, официанта, медсестры, водителя такси, воспитателя детсада, повара, водителя грузовика, продавца гастронома, рабочего-швейника, лаборанта НИИ, телефонистки, продавца-лоточника, электромонтера, токаря, слесаря, табельщицы, штамповщика.

Таким образом, тенденция к однородности оценок престижа со стороны школьников, социализация которых происходит в различной среде, сохраняется только для ряда профессий высоко- и среднеквалифицированного умственного труда. Мир рабочих профессий в сознании различных групп школьной молодежи отражается и оценивается по-разному. Чем ниже уровень образования отца, тем менее интенсивным становятся отвержение и непринятие занятий физическим трудом и профессий в сфере обслуживания, не требующих высокого уровня образования.

Предположение о том, что место проживания является фактором, дифференцирующим представления молодежи о мире профессий, выглядит довольно логичным и обоснованным, особенно когда речь идет о жителях большого города и сельской местности. Ведь эти места обитания очень отличаются количеством и уровнем квалификации востребуемых работников, как и теми сферами занятости, которые они могут предложить местным жителям. Однако единство информационного

пространства, постоянное межличностное общение, а также непрерывающиеся миграционные потоки сельской молодежи в город — все это дает основания считать вполне приемлемыми попытки сравнения результатов оценивания предложенного перечня профессий на предмет их престижности со стороны выпускников городских и сельских школ. Тем более что часть профессиональных занятий являются универсальными с точки зрения их присутствия и в городской, и в сельской местности, а с остальными сельские школьники так или иначе знакомы благодаря средствам массовой информации или контактам с жителями города на межличностном уровне.

Первое, что следует отметить, — это иные пределы размаха индексов престижа. Сельские выпускники более восторженно относятся к профессиям, которые считают наиболее престижными, выставляя им более высокие оценки. Иерархию престижа возглавляет ученый-медик, индекс которого равен 0.639. У киевских школьников, напомним, первый ранг занимает ученый-экономист с индексом престижа 0.517. Его престиж в сознании сельской молодежи тоже выше — 0.581, хотя и занимает вторую позицию. Нет сомнений в том, что профессия ученого-экономиста по уровню своей престижности стала одной из наиболее высокооценимых как в городе, так и в сельской местности.

Молодые жители последней отличаются не только восторженностью, но и сдержанностью, которую они проявляют, оценивая престиж профессий, находящихся в нижней части ранжированного ряда. Выставляемые престижу этих профессий негативные оценки все же не так радикальны, как у их городских сверстников. В качестве примера сошлемся на индекс престижа профессии штамповщика, который и в сельской местности, и в городе оказывается самым низким, расположенным на последнем 43-м месте. Однако у сельских выпускников этот индекс равен -0.476, а у городских — -0.657. Такая же тенденция характерна и для других низкопрестижных профессий.

Принимая во внимание только абсолютные значения индексов престижа профессий для двух групп респондентов, выделенных по месту проживания, следует сказать, что в 21 случае из 43 эти значения статистически значимо отличаются. Общая направленность таких отличий очевидна. Ведь престиж только трех профессий оценивается сельской молодежью существенно ниже. Это высокопрестижный у городской молодежи делопроизводитель, официант и, очевидно, малознакомый сельским школьникам ученый-психолог (табл. 5).

В несколько раз больше профессий (18) оцениваются статистически значимо выше. Среди них присутствуют четыре “ученые” (медик, физик, биолог, химик) и две инженерные (радиотехник и технолог). Но особенно привлекает внимание профессия учителя, по уровню престижа входящая в первую десятку с индексом 0.322. Приблизительно таким же, и даже выше, он был и в сознании киевских выпускников, но только 10 лет назад. Сейчас же былая престижность сменилась на индекс с отрицательным знаком. В подобной ситуации находится и

**Профессии, престиж которых выпускники сельских школ
оценили статистически значимо...**

...Выше	...Ниже
1. Ученый-медик	1. Ученый-психолог
2. Ученый-физик	2. Делопроизводитель
3. Ученый-биолог	3. Официант
4. Ученый-химик	
5. Инженер-радиотехник	
6. Инженер-технолог	
7. Учитель	
8. Продавец гастронома	
9. Воспитатель детсада	
10. Строитель-монтажник	
11. Водитель троллейбуса	
12. Телефонистка	
13. Слесарь	
14. Электромонтер	
15. Няня в яслях	
16. Табельщица	
17. Рабочий конвейера	
18. Штамповщик	

профессия продавца гастронома, престиж которой сельской молодежью оценен как абсолютно средний (0), но не отрицательный, как у их городских сверстников.

Отличия в ранговом расположении профессий отразились на коэффициенте ранговой корреляции престижных иерархий. Для городских и сельских выпускников он составляет 0.90. Направленность несовпадения оценок престижа очевидна: ценимое горожанами еще более высоко ценится живущими в сельской местности, а не ценимое горожанами несколько смягчается учащимися сельских средних школ. Последние в сравнении с более разочарованными обитателями крупного города считают, будто профессии и занятия все еще пользуются в этом мире довольно высоким авторитетом, признанием и уважением, продолжает почитаться и профессия учителя. Это главным образом различия в степени престижности, а не в иерархии признаваемых и отвергаемых занятий.

Зафиксированное в опросе 1995 года состояние престижной идентификации обобщенно отражает сегодняшние оценки вступающих в трудовую жизнь молодых людей, уже почти завершивших среднее образование, их представления о почете и уважении, которыми в современном обществе пользуются профессиональные занятия. Стабильность или изменения в пространстве идентификации по престижу можно проследить, если результаты исследования сравнить с теми, что

были получены пять или десять лет назад.

Изменения оценок престижа профессий во времени обусловлены, утверждают социологи, не только сдвигами в значимости отдельных видов занятий и профессий в обществе, увеличением или уменьшением потребности в людях определенных специальностей и квалификации, не только структурными изменениями в удельном весе отраслей народного хозяйства в экономике и соответственно доли рабочих мест, но и привлекательностью различных видов труда в индивидуальном сознании. Поэтому, например, снижение престижа профессии в какой-то мере отражает снижение желаний и готовности молодых людей заполнять конкретные рабочие места, избирать те или иные занятия.

Рассмотрим, как изменился престиж профессий на протяжении 1985-1995 годов, насколько существенными были эти изменения и каких профессий касались прежде всего. Начнем с ближайшего к нам пятилетия – периода всевозможных трансформаций, кризисов, структурных изменений и в политике, и в экономике нашей страны. В 90-е годы общее количество профессий, индексы престижа которых, рассчитанные по результатам исследований 1990 и 1995 годов, статистически значимо отличаются друг от друга, составляет 26 наименований (табл. 6), что указывает на довольно высокую динамику перераспределения авторитета и уважения между занятиями и профессиями. Престиж ровно половины из них был оценен существенно выше, чем 5 лет назад, а половины – ниже.

Таблица 6

Профессии, индекс престижа которых за 1990-1995 годы статистически значимо...

...Повысился		...Понизился	
1	Ученый-экономист	1	Ученый-физик
2	Ученый-психолог	2	Товаровед
3	Бухгалтер	3	Инженер-конструктор
4	Делопроизводитель	4	Инженер-радиотехник
5	Ученый-химик	5	Водитель такси
6	Секретарь-машинистка	6	Продавец гастронома
7	Медсестра	7	Радиотехник
8	Водитель грузовика	8	Лаборант НИИ
9	Строитель-монтажник	9	Водитель троллейбуса
10	Рабочий-швейник	10	Токарь
11	Продавец-лоточник	11	Слесарь
12	Штукатур	12	Рабочий конвейера
13	Санитар	13	Штамповщик

Среди профессий, престиж которых значительно возрос, особенно примечательны три: бухгалтер, делопроизводитель и секретарь-машинистка. За довольно короткий промежуток времени оценки

престижа этих профессий не просто возросли, но сменили свой знак на противоположный. Это отразилось на ранге, который данные профессии занимали в ранжированной иерархии. Бухгалтер с 17-й позиции, занимаемой в 1990 г., переместился на 5-ю, делопроизводитель — с 18-й на 8-ю, а секретарь-машинистка — с 23-й на 15-ю.

Если временные рамки сравнения расширить еще на 5 лет в прошлое и обратиться к результатам оценивания престижа профессий выпускниками средних школ в 1985 г., то становится очевидным, что тенденции изменений в оценках престижа профессий являются довольно устойчивыми во времени и более масштабными. За 10-летний промежуток времени, с 1985 по 1995 г., престиж только 8-и из предлагаемых для оценивания 43-х профессий не подвергся статистически значимому пересмотру в ту или иную сторону. Это профессии ученого-психолога, повара, продавца гастронома, работника коммунального хозяйства, строителя-монтажника, телефонистки, няни в яслях и табельщицы. Престиж всех остальных профессий был статистически значимо переоценен за прошедшие годы (табл. 7).

Таблица 7

Профессии, индекс престижа которых за 1985-1995 годы статистически значимо...

..Повысился	...Понизился
1. Ученый-экономист	1. Врач
2. Бухгалтер	2. Ученый-медик
3. Делопроизводитель	3. Ученый-кибернетик
4. Секретарь-машинистка	4. Ученый-физик
5. Водитель грузовика	5. Ученый-биолог
6. Продавец-лоточник	6. Товаровед
7. Штукатур	7. Ученый-химик
8. Санитар	8. Инженер-конструктор
9. Официант	9. Инженер-радиотехник
	10. Инженер-технолог
	11. Инженер-строитель
	12. Инженер-связист
	13. Инженер-транспортник
	14. Учитель
	15. Медсестра
	16. Водитель такси
	17. Воспитатель детсада
	18. Радиотехник
	19. Рабочий-швейник
	20. Лаборант НИИ
	21. Водитель троллейбуса
	22. Токарь
	23. Слесарь
	24. Электромонтер
	25. Рабочий конвейера
	26. Штамповщик

Вектор направленности такой переоценки в сторону неуклонного и довольно заметного снижения престижа большинства профессий весьма устойчив в протяжении последних 10 лет. Оценка престижа только 9-и профессий из используемого списка существенно повысилась. У остальных индекс престижа более или менее равномерно снижался.

В правом столбике табл. 7 представлены все присутствующие в списке профессии высококвалифицированного умственного труда, за исключением ученого-экономиста и ученого-психолога. Обращает на себя особое внимание профессия учителя. Ее общественная значимость не требует пояснений, как и ответственность, которая лежит на плечах педагогов. Но за 10 прошедших лет оценка престижа профессии учителя поменяла свой знак на противоположный, опустившись с 10-го места в ранжированном ряду с довольно высоким положительным индексом (0.39) в 1985 г. на 18-е место с отрицательным индексом (-0.04) в 1995 г. Очень популярный в 80-е годы товаровед неуклонно терял свой престиж, сменив занимаемый им в 1985 г. 2-3 ранг на все еще довольно высокий, но уже только 10-й. Такая же судьба постигла, например, профессию радиотехника, место которой в ранжированном списке с 13-го переместилось на 27-е.

На фоне более длительного промежутка времени еще ярче выглядит взлет престижа упоминавшихся ранее профессий бухгалтера, делопроизводителя и секретаря-машинистки. Первая переместилась с 26-27-й позиции в ранжированном ряду на 5-ю. Можно сказать, что это самое впечатляющее продвижение по иерархии престижа за 10-летний период. В общем известно критическое отношение юношей к “женским” профессиям. Причем именно такой долгие годы была и продолжает оставаться профессия бухгалтера. Однако, согласно нашим данным, оценка престижа профессии бухгалтера молодыми мужчинами проделала значительный путь вверх, переместившись с 25-й позиции (10 лет назад) на 3-ю и уступая по величине индекса только ученому-экономисту и ученому-кибернетику. Пожалуй, юноши считают данную профессию не менее престижной, чем девушки. И этим, быть может, готовится обоснование и мотивировка для избрания ее все большим числом юношей. Делопроизводитель и секретарь-машинистка за 10 прошедших лет поднялись с 24-25-й позиции на 8-ю и 15-ю соответственно. Кстати, профессия токаря, которая в 1985 г. вместе с бухгалтером делила 26-27-е места в ранжированном списке профессий, на протяжении 10 лет двигалась тоже довольно быстро, но в противоположном направлении, сменив указанный ранг на 37-й и оказавшись на 7-м, но снизу, месте.

Большинство представленных в табл. 7 профессий, индекс престижа которых существенно вырос в сознании юношей и девушек (за исключением профессий ученого-экономиста и частично бухгалтера), не связаны с высококвалифицированным умственным трудом, предполагающим получение высшего образования. Престиж образованности и компетентности, согласно нашим данным, продолжает неуклонно и заметно снижаться, а пренебрежительное отношение со

стороны государства к инженерным и научным занятиям не проходит мимо внимания молодежи: она уже знает, что полученное высшее образование не будет адекватно вознаграждаться как материальными благами, так и символическими — уважением и авторитетом в обществе и среди окружающих. В сознании молодежи сконструирован и стабильно воспроизводится образ общества, в котором ценятся не высокие уровень и качество образования, а также связанные с ними установки, умения, навыки и модели поведения, но специфические занятия, достаточно простые и доходные, обеспечивающие пусть и не самый высокий, однако стабильный социальный статус. Такой образ воспроизводится потому, что такова практика отношения государства к ряду профессий и занятий. Можно было бы сказать, что молодежь видит, как в государстве целенаправленно предпочитают непритязательные и относительно простые трудовые умения и навыки и пренебрегаются относительно развитые и сложные. Подобная ситуация оказывается ситуацией востребования довольно приземленных жизненных и профессиональных притязаний. Она же является значимым фактором формирования адекватных ей установок и ожиданий молодежи, их идентификационных практик.

Несмотря на то что иерархию престижа, как и в 1985 г., возглавляют и составляют большинство в верхней ее части профессии высококвалифицированного умственного труда, индексы их престижа за последние 10 лет существенно снизились. Эта тенденция в сфере престижной идентификации доминирует, а сама сфера, очевидно, является одной из наименее устойчивых. Это подтверждается сравнением коэффициентов корреляции (r) между иерархиями престижа, сформированными по результатам периодических повторяемых исследований. Один из выводов, сформулированных на основе многолетнего изучения престижа профессий в мировой социологии, гласит об устойчивости и временной стабильности престижного сознания, в результате чего иерархии профессионального престижа являются сходными на протяжении длительных периодов времени в одном и том же обществе. Проведенные в 52-х странах повторные исследования показали, что коэффициент корреляции между престижными иерархиями профессий существенно не изменяется и, как правило, не опускается ниже 0.90 (7, 35-37). Данные наших исследований демонстрируют противоположную тенденцию. На протяжении последних 15 лет коэффициент корреляции между иерархиями престижа неуклонно снижался. За период с 1981 по 1985 г. он составил 0.96 (6, 70), с 1985 по 1990 г. — 0.94, с 1990 по 1995 г. — 0.91. Если же сравнить оценки престижа профессий за прошедшее десятилетие, то есть с 1985 по 1995 г., то коэффициент корреляции снизился до 0.85.

Довольно высокая динамика идентификационных практик, которой сопутствует устойчивое понижение индексов престижа, свидетельствует о том, что процессы депрестижизации в украинском обществе фиксируются и молодежным сознанием. Нормально, если поведение индивидов

регулируется авторитетом, уважением со стороны значимых “других”, легитимными в обществе представлениями о репутации и достоинстве. Неким отклонением от нормы можно считать ситуацию, в которой регулирующие полномочия всего перечисленного ставятся под сомнение, если и не отвергаются, то и не признаются в качестве обязательных для исполнения. Престиж все в меньшей степени присваивается в качестве условия и материала конструирования социальной и профессиональной идентичности. Неподтверждаемые внешним окружением идентичности либо не формируются, как это происходит с молодежью, что вызывает различные по остроте кризисы принадлежности, либо слабеют, что делает невозможным уверенное размещение себя “здесь” и “теперь”, в данном пространстве и данном времени, а значит, обретение социально признаваемого “места” и статусной безопасности.

§5. Идентичности в пространстве трудовой карьеры

Для отслеживания тенденций и факторов самоидентификации индивидов в пространстве трудовой карьеры воспользуемся результатами исследования под названием “Отношение к преобразованиям”, проведенного сотрудниками Института социологии НАН Украины в 1993 г. Исследование осуществлялось по репрезентативной для Украины модели выборки, основные параметры которой разработаны специалистами Института социологии под руководством Н.Н. Чурилова (см. 8, 25-48). Общее количество опрошенных составило 2537 человек.

Самоидентификация респондентов в пространстве возможностей карьерной мобильности определялась по результатам ответа на следующий вопрос: “Предположим, что Вы захотели бы продвинуться по службе. Как Вы думаете, насколько высока вероятность значительного продвижения по службе на вашем нынешнем месте работы?” В качестве альтернатив ответа на этот вопрос предлагались: 1) безусловно продвинулся бы; 2) вероятность довольно высока; 3) пятьдесят на пятьдесят; 4) вероятность довольно низкая; 5) практически невероятно; 6) не знаю.

Прежде всего отметим, что из 2537 респондентов на предложенный вопрос ответили только 1461, то есть 58 %. Очевидно, причин тому несколько. Сказывается инерция прошлого, когда говорить о собственной карьере считалось социально неодобряемым, когда как непосредственное, так и более широкое социальное окружение не способствовало и не обучало рациональным и обоснованным определениям собственных возможностей в ситуации выбора профессии, занятия, места работы, когда притязания на карьеру сразу же отождествлялись с карьеризмом. Поэтому подобные вопросы для респондентов не являются обычными, такими, которые не вызывают желания их избежать. К тому же, слова “продвижение по службе” способны значительно уменьшить количество потенциальных ответов, поскольку служба в нашем обществе ассоциируется с принадлежащими скорее к так называемой категории

служащих, чем с представителями других занятий, которые могли не отождествлять перспективы собственной трудовой жизни, если они даже четко осознавались, со служебным продвижением. Кроме того, значительное количество респондентов, почти четверть, — это люди пенсионного и предпенсионного возраста, которые уже завершили или близки к завершению трудовой карьеры. Проблемы и перспективы продвижения для них не актуальны.

Зная социально-демографические характеристики респондентов и ситуацию, сложившуюся в стране в начале 90-х годов, можно сформулировать несколько утверждений, касающихся тенденций и факторов карьерной идентификации: учитывая кризисную ситуацию в обществе, продолжающееся сокращение производства, перспективы увеличения безработицы, ощущение пессимизма, разочарования и неопределенности в обществе, следует ожидать, что количество тех, чья самоидентификация в социальном пространстве карьеры будет положительной, окажется значительно меньшим, чем с негативной карьерной идентичностью; среди уверенных в осуществлении возможностей продвижения доминируют мужчины, а также те, у кого более высокий уровень образования; в сложившейся ситуации возраст может не вывить себя существенно дифференцирующим фактором, поскольку гораздо большие идеальные возможности карьеры для молодых в сложившихся условиях трудно осуществимы, а более ограниченные для людей старшего возраста остаются достаточно реальными, учитывая их опыт, связи и т.д.; следует ожидать первых признаков выявления различий в оценках перспектив разворачивания трудовой жизни среди занятых в государственном и негосударственном секторах экономики; самоидентификация с теми, кто имеет хорошие шансы для трудовой карьеры или, наоборот, лишен их, является фактором, который сам способен дифференцировать индивидов даже с одинаковыми социально-демографическими характеристиками относительно степени принятия или непринятия ценностей, взглядов и оценок тех процессов и явлений, которые сегодня происходят.

Допущение о том, что в кризисной ситуации оценка респондентами собственного положения на карте карьерных возможностей будет далекой от оптимистической, оказалось вполне правдоподобным. Только 3% ответивших на указанный вопрос идентифицируют себя как имеющих высокую вероятность продвижения, 6% респондентов определили ее как довольно высокую, 12% — посредственную (“пятьдесят на пятьдесят”). Значительно большее количество крайне пессимистически относятся к перспективам продвижения: 21% респондентов определили вероятность осуществления притязания на продвижение как довольно низкую, а 45% вообще считают такой шаг практически невероятным. Для определения тенденций и факторов карьерной идентификации респонденты были объединены в три группы. Первую составили те, кто более-менее высоко оценивает вероятность осуществления карьеры (9%), вторую — респонденты с посредственной оценкой своих шансов (12%), а третью

— те, кто рассматривает такую возможность как низкую или практически неосуществимую (66%).

Допущение, что среди респондентов с положительной карьерной идентичностью будут доминировать мужчины, прямого подтверждения не нашло (табл. 8). Разница между количеством мужчин и женщин, высоко оценивших вероятность продвижения, является статистически незначимой. Очевидно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что женщины менее карьерно мотивированы. Так же значимо не отличаются и подгруппы тех, кто расценивает свои шансы как посредственные. Но если сложить вместе две названные выше подгруппы мужчин и женщин (24% и 19% соответственно), то отличие оценок становится значимым на уровне 5%. Такая тенденция находит дальнейшее подтверждение с учетом того, что между мужчинами и женщинами, которые идентифицировали вероятность продвижения как довольно низкую или практически неосуществимую, различие фиксируется уже на уровне 1% (62 и 69% соответственно). Таким образом, данные косвенно подтверждают значение пола как фактора дифференциации оценок респондентами возможностей трудовой карьеры.

Таблица 8

**Оценка вероятности продвижения в зависимости от пола и
возраста респондентов (%)**

Вероятность продвижения	Пол		Возраст, лет				
	Женщины	Мужчины	16-23	24-29	30-39	40-49	50-59
Высокая	8	10	3	7	12	10	10
50 на 50	11	14	14	14	15	16	6
Низкая	69	62	62	67	61	62	74
Не знаю	12	14	21	12	12	12	10

Еще одним признаком, которому принято приписывать сильное воздействие на социальную идентичность, является возраст человека. Результаты социологических исследований неоднократно свидетельствовали об обратной пропорциональной зависимости между возрастом индивида и реальными возможностями продвижения. По данным анализируемого исследования, возраст выявляет себя слабым дифференцирующим фактором (табл. 8). По количеству респондентов, уверенных в служебном продвижении, ни одна из возрастных групп в пределах от 16 до 59 лет статистически значимо не отличается от других. Отметим, что количество это довольно невелико и не превышает 12%. Это максимум, который наблюдается среди респондентов 30-39 лет. Но можно предположить, что природа похожих оценок все-таки различна. Для представителей более молодых когорт теоретически

должно быть намного больше возможностей и доступных линий карьер. Однако в условиях социально-экономического кризиса доля уверенных в их существовании и практическом осуществлении незначительна. Для представителей старших поколений возможности продвижения сужаются, но одновременно они могут становиться более реальными, поскольку имеющийся жизненный опыт, многочисленные связи, знание механизмов продвижения в среде пребывания являются основанием для уверенности в том, что последняя ступень карьеры еще не достигнута.

Таким образом, предположение, что и среди людей старшего возраста следует ожидать наличие тех, кто уверен в успешном продолжении трудовой карьеры, оказалось небезосновательным. Ведь респонденты 50-59 лет хотя и опережают другие возрастные группы по количеству низко и отрицательно оценивающих возможности продвижения, демонстрируют способность довольно долго оставаться карьерно мобильными, по крайней мере, на вербальном уровне.

На фоне двух предыдущих признаков гораздо более сильным фактором оказался достигнутый уровень образования, дифференцирующий как позитивное, так и негативное самоопределение респондентов в пространстве трудовой карьеры. Среди прочих выделяются прежде всего специалисты с вузовским дипломом. Именно этот уровень образования обуславливает статистически значимое отличие данной подгруппы респондентов. Вероятность продвижения как высокую оценили 17% тех, кто получил высшее образование, что значимо больше, чем 8% среди выпускников техникумов, 9% – средних профессионально-технических училищ, 3% – средних общеобразовательных школ. Такая же тенденция наблюдается и среди тех, кто идентифицировал свое положение как карьерно бесперспективное. В этом случае количество респондентов увеличивается в обратном направлении. Среди обладателей вузовских дипломов таких 56%, что статистически значимо меньше, чем соответствующее количество респондентов с другими уровнями образования: 64% – техникум, 70% – ПТУ, 76% – средняя школа.

Таким образом, чем выше у человека уровень образования, тем больше уверенности в осуществлении имеющихся возможностей трудовой карьеры. Можно также предположить, что уровень образования влияет не только на оценку шансов, но и на саму способность осознавать собственные возможности, видеть их, взвешивать, а затем оценивать вероятность осуществления.

Форма собственности, на основе которой функционирует предприятие или организация, в условиях переходного периода является весьма существенной не только для определения финансового и материального положения работников, но и их социального самочувствия, удовлетворенности оплатой труда и, очевидно, идентификации собственных перспектив. Основываясь на наиболее общих критериях формы собственности и характера труда, все организации, в которых работают респонденты, были объединены в четыре группы: 1) государственные промышленные предприятия; 2) организации с

негосударственной формой собственности (кооператив, частная фирма, арендное предприятие, предприятие, которое приватизируется); 3) государственное учреждение в сфере науки, культуры, образования, здравоохранения; 4) сельскохозяйственное предприятие.

Доля тех, кто высказал уверенность в осуществлении трудовой карьеры, наиболее низкая среди работников сельскохозяйственных предприятий (6%). Почти такую же оценку собственным перспективам дали и занятые на государственных промышленных предприятиях (7%), чего нельзя сказать о двух следующих группах респондентов. Это работники государственных учреждений в сфере науки, культуры, образования, здравоохранения (12% уверенных в продвижении), а также занятые в организациях с негосударственной формой собственности (15%). Указанные доли респондентов двух последних групп статистически не отличаются между собой, но каждая из них значимо отличается от предыдущих. Тенденция, когда занятые в организациях негосударственной формы собственности склонны более оптимистично оценивать перспективы карьерной мобильности, заметна и по тому, что среди них наиболее высока доля тех, кто оценил свои шансы как посредственные, и наименьшая – среди пессимистов.

Довольно отчетлива еще одна тенденция: чем выше человек поднялся по карьерной лестнице, тем чаще он склонен идентифицировать себя как имеющего реальные шансы дальнейшего продвижения. Каждый пятый среди руководителей высшего и среднего уровня уверен в этом (21%), что значимо отличает их от наемных работников (7%), а также от руководителей нижнего звена (9%). Опыт и знания тонкостей процесса превращения возможностей в реальную карьеру, очевидно, помогают не останавливаться на достигнутом. В социологии существует понятие эффекта накапливаемых преимуществ: чем больше ты имеешь, тем больше ты можешь иметь. Не исключено, что он себя выявляет и в процессе карьерной мобильности.

Во время проведения опроса респондентам предлагалось идентифицировать себя как принадлежащих к одной из пяти социальных групп: 1) работники физического труда; 2) предприниматели; 3) управленцы, администраторы; 4) интеллигенция; 5) крестьяне. Следует сказать, что такие критерии социальной самоидентификации оказались недостаточными или неясными для части респондентов, поскольку 17% из них не смогли отнести себя ни к одной из указанных групп.

Наименьшей по численности оказалась группа предпринимателей (64 человека). Но это не помешало ей иметь свои выразительные особенности на фоне остальных групп. По количеству уверенных в продвижении самые низкие показатели демонстрируют представители физического труда и крестьяне. На другом конце – статистически значимо отличающиеся от них три другие социальные группы (табл. 9). Между предпринимателями, управленцами и интеллигенцией отличия статистически незначимы. А вот долей тех, кто определил свои шансы как посредственные (25%) и незначительные (45%), предприниматели

значимо отличаются от представителей всех прочих социальных групп, соответственно опережая их в первом случае и уступая во втором.

Таблица 9

Зависимость оценки вероятности продвижения от социальной самоидентификации (%)

Социальная самоидентификация \ Вероятность карьеры	Работники физического труда	Предприниматели	Управленцы, администраторы	Интеллигенция	Крестьяне
Высокая	5	17	18	13	6
50 на 50	8	25	15	15	11
Низкая	74	45	63	61	57
Не знаю	13	13	4	11	26

Таким образом, в обществе не только появилась новая сфера, где проявляются и осуществляются возможности трудовой карьеры, но в ней видящие и практически реализующие эти возможности чувствуют себя по-другому, то есть значительно увереннее, рассматривая вероятность дальнейшего продвижения. Как уже упоминалось ранее, природа возможности и логика разворачивания предпринимательской карьеры принципиально отличны, например, от бюрократической. В нашей же ситуации следует также отметить, что линии бюрократической карьеры, вдоль которых движутся управленцы, администраторы, частично представители интеллигенции, являются относительно устоявшимися и хорошо освоенными предшественниками. Предприниматели же начали свои карьеры совсем недавно, максимум 5-6 лет назад. У них нет образцов для подражания, сформированных на отечественной почве. Однако это, как и все еще неопределенная ситуация в экономике страны, не помешало им выказать в целом наибольшую уверенность в собственных карьерных перспективах.

Большинство исследований трудовых карьер, особенно это характерно для так называемых case studies, концентрируются на изучении субъективных и объективных предпосылок продвижения, его наиболее типичных линиях. Значительно реже сама трудовая карьера или представление о ней рассматривается как фактор, обуславливающий отношение человека к тому, что происходит в его социальном окружении. Дж.Розенбаум, обосновывая необходимость исследования карьер в организации, ссылаясь на выводы о том, что шансы осуществить продвижение оказывают значительное влияние на ориентации и притязания индивидов, их интерес к работе, стиль руководства и т.д. Он считает, что возможность или невозможность

осуществления карьеры может быть фундаментальной детерминантой многих других ориентаций и образцов поведения и, возможно, является более важной, чем личностные характеристики индивидов или их статус в организации (2, 68). Однако в целом интерес к тому, как отличия взглядов и ориентаций связаны с трудовой карьерой, остается незначительным, а в отечественной социологии практически полностью отсутствует, особенно когда речь заходит о проблемах, непосредственно не связанных с конкретной трудовой деятельностью индивида, а выходят за пределы отдельной профессии, организации, предприятия.

Одной из основных задач анализируемого исследования было выявление отношения населения к тем преобразованиям, которые уже происходят или больше декларируются как такие, без которых невозможно вернуться на путь цивилизованного, демократического развития. Это прежде всего переход экономики на рыночные основания, приватизация государственной собственности, построение и функционирование политических институтов общества на принципах демократии, многопартийности и т.п. С целью выявления отношения респондентов к тем явлениям и процессам, которые происходят в обществе или провозглашены как необходимые для его дальнейшего существования, в анкете предлагался к рассмотрению и выражению степени согласия или несогласия целый ряд различных утверждений, которые репрезентировали как экономические, так и политические ценности. Из предшествующего опыта известно, что, например, пол, возраст, образование, место и регион проживания респондентов обычно являются факторами, обуславливающими отличия взглядов на то, что происходит в обществе. Но мало что достоверно известно о самой трудовой карьере, ее способности дифференцировать и проч.

Анализируемое исследование дало возможность сравнить группы индивидов, которые противоположным образом идентифицировали собственные перспективы осуществления трудовой карьеры, в том, как они воспринимают не только непосредственное трудовое окружение, но и то, что происходит в обществе в целом. Следует признать, что в данном случае в буквальном понимании фактором считалась не уже осуществленная индивидом восходящая карьерная мобильность, а прежде всего вербально выраженная уверенность или неуверенность в дальнейшем служебном продвижении. Хотя, как видно из предыдущего анализа, значительная часть тех, кто высоко оценил собственные карьерные перспективы, — это люди, которые уже успешно прошли не одну ступень карьеры. Другими словами, это была попытка рассматривать идентификацию с теми, кто имеет реальные шансы продолжить трудовую карьеру, или с теми, кто таких шансов не имеет, как фактор, который влияет на вербальное поведение респондентов. Эта попытка оказалась довольно удачной.

Оставив в стороне суждения о демократии и других политических аспектах жизни общества, обратимся к тем, которые касаются рыночной экономики, приватизации, способов получения доходов, достижения

успеха и т.п., то есть того, что и сейчас, и в будущем безусловно будет оказывать влияние на поведение, стратегию и тактику разворачивания трудовой жизни людей. Вряд ли следует ожидать, что какие-то ценности будут полностью признаваться одной группой респондентов и отбрасываться другой. Речь может идти только об отличиях в степени принятия или непринятия ценностей, процессов и явлений общественной жизни. Отличия в вербальном поведении респондентов с положительной и отрицательной идентификацией вероятности трудовой карьеры действительно обнаружились. Но обратимся лишь к статистически значимым, то есть к отличиям между группами респондентов с различной карьерной идентичностью, значимым на уровне 1 или 5 процентов.

Среди респондентов, которые высоко оценили возможности служебного продвижения, больше тех, кто считает свободное экономическое соревнование, рыночную экономику неотъемлемыми чертами хорошего общества (78%). Для группы с низкой оценкой перспектив трудовой карьеры эта цифра достигает 67%. Несмотря на статистически значимое отличие, можно констатировать факт в целом положительного отношения к рынку как институту общества, в котором хорошо живется. Но если то, что происходит в нашей стране, считать началом рыночных преобразований, то тогда оценки респондентов существенно меняются. С тем, что рыночная экономика повышает уровень жизни простых людей в Украине, соглашаются только 23% уверенных в собственной карьере индивидов. Однако даже эта цифра значимо больше, чем 16% респондентов из другой группы. Последние в большей мере склонны считать, что рыночная экономика дает слишком много свободы отдельным людям (61%). Среди респондентов с высокой вероятностью карьеры такого мнения придерживается только каждый второй.

Одной из фундаментальных основ рыночной экономики является частная собственность. В Украине уже несколько лет продолжается приватизация государственной собственности. С точки зрения трудовой карьеры приватизация означает не только увеличение количества собственников. Она открывает двери, за которыми человека ожидает ранее неизвестная форма карьерной возможности, а именно карьера предпринимателя. Но поскольку процесс приватизации происходит очень нелегко и противоречиво, то и мнения о нем далеки от однозначности, иногда сближая различные группы респондентов, а иногда существенно отдаляя их друг от друга. То, что приватизация увеличивает социальное расслоение в обществе, признается в одинаковой степени всеми. Но согласиться с определением приватизации только как способа раздачи богатства страны тем, кто уже богат и имеет большие связи, смогли немногим более половины респондентов с высокой самооценкой шансов служебного продвижения (56%). Цифра немалая, но она статистически значимо меньше, чем 71% среди индивидов с соответственно низкой самооценкой. Ощущение отличия двух групп респондентов усиливается с учетом их согласия или несогласия с тем, является ли лучшим способом

улучшения жизни каждого разрешение структурам бизнеса получать хорошую прибыль. Среди уверенных в карьере 32% согласны с этим, а 35% – нет. В другой группе эти доли значительно отличаются – 21% и 45% соответственно.

Очень осторожно относятся респонденты к утверждению о необходимости для процветания Украины большой разницы между доходами ее граждан. Каждый пятый индивид из тех, кто не видит перспектив продвижения, соглашается с указанным мнением. Среди уверенных в карьере таковых уже каждый третий. В то же время существующие сегодня различия в доходах населения Украины респонденты считают слишком большими. Понятно, что значимо больше таких с низкой самооценкой шансов продвижения (74%). В противоположной группе эта доля снижается до 64%.

Какой должна быть роль правительства в такой ситуации? Один из возможных ответов: стоять в стороне и не обращать внимания на равенство или неравенство доходов различных групп населения. Таких взглядов придерживаются 55% респондентов, уверенных в осуществлении возможностей продвижения и в нынешних социально-экономических условиях. Среди тех, кто считает, что им не суждено сделать карьеру, соответствующая доля уменьшается до 43%. Противоположным указанному является утверждение, что правительство обязано уменьшить разницу доходов между людьми, то есть максимально выровнять их. В большей степени с этим соглашаются “некарьерные” респонденты (46% – за и 25% – против) и в меньшей степени те, кто считает трудовую карьеру реально осуществимой (34% и 40% соответственно). Подобные тенденции относительно ориентаций на помощь государства отмечены также российскими социологами среди респондентов, которые идентифицировали себя как восходяще и нисходяще мобильные (10, 137).

На протяжении последних десятилетий основным источником доходов подавляющего большинства населения, особенно городского, была заработная плата. Вряд ли можно отрицать, что в общественном сознании широкое распространение получило мнение о том, что заработная плата человека зависит прежде всего от достигнутого им уровня образования, профессиональной квалификации и трудового вклада. Хотя реальная действительность, известная каждому по его собственному опыту, могла неоднократно давать основания для сомнения, указанное утверждение оставалось общепринятым. В нашем исследовании вера в зависимость заработной платы от образования, квалификации, трудового вклада в нынешних условиях является довольно слабой. В большей степени ее сохранили респонденты с низкой оценкой возможностей значительного продвижения, ведь 36% среди них согласны с указанным утверждением, хотя 61% придерживается противоположного мнения. Значимо меньше сторонников и больше противников такого определения заработной платы среди респондентов другой группы, то есть тех, кто самоопределился как люди с высокими шансами продолжить трудовую карьеру – 25% и 70%

соответственно. Но это не означает, однако, что они в большей степени склонны пренебрегать значением упорного труда для человека. Наоборот, 48% респондентов последней группы согласны с тем, что богатым можно стать только при условии, если будешь добросовестно работать. Среди “некарьерных” респондентов эта цифра на 15% меньше.

Если же человек идентифицирует себя или определяется окружающими как неудачник, то не является ли это следствием его собственной лени? Вполне возможно. Большинство неудачников просто ленивы. Нельзя сказать, что это мнение разделяют все, но в среднем приблизительно половина респондентов. Значимо больше таких среди уверенных в следующем шаге карьеры (55%). Менее склонны считать неудачу следствием лени респонденты из противоположной группы (43%). Совершенно естественно, когда причину неудач видят не вне, а в самом себе. Обратной стороной этого является взгляд на успех, достигнутый также благодаря собственным усилиям. Респонденты, которые верят в реальную возможность осуществления трудовой карьеры, в большей степени склонны думать именно так. Наблюдается тенденция, когда индивиды с высокой самооценкой способности быть карьерно мобильными, определяя факторы, способствующие успеху в Украине, придают большее значение таким, как упорный труд, врожденные способности, высокие притязания, и меньшее — знакомству с “нужными” людьми или наличию политических связей.

Таким образом, есть основания утверждать, что зафиксированная на уровне вербального поведения карьерная идентификация является фактором, который дифференцирует отношение индивидов к тому, что происходит сегодня в обществе. Однако не будем забывать, что другие переменные, кроме определения перспектив продвижения, не учитывались и не контролировались. Респонденты же анализируемого исследования были весьма разнородными по уровню образования, возрасту, принадлежности к социальным группам и организациям. Иными словами, существовала возможность того, что карьерная идентификация на самом деле не оказывает дифференцирующего влияния, поскольку за ней могли скрываться другие переменные, обусловившие отличие в оценках. Чтобы убедиться в противном, была предпринята попытка сформировать две группы респондентов, однородные по признаку возраста и образования, но противоположные по признаку карьерного самоопределения. В сформированных группах остались респонденты 30-50 лет, среди которых, как уже отмечалось, количество уверенных в карьере является наибольшим, а взгляды на происходящие в современном обществе процессы менее консервативны, чем у представителей старших возрастных когорт. Все отобранные респонденты имели высшее образование. Возраст и образование — это то, что было общим для респондентов двух групп, в оценке же вероятности трудовой карьеры они занимали противоположные позиции.

В результате такого эксперимента оказалось, что в большинстве случаев, когда между группами респондентов фиксировалось

статистически значимое отличие в степени согласия или несогласия с названными выше оценками и суждениями, это отличие сохраняется и для новообразованных групп. Прежде всего это касается оценок респондентами рыночной экономики, приватизации, средств достижения богатства, роли правительства как агента выравнивания доходов населения и пр. В некоторых случаях отличие между двумя группами респондентов было даже более выразительным. Скажем, с определением приватизации как способа раздачи богатства страны тем, кто уже богат и имеет большие связи, согласились 63% респондентов с низкой самооценкой возможности осуществления карьеры и только 42% — из противоположной группы. Или, например, веру в упорный труд как способ достижения богатства сохраняют 60% тех, кто верит в счастливую звезду собственной карьеры, и только 33% респондентов, которые уже не надеются на дальнейшее продвижение. Статистически значимым оказалось отличие в определении важности высоких притязаний как необходимого условия достижения жизненного успеха. 45% уверенных в продвижении респондентов считают это условие исключительно или очень важным. Среди представителей противоположной группы такую оценку дал только каждый четвертый. В целом предположение о различии вербального поведения индивидов с низкой и высокой самооценками вероятности трудовой карьеры оказалось эмпирически подтвержденным.

Таким образом, данные социологического исследования “Отношение к преобразованиям” подтвердили, что самоопределение индивидов в пространстве трудовой карьеры в различной степени зависит от их возраста, образования, пола, социальной принадлежности, типа предприятия или организации. На уровне вербального поведения карьерная идентификация сама оказалась фактором, дифференцирующим взгляды, оценки и ориентации относительно современных социально-экономических реальностей. Существование подобных тенденций наблюдается и среди представителей других групп общества, в частности молодежи.

§6. Предписание идентичности символами признания

То, что в социологии называют обществом, являет собой непрерывно осуществляемое различными агентами, или субъектами, социальное взаимодействие, то есть взаимно ориентированное вербальное, символическое и реальное поведение, некое представление себя другим и распознавание, идентификация этих других. Любое взаимодействие, будем ли мы трактовать его как драматургическое вслед за Э.Гоффманом, как обмен вслед за Дж.Хомансом или П.Блау, повседневное по Г.Гарфинкелло или коммуникативное по Ю.Хабермасу, в некотором смысле всегда оказывается идентификационной практикой, совокупностью действий, которыми агенты выказывают присущие им характеристики и особенности, а также приписывают или же распознают

характеристики оппонентов.

Идентификационные процедуры оказываются как начальными моментами только устанавливаемых взаимодействий, так и стимулами поддержания бытовавших ранее. При этом в ход идут самые разнообразные средства, в том числе и символы признания. Звания (научные, военные, профессиональные) и государственные награды (премии, ордена и медали) являются наиболее распространенными символами признания, а фактически – приписыванием статусов. Так происходит еще и потому, что символы различаются своим статусом. Законность одних утверждена государством, разделяется большинством или даже всеми, другие отчасти являются легитимными, третьи нелегитимны или утратили ее в результате социально-политических трансформаций. Подобные отличия становятся существенным фактором формирования общественного настроения, самочувствия, идентичностей.

Переход символов из одного статуса в другой, конфронтация легитимных и не прошедших легитимацию повышают или понижают (в зависимости от конкретных обстоятельств) напряжение в обществе. В определенные периоды эволюции государств и обществ борьба между группами индивидов или партиями за статус символов принимает острые формы. Награждение символами признания – также ответ на требование соблюдать и поддерживать надлежащий уровень интеграции и солидарности в обществе, в котором заинтересованы социальные институты и, в первую очередь, государство. Они организуют взаимодействие, упорядочивают поведение индивидов и групп, направляют его в ожидаемое русло и подчиняют формальным установлениям. Символы признания, кроме того, предназначены подтверждать правильность, приемлемость действий индивидов и групп, закреплять формы проявления санкционированной активности.

Распределение знаков признания оказывается важной идентификационной практикой государства. Официально оценивая заслуги граждан, а тем самым и их вклад (равно как и вклад коллективных образований, ведь в СССР, например, орденами награждались колхозы, заводы, институты, города), награждая их знаками отличия и присуждая премии, государство демонстрирует приверженность образцам поведения, которые достойны подражания, заинтересованность в них как способах обеспечения солидарности в обществе, интегрированности в целое, именуемое государством. Распределяя символы, этот институт в лице высших органов власти предстает всевидящим, наблюдающим и оценивающим труд и усердие каждого. И это для него некая самоидентификационная практика.

Награждая орденами и медалями, государство исходит из определенных приоритетов. Их иерархия представлена как в культивируемой идеологии, провозглашаемых программах и целях, так и в скрываемых и не называемых. Со своей стороны индивиды и группы не только пассивно ожидают оценки со стороны государства, но и притязают на символы признания, добиваясь знаков идентичности. Отчасти так

происходит потому, что с некоторыми символами связаны вполне конкретные привилегии и льготы, а обладание символами признания открывает доступ к конкретным благам и возможностям. На государство, следовательно, организуется давление с целью получить признание. Разумеется, группы и организации обладают разной эффективности рычагами воздействия на принимающих решения о награждении. Отслеживание механизмов давления, вероятно, не принадлежит сфере социологического исследования. Достаточно лишь констатировать, что распределение символов признания подвержено коррекции со стороны заинтересованных субъектов.

В количественных и качественных характеристиках распределения орденов и медалей можно обнаружить как бытующие в идеологии и практике стереотипы, так и отклонения от них. Этот, как и любой распределительный процесс, регулируется и нормируется определенными правилами, инструкциями, но и остается весьма чутким к сиюминутным потребностям. Поскольку в Украине практика идентификации символами признания только складывается (первые не особенно массовые награждения орденом Ярослава Мудрого состоялись в 1995 г.), за эмпирическими иллюстрациями обратимся к “Ведомостям Верховного Совета СССР”, в которых помещены сведения о всех награждениях за 1967, 1977, 1987 и 1990 г. Исключим из рассмотрения награды военнослужащих и сотрудников МВД, организаций и иностранных граждан. Все остальные сведения сгруппируем в таблицу. Следует помнить, что в ней представлена информация не о тех, кто был награжден в соответствующем году, а о тех, о ком в этом году были опубликованы сообщения.

В более или менее близкой истории распределения символов уже несуществующим государством отчетливо выделяются два периода: до 1985 г. и после него. До переломной точки количество наград оставалось стабильным; колебания вокруг некоторой квоты были, но без значительных отклонений. В 1985 г. соответствующими решениями политического руководства страны система распределения символов признания урезалась и вводилась в более скромные рамки. И уже в 1987 г. количество награждений составило чуть больше половины награждений 1967 г.

Однако маятник, отклоненный в одну сторону, не был удержан и согласно законам движения прошел бывшую для него длительное время “мертвой” точку. В 1990 г. роздано почти вдвое больше наград, чем в 1967 г. Символы признания тогда распределялись куда более щедрой рукой. Правда, доля высших государственных наград — золотой медали “Серп и молот” и ордена Ленина заметно снизилась. Прирост произошел за счет третьестепенных символов признания: медалей “За трудовую доблесть” и “За трудовое отличие”, которыми награждались преимущественно рабочие и занятые в сельском хозяйстве. Если в 1977 г. из каждого ста награжденных 16 удостоивались звания Героя Социалистического Труда, то в 1990 г. — только 4. Награждения стали

более массовыми, но статус наград снизился: в 1977 г. каждый третий получал одну из двух высших государственных отличий, а в 1990 — лишь каждый одиннадцатый.

Возросшая активность государства и власти в сфере распределения символов признания подлежит интерпретации. В ограничении награждения высшими отличиями легко распознать стремление их ревальвировать, переводя в разряд редких событий. Но столь же неоспоримо стремление сохранить всю разветвленную иерархию знаков признания. В оценке заслуг граждан государство в лице новых политических лидеров призыва 1985 г. заняло вроде бы более жесткую позицию. Одновременно государство подтвердило приверженность ценностям, идеалам и программам, образующим фундамент общественного устройства и легитимизирующим его. Этот социальный институт не собирался отказываться от функции поставлять индивидам и группам материал для самоидентификации, а также для идентификации с государством. Не в последнюю очередь и потому, что символами признания государство отмечает заслуги и лояльность индивидов и групп, но и само предъявляет знаки лояльности к ним и как бы заслуги перед ними. Государство не только подтверждает и укрепляет статус других, идентифицируя признанием, но и демонстрирует свой собственный статус, свою собственную идентичность.

Распределение символов признания вплоть до середины 1991 г. продолжало оставаться средством воздействия на поведение и установки индивидов, средством формирования чувства принадлежности к государственному образованию, интегрированности в него. Однако последующие события показали, что как раз с этой функцией распределение символов признания и не справлялось: вознаграждение символами признания перестало быть (трудно сказать, когда и под влиянием каких обстоятельств) собственно вознаграждением, его содержание выхолостилось, осталась одна форма, степень эксплуатации которой даже повысилась. Напомним, именно во второй половине 80-х годов нарастают кризисные явления в экономике, которым сопутствуют дестабилизация государственной власти, рост амбиций и притязаний региональных политических элит, набирают силу процессы передела власти и собственности.

В подобном контексте деятельность государства по распределению символов признания, то есть данная идентификационная практика, становится символической по преимуществу, мнимой и иллюзорной. Утрачивается связь между направленностью экономических и социальных процессов, общим ходом дел и их оценкой. Экономике начинает лихорадить, но резко возрастает число и доля награжденных за трудовые успехи. Впрочем функциональность символов отчасти сохраняется и в подобной ситуации, ведь многочисленные категории работников и граждан не ответственны за происходящее. Подлинное основание идентификации здесь — не наличие успехов, а отсутствие вины, что и подтверждается распределением символов признания. Последние призваны поддержать чувство общности между государством

и гражданами перед лицом нарастающей дезорганизации социальной и экономической жизни и усилением требований о защищенности групп и слоев.

Колебания в активности распределения символов признания можно интерпретировать по-разному. Возврат к практике массовых наградений вероятно свидетельствовал о готовности вернуться к существовавшему ранее согласию и лояльности (взаимной лояльности) по различным аспектам жизни, поведения, оценок и интерпретации событий, а также подтверждал, что опорой и надеждой государства являются вполне конкретные слои населения: 75% награжденных в 1990 г. работали в сфере материального производства и сельского хозяйства (в 1967 – 40%, в 1977 – 60%, в 1987 – 23%). Сужению рынка потребительских товаров для основной массы населения сопутствовало расширение рынка “потребительского рынка символов”: власть рассчитывала на массовую поддержку и, напомним, получила ее – за сохранение СССР в начале 1991 г. высказалось большинство населения. Однако центробежные тенденции, катализируемые региональными элитами, невозможно было остановить.

Государства, образовавшиеся после распада СССР, наряду со всеми прочими атрибутами суверенности приступили к созданию собственной символики принадлежности и признания. Контроль над индивидами и группами с помощью символических средств – обязательная функция социально-политических образований. Конечно, развитие идентификационных практик такого рода явно не относится к числу приоритетных задач, более существенно отстоять границы, утвердить таможи, добиться участия в международных организациях. Но и отсутствие такой идентификационной практики имеет очевидные издержки – индивиды и группы не особенно отчетливо отождествляют себя с государством.

§7. Производство политических идентичностей

Социальные идентичности представляют собой продукт упорной “работы” индивидов и их объединений: как наблюдаемой и легко отслеживаемой, так и потаенной, как намеренной, так и ненамеренной. В качестве “вещи” общественной в них запечатлена история ее происхождения. Для уяснения особенностей производства социальных идентичностей воспользуемся удачным образом Н. Винера. Он рассказывает, что на каминной доске Института стратегических исследований в Принстоне, который возглавлял А. Эйнштейн, был выбит афоризм: “Господь Бог хитроумен, но не злонамерен”. Иначе говоря, добраться до тайн природы необыкновенно трудно, тем не менее она противится познавательной активности исследователя без всякого злого умысла.

Относительно “природы” социальной, то есть общества в целом и всех его элементов, ничего подобного сказать нельзя. Напротив, в

мире людей многое утаивается и умалчивается как раз с умыслом, безразлично, добрым или злым. И не так уж редко нечто маловероятное или вовсе невероятное может объявляться существующим здесь и теперь просто по прихоти или своеволию, что случается, наверное, чуть ли не в каждой точке пространства внутри- и межгрупповых взаимодействий. Внушение, социальное производство идентичностей, а наряду с этим и едва ли не в большем количестве мнимых идентичностей, псевдоидентичностей, образов и символов, утративших связь с отображаемым и символизируемым, представляют собой пристрастные, ценностно и идеологически ангажированные действия, в ходе которых приостанавливается веберовское требование о свободе от ценностей.

Причем в обществе подлинные и мнимые идентичности не просто сосуществуют, но и вступают в сложные отношения и сочетания. В результате проблематичной становится сама возможность отделить “реальность” от ее интерпретаций, социальный факт от его идеально-символических воспроизведений. Истоки этого, конечно же, не в коварных умыслах социальных агентов, перманентно репродуцирующих закулисное пространство и заботящихся о непроникновении в него посторонних, а в особой, чувственно-сверхчувственной, говоря словами Маркса, природе социальной предметности. Социолог исходит из того, что индивиды и группы воспринимают и интерпретируют ситуации и процессы не только в соответствии с объективными свойствами последних, но и в согласии с культивируемыми в обществе или группе ожиданиями, притязаниями, заблуждениями и стереотипами. И, как давно замечено У.Томасом, если ситуацию они определяют в качестве реальной, столь же реальными признаются и все ее последствия. Поведение индивидов и групп, таким образом, обусловлено не только “реальным” рядом фактов, но и предметно чувственно-сверхчувственного порядка, складывающейся из достаточно произвольного сочетания истины с тем, что признается истинным в данное время и в данном месте или что активные субъекты желали бы утвердить в качестве убедительного и верного.

В этом смысле о социальных идентификациях и идентичностях можно говорить как о феноменах “объективных”. Однако не менее интенсивно индивидуальные, классовые, профессиональные, групповые идентичности творятся деятельностью заинтересованных социальных субъектов: политических лидеров и отдельных политиков, партий, независимых и зависимых экспертов, социологов-профессионалов и социологов-любителей. Представления об идентичности являются обязательным продуктом ее общественного репродуцирования.

Интенсивность их производства особенно велика в сфере политики и возрастает в периоды предвыборных кампаний. Претенденты на открывающиеся вакансии в органах власти активно кроют и перекраивают, фактически структурируют символическое социальное пространство, присваивая имена и значения. По-другому, вероятно, и быть не может, ведь их политические программы должны представлять собой замыслы преобразования существующего порядка. А порядок представлен именно

статусно-символической структурой — утвердившимся результатом организованного и поддерживаемого усилиями институтов, организаций и индивидов распределения между ними важнейших жизненных ресурсов.

Проведенный нами анализ предвыборных программ кандидатов, баллотировавшихся в Верховный Совет в 1994 г. в Киеве, позволил обнаружить, что внушение дефектов социальной структуры, то есть привлечение внимания к патологическим формам идентичности оказывается способом легитимации политических притязаний. Программы фактически транслируют определенную модель понимания и интерпретации наличной ситуации. Убедить обладающих правом голоса в реальности ситуации и неотвратимости ее последствий и означает оправдать собственные политические притязания. Тем самым и социальные идентичности признаются фундаментальным фактом общественной жизни, той, говоря социологическим языком, базисной “независимой переменной”, которая будто бы предопределяет тенденции развития общества и настроения индивидов и групп.

Определяющей характеристикой в предвыборных программах кандидатов признается и объявляется деление на “властвующую элиту” и “народ”, которое приняло патологические формы. Обвинения в адрес прежних депутатов представлены широким спектром вербальных символов — “мафия у власти”, “номенклатура”, “демократы”, “новые гетманы”, “коррупцированная каста”, “теоретики безработицы”, “виновные в ограблении Украины” — и составляют 19% всех высказываний. Сюда же относятся косвенные инвективы относительно привилегий уходить от ответственности за нарушения закона: 5% высказываний требуют равенства всех перед законом, недвусмысленно указывая на властвующую элиту и ее сателлитов как на тех, кто ему не подчиняется и живет по правилам, весьма отличающимся от правил для большинства. Если учесть еще и 6% призывов избрать в новый парламент людей честных, преданных делу Украины и компетентных (прежние парламентарии — легко прочитываемая аллюзия — подобных качеств, понятно, лишены), то доля высказываний о поляризации и противоположности интересов, свойств характера и жизненных устремлений политической элиты, с одной стороны, и массы, с другой, достигнет 30%, а спектр обвинений твердо установится в пределах шкалы, градуированной от “некомпетентности” через “коррупцированность” к “игнорированию” или даже “предательству интересов Украины”.

На тех, кто находится у власти, возлагается и ответственность за внезапно обнаружившуюся и грозящую стать перманентной анемичность государства. Основным социальным институтом общества оказался не в состоянии поддерживать, не говоря уже о повышении, экономической и социальный статус традиционно от него зависимых профессиональных категорий населения: учителей, врачей, военнослужащих, научных работников (6% обещаний обеспечить достойный уровень доходов). Как утверждается во многих программах, государство лишило своей опеки

также категорию нетрудоспособных и социально слабых членов общества — инвалидов, пенсионеров, ветеранов войны и труда, ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС и пострадавших от нее, многодетные семьи, молодые семьи, детей, матерей с маленькими детьми и молодежь (27% прямых высказываний). Иначе говоря, государство в лице правящей политической элиты не идентифицирует перечисленные категории в качестве “зависимых” от него, а значит, и не поддерживает, “деактуализирует” идентичность индивидов, принадлежащих к этим слоям и категориям и продолжающих причислять себя к ним.

Отчуждение власти в пользу узкого круга лиц трактуется как структура, порождающая помимо отказа идентифицировать индивидов и обеспечивать их materially для самоидентификации еще одно фундаментальное деление социального целого. Некоторые программы настойчиво обращают внимание на поляризацию богатства и бедности в виде слоя быстро обогащающихся, обладающих доступом к ограниченным благам и ресурсам и слоя столь же стремительно беднеющих, фактически оказавшихся наедине с собственными проблемами граждан (6% зафиксированных высказываний). Честные, но бедные производители продукции противопоставляются корыстным, несправедными способами обогащающим спекулянтам, торгашам, новоявленным банкирам (6%), а значит, противопоставляются страты людей, обладающих и не обладающих возможностями преуспевать в условиях проводимых в Украине приватизационных мероприятий (3% высказываний).

Активное, в диапазоне от саркастического и язвительного до бранного, использование ярлыков, а то и просто жаргона идентифицирует пребывающих у власти в качестве группы заговорщиков (“паны-демократы”, “товарищи-социалисты” или незамысловатое “злодеи”), а обогатившихся — в качестве спекулянтов и торгашей, дискредитируя их и понижая в статусе. Фактически же они идентифицируются как две разновидности корпоративных сообществ, состоящих из поделивших сферы влияния корпораций, которые четко определили собственные цели и обладают средствами их достижения. Идентифицируются в отличие от основной массы граждан, не вступающей в корпоративные отношения и даже отвергающей практику узурпации власти и богатства.

Здесь следует напомнить, что производство образов социальной идентификации с одновременной их оценкой, привилегия давать имена и определения прежде были прерогативой правящей элиты и ею уполномоченных идеологов. Ныне, посредством выборов, возможность именовать, называть и оценивать, т.е. идентифицировать, оказалась открытой, доступной и привлекательной для очень многих. Известная легкость вступления в предвыборную конкуренцию невольно сообщает всему предприятию игровой, симуляционный характер (политические намерения участников могут оставаться, разумеется, весьма серьезными). Производство разного рода “симулякров” идентичностей и идентификаций сегодня органично вписывается в сценарий избирательной кампании, усиливая наслаждение от обладания властью давать имена.

Борьба классификаций, как об этом говорит П.Бурдьё, естественно сопровождает борьбу за официальную номинацию, за монополию устанавливать “правильную” классификацию и “правильный” порядок. Согласно же еще более традиционным представлениям власть давать имена оказывается властью над тем, кому дается имя, способностью влиять на него, некоей иллюзорной победой над ним. Назвать — значит отчасти уже одержать верх: таков совершенно архаический образец поведения, воспроизводимый современной политической практикой идентификаций. Практикой, которая востребует в украинском обществе 90-х годов доминирующими тенденциями социальной дифференциации и стратификации.

Разумеется, большая часть правил подобной игры в имена, при осознаваемых или неосознаваемых интенциях утвердиться в символической самодеятельности, совсем не произвольна, но следует латентным установлениям длящегося процесса передела ограниченных экономических, политических и социальных ресурсов. Претенденты на кресла в законодательном органе преобразуют латентные установления в видимые посредством названия, выступая “за” народ и “против” отправляющих власть, “за” ущемленных и отвергнутых государством, честных и законопослушных и “против” вожделеющих, которым законы не писаны, преуспевающих и цинично манкирующих интересами державы. Они, таков акцент, по одну сторону с обделенным большинством и против корпораций. Именно на занимаемом этим большинством статусно-символическом пространстве кандидаты в новую политическую элиту развивают с ним дискурс, направленный на достижение взаимосогласованных определений социальных идентичностей. Адресная апелляция к массе (политически, экономически и социально униженных и оскорбленных (позитивное упоминание предпринимательских слоев составило всего лишь 3%), постоянное обращение к “крепким” выражениям предписаны политической рациональностью и ее основной целью: расшевелить избирателей и подвигнуть их на устранение враждебной им властвующей элиты.

Производство образов социальной структуры — это процесс идентификации конкретных социальных слоев и групп и одновременно производство способов их идентификации другими. В данном случае — электоратом в политической кампании. В результате социальное пространство обретает ту степень неоднородности, стратифицированности, впечатление от которой должно побудить избирателей отдать голоса за тех, кто вызывается устранить дефекты социальной структуры. Кроме того, предлагаемые массовому сознанию идентичности в известной мере соответствуют индивидуальному и групповому повседневному опыту значительной части населения, их собственным практикам идентификации и попыткам объяснить происходящее с ними и вокруг них. К тому же, актуальная структуризация социального мира неоднократно предьявляется в средствах массовой коммуникации и воспринимается реципиентами.

Многие из притязающих сегодня на власть предупреждают, употребляя термины дуальной классификации Леви-Строса, о набирающем темп “охлаждении” украинского общества, переходе его в состояние, в котором будут доминировать традиционные, во многом анахроничные механизмы социального воспроизводства. Застывать и окостеневать в неразрешимых и напряженных оппозициях – вот реальная перспектива и судьба такого общества. При этом совершенно безразличен социально-политический идеал, витающий в представлении авторов программ: тоталитарно-распределительного или рыночно-производительного общества. Угроза окончательного перехода в разряд “холодных” обществ предьявляется электрорату со стороны носителей различных политических убеждений и идеалов. Очевидные искривления социального пространства порождают – слышатся предупреждения со всех сторон – структурные напряжения, чреватые конфликтами с разрушительными или плохо предсказуемыми исходами.

И здесь перед нами очередной “симулякр” – по нашему мнению, происходит нечто противоположное, некий “разогрев” украинского общества. Но он, как утверждалось в главе 2, сопровождается реанимацией исторически изживших себя, рудиментарных форм объединений индивидов для получения доступа к дефицитным ресурсам, обращением ко столь же архаичным моделям конкуренции, их перемещением, как уже отмечалось выше, к жизненно важным центрам социума. Дело в том, что распаду некогда единого социально-политического тела, каковым являлся СССР, сопутствовали выброс физической, интеллектуальной, эмоциональной энергии и одновременно высвобождение энергии экономических, социальных, престижных притязаний и вожделий. Движение мощных энергетических потоков, в свою очередь, сопровождается образованием обширных “вакуумных зон”, а также зон “высокого давления”, взаимно дистанцированных и даже изолированных. В зонах “высокого давления” действуют корпорации, здесь поддерживаются и воспроизводятся идентичности коллективного порядка. В зонах же “низкого давления” доминируют тенденции деидентификации.

Впрочем и симулякроподобному предостережению об “охлаждении” рядовой избиратель в массе своей не внял. После неоднократных перевыборов, в том числе и на исходе 1995 г., в Киеве была избрана лишь треть из полагающегося количества депутатов. Причем в большинстве случаев выборы не состоялись ввиду неявки обладающих правом голоса. Обеспокоенность притязающих на власть, их выставленная напоказ готовность взять на себя ответственность и выправить еще не безнадежное положение натолкнулись на равнодушие или невозмутимость избирателей и не смогли их преодолеть. Внесение корректив в ход политической и повседневной жизни население Киева отложило на неопределенный срок, как бы не разделив тревогу кандидатов в депутаты по поводу собственного будущего и будущего государства.

Именно политический абсентеизм требует истолкования.

Маловероятно, чтобы он полностью объяснялся усталостью или апатичностью избирателей, раздражением от неутешительной картины социальной стратификации, отвержением средств идентификации слоев и групп, упорно навязываемых претендентами на власть, средствами массовой коммуникации и социологами, неудачными сроками выборов или кознями компетентных манипуляторов, сделавших ставку на срыв возможности политического волеизъявления. Следует допустить существование и влияние факторов, связанных с некоторыми общими правилами размежевания (но и взаимного притяжения) сферы политической и сферы приватной, сферы жестко структурированных предписаний и индивидуального жизненного мира, пытающегося отстоять суверенность и не допустить вмешательства. Пожалуй, именно об этом свидетельствует неэффективная практика идентификаций в политических кампаниях на территории столицы Украины.

§8. Регионализация идентификационных практик в Украине

Культурная и социально-экономическая неоднородность Украины – продукт многовековой работы истории. Постепенно сложились и относительно длительный период сосуществовали вне суверенной государственности как бы две Украины: западный регион (Галичина) с его географическим и политическим вовлечением в орбиту сопредельных стран, а также восточный регион, испытывавший мощное культурное и политическое влияние со стороны России. В каждом из регионов, входивших в состав разных государственно-политических образований, складывались весьма различные представления о “подлинном” и “мнимом” украинстве, о подлинном и мнимом носителе традиций и национальной памяти.

Однако лишь после провозглашения Украиной независимости эти, прежде замалчивавшиеся или же являвшиеся объектом сугубо академического интереса, различия обретают политическую форму и обсуждаются в средствах массовой коммуникации столь же пристрастно и горячо, как прежде обсуждались в межличностном общении. Довольно быстро обнаружили близкие к противоположным политические приверженности и предпочтения в регионах, что нашло свое отражение в итогах выборов в Верховный Совет, а также выборов второго президента. Причем традиционная картина регионализации была дополнена новыми штрихами: на особый статус ныне претендует и Крым, возобновивший или восстановивший свою автономию в составе страны.

Ситуация ныне такова, что более или менее серьезные начинания в экономической и политической сферах имеют шанс на успех лишь в том случае, если получают признание и будут поддержаны большинством в различных регионах, если это большинство идентифицирует их в качестве “своих”. Созидательная работа по утверждению демократического, экономически развитого общества требует сегодня от политиков не столько разделять, чтобы властвовать, сколько сплачивать во имя

будущего. Разумеется, не стоит всерьез рассчитывать, будто политики станут поступать именно таким образом: “разделять” было и остается их основным ремеслом. Но, быть может, стоит полагать, что чем больше будет достоверной информации о региональных отличиях в оценках современной экономической и социально-политической ситуации, тем вероятнее, что она кому-то понадобится.

В основу данного параграфа положены результаты опроса населения Донецка, Киева, Львова и Симферополя, проведенного центром “Демократические инициативы” с 28 апреля по 10 мая 1995 г. Выборка, численностью примерно в 400 человек, репрезентативна в отношении каждого города. Столица Украины и три областных центра как бы “представляют” регионы, но, конечно же, не репрезентируют их в строгом социологическом смысле слова. Объемы выборок не позволяют проводить сравнение оценок и мнений в половозрастном или статусном аспектах. Трудно ожидать, чтобы на столь малых подвыборках обнаружились статистически значимые отличия. Ведь даже для населения названных городов в целом (исключительно к нему мы и будем в дальнейшем апеллировать) статистически значимыми на принятом в социологии 5% уровне будут не менее чем 7% отличий в выборе альтернатив ответов. Причем в фокусе нашего внимания будет главным образом то, по каким предметам и проблемам отличаются мнения и оценки населения городов, в которых проводился опрос.

Вместе с тем заведомо, не проводя опросов, следует быть уверенным в одном: в каком бы регионе индивиды ни проживали, какой бы национальности они ни были, на каком бы языке ни говорили – всем им присуще стремление к благополучию, к уверенности в завтрашнем дне, к стабильной и безопасной жизни. Словом, гораздо больше целей являются для индивидов общими в сравнении с теми, в отношении которых они не приходят к согласию. Но вот средства достижения общих целей они могут предлагать и действительно предлагают зачастую заметно отличающиеся.

1 декабря 1991 г. 9/10 населения Украины высказалось за независимость и суверенитет Украины. С социологической точки зрения это означает, что подавляющее большинство недвусмысленно заявило о своей политической воле: расстаться с прежней институциональной идентичностью, то есть гражданской принадлежностью к государству СССР, и обрести новую идентичность с новым же государством Украина. Однако идентичность, особенно идентичность с государством, никак не причислить к разряду вещей обыденных и повседневных. Ее конституируют память, особо значимые события, ритуалы, праздники, разнообразные символы (государственные награды, к примеру, звания, привилегии и льготы). С идентичностью не расстаются, но ее и не обретают, опуская в урну бюллетень с отчеркнутым ответом.

Разумеется, новое государство должно сложиться не только как единое территориально-политическое тело. Границы, таможи, флаг и гимн, членство в международных организациях несомненно важны. Но у

независимости и государственности есть множество не столь формальных и очевидных признаков, ориентируясь на которые политические деятели других стран, население данной страны оценивают достигнутую степень суверенности, подтверждают или оспаривают ее. Так, в Симферополе, скажем, лишь 19% ответивших уверены, что Украина является действительно независимым государством (в трех остальных городах примерно каждый третий), а 58% уверены в обратном, как и половина опрошенных в двух областных центрах и в столице. Во всех регионах, как видим, оценка довольно скептическая, но население столицы Крымской автономии наиболее радикально.

Здесь же, а также в Донецке, половина опрошенных не верит в будущее Украины как независимой державы, тогда как в Киеве и Львове подобным образом думает лишь каждый пятый, а практически 2/3 населения настроено оптимистически. Однако к населению Украины себя относят (идентифицируют) 75% опрошенных во Львове, 65% в Киеве, 30% в Донецке и 12% в Симферополе (все различия статистически значимы). И напротив, к населению бывшего Советского Союза себя относит каждый третий опрошенный на юге и востоке, но лишь примерно каждый десятый на западе и в центре. Идентификация с регионом отчетливо выражена респондентами в Крыму (38%), она же характерна для жителей Донецка (20%) и невыразительна в двух оставшихся городах – по 8%. Региональная идентичность на юге и востоке для многих как бы компенсирует утраченную и пока еще не обретенную государственную идентичность.

Политическая воля к обретению новой идентичности, есть основания заключить, у многих оказалась ситуативной. Спустя четыре года после 1 декабря 1991 г., с грузом не особенно обнадеживающего опыта противостояния тенденциям деактуализации идентичности складывающимся социально-политическим контекстом и обретенным опытом переживания личностной сверхактуализации идентичности, лишь каждый седьмой в Симферополе, каждый четвертый в Донецке поддержал бы предложение о суверенитете, то есть об отказе от прежней идентичности. Однако 80% во Львове и каждые двое из трех в Киеве, невзирая на несколько декоративную и иллюзорную независимость, в которой они отдают себе отчет, а также вопреки неприглядной социальной и политической ситуации вновь бы высказались за независимость Украины, случись референдум весной 1995 г.

Итак, мы видим, как довольно критическая оценка достигнутой степени независимости тем не менее сопровождается уверенной идентификацией на западе и в столице, но сомневающейся, колеблющейся (вплоть до практически массового отрицания) идентификацией с государством на юге и востоке. Причем неуверенная идентификация сопровождается ощущением пребывания в “чужом доме”, не у себя. Дефицит возможности гордиться успехами своей страны гораздо более остро переживается на востоке и юге, чем на западе и в центре. О наличии подобного дефицита заявили 72% опрошенных в Донецке,

65 – в Симферополе, 57 – во Львове и 53% в Киеве.

В поисках утраченной идентичности одни обращаются к будущему, а другие, вероятно, к идеализируемому прошлому. Одни, причисляя себя к Украине и в отсутствие государственности, продолжают следовать этому и в условиях ущербной и относительной независимости. Другие реанимируют прежние критерии идентификации или же отыскивают новые, отчетливо региональные и местные.

Половина респондентов в Донецке и 55% в Симферополе признались, что им не хватает того общества, которое было до перестройки. Но во Львове лишь каждый пятый обладает столь же живыми воспоминаниями, а в Киеве 29%. На востоке и юге каждый второй опрошенный сетует на нехватку умений жить в новых экономических и социальных условиях. Во Львове и Киеве аналогичную точку зрения также высказали многие: 40 и 37% соответственно. Но это статистически значимо меньше, что и указывает на неслучайность различий.

Пожалуй, во всех регионах Украины люди испытывают ощущение нехватки в отношении одного и того же. Они находятся в кризисной и неблагоприятной ситуации. Отсюда схожесть в перечне дефицитов и в их иерархии, выстроенной в зависимости от субъективно оцениваемого расхождения между потребностью в конкретном благе и мерой его удовлетворения. Региональная специфика обнаруживает себя в структуре предпочтений конкретных благ, складывающейся в зависимости от исторических, географических, социально-экономических реалий. В Донецке, например, значимо большая доля индивидов в сравнении со Львовом ощущает недостаток возможностей подрабатывать, умений жить в новых условиях. В сравнении с Киевом в Донецке меньше возможностей приобретать необходимые товары, получать квалифицированную юридическую помощь. Гордость же за успехи своей страны более значима для донетчан и симферопольцев. В Донецке интенсивнее востребуется уверенность в будущем и необходимость соблюдения прав человека. В сравнении с Киевом здесь статистически значимо большая доля респондентов (при равенстве рангов) не удовлетворена возможностями питаться, как они хотели бы, а также обеспокоена состоянием природной среды. А возможности проводить полноценно отпуск более значимы для жителей Львова и Киева, чем Симферополя. В столице автономной республики острее ощущают нехватку руководителей, способных эффективно управлять страной (пятое место в иерархии, но об этом заявили каждые три из четырех опрошенных, что значимо больше, чем в других городах).

И все же при всех названных отличиях восприятие ситуации во всех регионах имеет общий знаменатель. Наиболее ценным и востребуемым благом всюду оказывается, если говорить обобщенно, безопасность. Подавляющее большинство респондентов в четырех городах обеспокоено состоянием окружающей среды и востребует защиты от неблагоприятных последствий ее прогрессирующего загрязнения и деградации.

Вторым по значимости дефицитным ресурсом является государственная

защита от снижения уровня жизни. Повсеместное ожидание защиты со стороны государства фактически означает, что население надеется на изменение политики государства в отношении собственных граждан: последнее не подтверждает их идентичность в качестве граждан. Поскольку не население и не отдельные предприятия ответственны за обесценивание идентичностей, то теперь именно государство, убеждены респонденты, вроде бы обязано позаботиться о восстановлении или хотя бы частичной компенсации нанесенного индивидам ущерба.

Тем не менее у опрошенных нет уверенности в том, что все случится именно так. Настоятельная потребность в материально-статусной безопасности и идентичности вряд ли будет удовлетворена в ближайшей или более отдаленной перспективе. Так, значительная часть населения осознает реальность угрозы безработицы в результате всей совокупности социально-экономических обстоятельств, связанных как с проведением реформ, так и с промедлением в их осуществлении. Утвердительно на вопрос о реальности угрозы стать безработным ответили 43% опрошенных в Донецке, 38 – во Львове, 31 – в Киеве и 25% в Симферополе.

Можно лишь догадываться (в проведенном исследовании подобные цели не ставились), в какой мере данное обстоятельство дестабилизирует внутренний мир индивидов, повышает их тревожность. Для подавляющего большинства населения безработица является феноменом абсолютно новым, ранее невиданным. В опыте и социальных групп, и отдельных индивидов отсутствуют навыки и устойчивые образцы поведения в подобной ситуации, как и готовность и склонность менять профессию или переучиваться. И если не рост тревожности, то чувство неадекватности ситуации привычным ожиданиям, ощущение утраты идентичности несомненно возникают.

Не только профессиональная, но и повседневная жизнь проходит под знаком постоянной угрозы. Защита от преступности, как уголовной, так и экономической, защита от посягательств лиц, групп и организаций на минимум потребительских благ, находящихся в распоряжении граждан, от посягательств на честь, достоинство и жизнь – вот что востребуется практически всеми. В Симферополе это благо возглавляет ранжированный ряд, во Львове – следует за экологической безопасностью, в Киеве и Донецке оно третье по значимости. Столь массовое ожидание покровительства и попечительства мы вправе прочитывать не как извечную склонность и привычку к патернализму, к опеке со стороны государства, но скорее как осознание и вербализацию высокой степени незащитности перед окружающими, в том числе и перед государством. Такое осознание, по всей видимости, является неотъемлемым компонентом повседневных взаимодействий между людьми, между людьми и организациями, а также неустранимым фоном межличностных коммуникаций, поддерживаемым сообщениями печати и телевидения. Милиции значительная часть населения доверяет, но три четверти опрошенных во Львове и Донецке, 72% в Симферополе, чуть менее – 66% в Киеве совершенно не удовлетворяет состояние борьбы

с преступностью.

И, наконец, еще одно дефицитнейшее благо — продукты питания, соответствующие как традиционным, так и вновь приобретенным привычкам и наклонностям. Здесь мы имеем дело с угрозой нормальному воспроизводству жизненных сил. Если к этому присовокупить невозможность нормально провести отпуск и отдохнуть (пятое место в ранжированном ряду во Львове и Киеве), что означает невозможность полноценно восстановить растрченную энергию, то постепенно накапливающаяся усталость становится фактором, перманентно разрушающим структуры повседневности.

Причем рынок продуктов питания, как отечественного производства, так и импортных, в сегодняшней Украине довольно разнообразен. Уже сам по себе он является условием формирования новых потребностей в конкретных продуктах. Однако для многих они остаются недоступными вследствие низких доходов и общего снижения уровня материальной обеспеченности. Расхождение между желаниями, наклонностями, потребностями или же настоятельной необходимостью, как в случае Донецка (где 82% опрошенных испытывают нехватку продуктов питания), питаться в соответствии с собственным вкусом или воспринятыми образцами, с одной стороны, и наличными средствами удовлетворения данной потребности, с другой, характерно для самых разных профессиональных групп и слоев населения.

Итак, четыре из десяти востребуемых дефицитов напрямую связаны с обеспечением личной безопасности в двух важнейших аспектах: биологическом и социальном. Наши респонденты испытывают тревогу в связи с состоянием окружающей природной и социальной среды. Природная среда все меньше пригодна для жизни и угрожает биологическим основам существования. Социальная среда также враждебна по отношению к отдельной личности, поскольку, по мнению населения, отсутствуют институциональные гарантии права на жизнь и личную неприкосновенность — именно это право, кстати, возглавляет ранговую иерархию востребуемых ценностей. Кризис в обществе, так мы, вероятно, вправе интерпретировать суждения опрошенных, проявляется в критическом понижении уровня обеспеченности личной безопасности, в формировании широко распространенного ощущения незащитности перед лицом откровенно недружелюбных и к тому же могущественных природных и общественных сил. Жизнь в сегодняшней Украине — это жизнь в обществе, не отвечающем чаяниям и надеждам индивидов, да и просто в небезопасном.

Анкета опроса содержала также 15 вопросов о степени значимости для респондента различных прав и свобод. Вполне естественно, что некоторые из них значимы для всех людей, независимо от вероисповедания, национальности, а тем более от региона проживания. В нашем опросе таковыми оказались право владеть имуществом — очень значимо для примерно 80% опрошенных во всех четырех городах; право на достойный уровень жизни — значимо практически для всех опрошенных; право

на отдых; право на бесплатное медицинское обслуживание — значимо для около 80% в трех городах и является статистически значимым для Донецка, где это право особенно ценят 89% респондентов.

Аутсайдерами в предложенном перечне прав оказались право на забастовки и право на участие в управлении государством. Лишь для каждого четвертого во Львове и Донецке, для каждого пятого в Киеве и для каждого девятого в Симферополе очень значимым является право на забастовку (отличия на уровне 5%). О своей сильной приверженности праву принимать участие в управлении государством заявили 41% во Львове, 33 — в Донецке, 23 — в Киеве и 17% в Симферополе (все отличия значимы).

Кроме того, общим для всех регионов является высокая ценность индивидуальных прав и свобод и относительно низкая ценность коллективных способов их обеспечения посредством влияния на принятие управленческих решений, использования легальных форм выражения протеста и несогласия в виде манифестаций и забастовок, а также создания независимых профсоюзов, способных отстаивать интересы разных групп населения. В этом мы можем усматривать проявление далеко зашедшей дифференциации сферы приватной жизни, с одной стороны, и сферы публичной, совместной жизни, с другой. В мире повседневного существования основные права и свободы продолжают почитаться (весьма правдоподобно, ввиду их глубокой дефицитности), но возможности коллективного противодействия, возможности влиять на политические и экономические процессы не принадлежат, по мнению опрошенных, к особенно значимым. Забастовки явно отнесены к крайним, “последним” средствам воздействия на государство, лишь особые обстоятельства могут вынудить прибегнуть к ним. Так и случилось в 1996 г. Шахтеры Донбасса объявили в феврале забастовку в знак протеста против трехмесячной, с октября 1995 г., невыплаты заработанных денег, а затем повторили ее в июле.

Региональные особенности идентификации репрезентированы двумя основными тенденциями. Во-первых, Львов представляет собой регион с высокой приверженностью к общепризнанным правам и свободам. Здесь не склонны резко противопоставлять права личности и совместные способы их обеспечения: для 2/5 очень значимо участие в управлении государством, что в два раза больше, чем в Киеве. 10 из 15 предложенных в списке прав и свобод очень значимы более чем для 75% опрошенных, тогда как в Симферополе 7%, а в Киеве и Донецке по 6%. Едва ли не контрастом Львову предстает Симферополь, где доля убежденных приверженцев основных прав и свобод относительно низка, а в трех случаях не превышает 17%. Именно последнее указывает на присущее массовому сознанию представление о дистанцированности Крыма от остальной Украины, о легитимности движения к отдельному и самодостаточному существованию, а, вероятно, и на представление об оправданном и обоснованном изоляционизме, в основе которого — низкая степень идентификации с населением страны.

Примечательно, что позиция киевлян в отношении прав и свобод близка позиции жителей Симферополя. Но очевидно, что она обусловлена совсем иными факторами. В Киеве, по данным опроса, довольно уверенная идентификация с Украиной и ее населением. Отсюда следует, что столь же низкая в Киеве оценка права участия в управлении, права на забастовку, как и у населения Симферополя, имеет своим источником не столько отчуждение от государства как социального института, сколько отчуждение от власти, концентрация которой в столице особенно высока. Сосредоточенность на собственных проблемах и относительно равнодушные к делам общим характеризуют ориентации жителей столицы. На первый взгляд в них следует заметить заметно больших индивидуалистов, чем в населении западного региона, традиционно известного индивидуалистическими установками. Но, быть может, вернее говорить о целенаправленной концентрации на пространстве собственного жизненного мира и культивировании безразличия к событиям и фактам мира политики, а также равнодушия к правилам, которым подчиняется здесь протекание процессов. По крайней мере, массовое неучастие в выборах в Верховный Совет, неотзывчивость на предлагаемую политическую идентификацию косвенно подтверждают данное предположение.

Налицо определенная контрастность между западом, с одной стороны, центром и югом, с другой. Однако вектор напряжения в поле гуманитарных и общечеловеческих ценностей задается все же оппозицией “запад – восток”. Именно на востоке наблюдается хотя и уступающая западу, но значительно более высокая, чем в центре и на юге, приверженность свободам и правам. Причем нередко их интерпретация на западе и на востоке оказывается противоположной по содержанию. Скажем, право на свободу слова трактуется как право на свободу слова на разных языках. На вопрос о необходимости предоставления русскому языку статуса официального в Украине утвердительно ответили 76% опрошенных в Донецке и 21% во Львове.

Ценность свободы признается в обоих регионах. Но если во Львове доминирует убеждение, что свободы в обществе заметно прибавило и ее стало больше, то на востоке ощущения несколько иные. По мнению 59% респондентов во Львове в последние 10 лет уровень свободы в обществе повысился, 53% респондентов говорят о значительном увеличении возможностей национальной самореализации человека. В Донецке аналогичное мнение разделяют соответственно лишь 30 и 22% респондентов, тогда как каждый третий убежден в понижении уровня свободы, а каждый четвертый – в сужении возможностей национальной самореализации. Каждый третий в Донецке безусловно негативно оценивает период так называемой перестройки, тогда как во Львове – лишь 14%.

Иначе говоря, приверженность основным правам и свободам во Львове сформировалась на позитивной в целом трактовке происшедшего в последние годы, а в Донецке – на фоне отрицательной оценки. На западе

преобладает ощущение прироста свободы и расширения возможностей, на востоке же — ощущение их прогрессирующего дефицита. Вот еще одна фактическая иллюстрация.

Респондентам было задано сорок вопросов о том, в чем и в какой степени они ощущают нехватку. Девять “дефицитов” оказались общими для всех четырех городов, но имелись и примечательные отличия в значимости конкретных дефицитов. В Донецке и Симферополе заметно интенсивнее востребовалась уверенность в будущем — 72 и 67% опрошенных заявили, что им ее не хватает, против 64 и 62% во Львове и Киеве. Более остро на востоке и юге не хватало и возможности гордиться успехами своей страны (72 и 65% против 57 во Львове и 53% в Киеве). Один из “дефицитов” оказался специфичным для востока. В Донецке 62% респондентов сослались на дефицит соблюдения прав человека, тогда как во Львове, Киеве и Симферополе этому ограниченному ресурсу решительно предпочли иной — модную и красивую одежду. Политических же свобод не хватает 33% опрошенных в Симферополе, 28% в Донецке, 18% в Киеве и во Львове. В двух последних городах две трети опрошенных не испытывают затруднений с приобщением к национальной культуре, в Донецке же и в Симферополе так считают значительно меньше респондентов (45 и 41% соответственно), чем на западе и в центре. Данные наблюдения и дали нам возможность считать вектор “запад — восток” основным вектором размежевания идентификационных практик.

Приводимые в данном параграфе материалы впервые опубликованы в бюллетене Фонда “Демократичні ініціативи” “Політичний портрет України”, № 18 за 1995 год.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Привычно и естественно говорить о том, что общество “живет”. Что бы при этом конкретно ни подразумевалось, существенно всегда только одно: жизнь общества есть непрерывный и неустанный процесс производства и воспроизводства прежних, а также новых отличий между отдельными людьми, группами людей, организациями или социальными институтами. Социологи в подобном случае употребляют термины “стратификация”, “дифференциация” или же “структурация”, имея в виду действия различных социальных субъектов по проведению разграничений и установлению иерархий. Мы назвали подобные действия социальными идентификациями, а их результаты — социальными идентичностями. Тогда и социальная структура предстала как совокупность идентификационных практик и идентичностей. Если общества чем и отличны друг от друга, так это тем, какие разделения в нем успешно проведены, а какие провести не удается несмотря на декларации, устремления, а также публичную демонстрацию воли и решимости. Иначе говоря, они отличаются содержанием идентификационных практик — практик реального и символического размещения разных субъектов в социальном пространстве.

Во второй половине 90-х годов, как представляется, становится совершенно очевидным, что случившееся в их начале не поддается более или менее адекватному описанию и объяснению в терминах изменения, или трансформации, социальной структуры. Необычность, а, может быть, даже и неожиданность ситуации состояла в том, что обретшие политический суверенитет территориальные образования (и Украина в том числе) оказались перед необходимостью конструировать институциональные, ценностные и нормативные порядки как бы заново, из материала и проектов, которые предоставлены отечественной и зарубежной историей. И преуспели в этой работе по-разному. В Украине и материал, и проекты оказались особого свойства.

Так, социальные институты тут если и унаследованы, то в какой-то чисто внешней, необязательной форме: они вроде бы и наличны, но как-то ненавязчиво, не в духе собственно социальных институтов, естественно порождая сознание проблематичности их существования. Уже достаточно давний тезис Э.Гидденса о виртуальном присутствии социальных институтов внезапно обрел для жителей Украины чувственную очевидность. И действительно, люди при оружии в стране вроде бы есть, но вот армия ли это в социологическом, да и в политическом смысле, сомневаются очень многие. И государство вроде бы есть, но в повседневной жизни индивиды не находят его там, где

привыкли и ожидают находить — имеется ли в виду выплата заработной платы и пенсий, социальная защита инвалидов, борьба с преступностью, система коммуникаций в стране: “невидимая рука” институтов вроде бы презрела свои обязанности.

Ощущение “беспорядка”, охватившее самые разные слои, нуждается, естественно, в осмыслении. Было бы поспешным признавать его более или менее адекватным отражением “действительности”, которая тем или иным образом, но всегда упорядочена. Подобное ощущение во многом проистекает из неузнаваемости новых реалий, их отвержения, неумения к ним приспособиться, а у тех, кто к ним приспособился, — зачастую из их непризнания, отказа в легитимности. Можно сказать, что многие обнаружили внезапное исчезновение опоры — во вне и в самих себе. В отсутствие институциональных скреп, кроме того, нечто непредвиденное начинает происходить с личностными и групповыми идентичностями, т.е. как с легитимными приемами и способами соотношения себя с институтами и статусами, так и с социально признанной и лично приемлемой принадлежностью к ним. Такие практики и идентичности слабеют или даже полностью растворяются в эфире сбывшихся, а наряду с ними и неоправдавшихся индивидуальных и коллективных устремлений, в равной мере лишенных устойчивых институциональных ориентиров. Виртуальное, а потому никак не результирующееся в эффективных практических действиях присутствие институтов сопровождается, следовательно, проблематизацией индивидуальных и групповых идентичностей (профессиональных и статусных, прежде всего), причем обе тенденции вступают в сложные отношения дополнительности, взаимной компенсации или же взаимного усиления. Индивиды, группы, организации и институты предпринимают попытки обрести новые идентичности и развить, а также навязать новые идентификационные практики или, напротив, реставрировать и отстоять утрачиваемые. Этими своими интенциями и практическими действиями они создают реальный ценностный, нормативный и институциональный порядок, порядок фактически устанавливаемых идентичностей. Свою версию происходящего в отдельных фрагментах социального целого мы и представили на страницах этой книги.

ЛИТЕРАТУРА

Предисловие

1. Полохало В. Політичний процес і політична еліта // Політична думка. — 1993. — № 1. — С. 12.
2. Волович В., Макеєв С. Соціальна стратифікація і політика // Там само. — С. 15 — 16.
3. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — №3. — С.35-52.

Глава 1

1. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — № 3. — С.35-52.
2. Словник іншомовних слів. — К.: Гол. редакція УРЕ АН УРСР, 1974.
3. Философский словарь. — М. : Политиздат, 1987. — С.157.
4. Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М.Гвишиани, Н.И.Лапина. — М.: Политиздат, 1989. — С.80.
5. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. — М.: Политиздат, 1985. — 431с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — С. 368.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
8. Хессле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности //Вопр. философии. — 1994. — № 10. — С.112-123.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — 511 с.
10. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. — М.: Знание, 1978. — С.205.
11. Вебер М. Избранные произведения. — М.:Прогресс,1990. — 805с.
12. Маркс К. Нищета философии. — М.: Политиздат, 1987. — 187 с.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс. Ф. — Собр. соч. — Т. 42. — С. 42-174.
14. Энгельс Ф. К.Шмидту 27.11.1890 // Там же. — Т.37. — С.415-419.
15. Энгельс Ф. П.Л.Лаврову 12.11.1875 // Там же. — Т.34. — С.133-138.
16. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
17. Соловьев Вл. Смысл любви. — К.: Либідь, 1991. — 64 с.
18. Философия любви. Антология любви. Ч. 2. — М.: Политиздат, 1990. — 605 с.
19. Шарден Тейяр де. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — С.208-211.
20. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии

- // Соц. исследования. — 1984. — № 2. — С.170-178.
21. Тернер Дж. Структура социологической теории. — М.: Прогресс, 1985. — 471 с.
 22. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — С.173-179.
 23. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. — М.: Республика, 1992. — 448 с.
 24. Хорни К. Культура и невроз // Психология личности. Тексты. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — С.97-105.
 25. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — С.97-105.
 26. Шердаков В.Н. Этика и социальная психология // Вопр. философии. — 1982. — № 5. — С.120-127.
 27. Kohn M.L. Social Structure and Personality: A Quintessentially Sociological Approach To Social Psychology // Social Forces . Vol. 68. — 1989. -Sept. — N 1. — P. 26-33.
 28. Роменець В.А. Історія психології Стародавнього Світу і Середніх віків. — К.: Вища шк., 1983. — 415 с.
 29. Ньюком Т. Исследование согласия// Социология сегодня. Проблемы и перспективы . Американская буржуазная социология XX века. — М.: Прогресс, 1965. — С.323-339.
 30. Tuch St.A. Urbanism, Region, and Tolerance Revisited: The Case of Racial Prejudice // American Sociological Review. Vol.52. — 1987. — August . — № 4. — P. 504-511.
 31. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. — К.: Абрис, 1994. — 168 с.
 32. Long G.L. Organizations and Identity: Obituaries 1856-1972 //Social Forces. Vol.65. -1987. — June. — № 4. — P. 964-1001.
 33. Denton N.A., Massey D.S. Racial Identity among Caribbean Hispanics: The Effect of Double Minority Status on Residential Segregation // American Sociological Review. Vol.54. — 1989.- October. — № 5. — P. 790-808.
 34. Huges M., Demo D.H. Self-Perception of Black Americans: Self-Esteem and Personal Efficacy // American Journal of Sociology. Vol.95. — 1989. — July. — № 1. — P.132-159.
 35. Della Fave R. The Meek Shall Not Inherit The Earth: Self-Evaluation And The Legitimacy of Stratification // American Sociological Review. Vol.45. — 1980. — December. — № 6. — P. 955-971.
 36. Simpson I.H., Stark D., Jackson R.A. Class Identification Processes of Married, Working Men and Women // American Sociological Review. Vol.53. — 1988. — April. — № 2. — P. 284-293.
 37. Davis N.J., Robinson R.V. Class Identification of Men and Women in the 1970s and 1980s. // American Sociological Review. Vol.53. — 1988. — February. — № 1. — P. 103-112.
 38. Волков И.П. Распределение поведенческих образцов в структурах

- межличностного общения // Человек и общество. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. — Вып.4. — С.56-66
39. Волков И.П. Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. — 88 с.
 40. Кривуля А.М. Малые группы и социальная структура // Вопр. философии и социологии. — 1973. — Вып.4. — С. 78-84.
 41. Кроник А.А. Межличностное оценивание в малых группах. — К.: Наук. думка, 1982. — 159 с.
 42. Паниотто В.И. Социометрические методы изучения малых социальных групп // Соц. исследования. — 1976. — № 3. — С. 141-152.
 43. Паниотто В.И. Структура межличностных отношений. — К.: Наук. думка, 1975. — 127 с.
 44. Миллз Т. О социологии малых групп // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. — М.: Прогресс, 1972. — С. 82-92.
 45. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Соц. исследования. — 1992. — № 3. — С. 104-114.
 46. Портянкин Б.Ф. Размышления о микро- и макросоциологии // Соц. исследования. — 1992. — № 1. — С. 116-118.
 47. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1976. — С. 253-382.
 48. Батыгин Г.С. Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация // Соц. исследования. — 1980. — № 4. — С. 96-102.
 49. Русина Н.А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопр. психологии. — 1981. — № 5. — С. 96-105.
 50. Eagly A.H., Kite M.E. Are Stereotypes of Nationalities Applied to Both Women and Men? // Journal of Personality and Social Psychology. Vol.53. — 1987. — September. — № 3. — P. 451-462.
 51. Andersen S.M., Klatzky R.L. Traits and Social Stereotypes: Levels of Categorization in Person Perception // Journal of Personality and Social Psychology. Vol.53. — 1987. — August. — № 2. — P. 235-246.
 52. Мансуров В.А. Из истории американской социологии средств массовой коммуникации // Из истории буржуазной социологии XIX-XX веков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — С. 113-134.
 53. Андреев Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. — 170 с.
 54. Ильенков Э.В. Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — 464 с.
 55. Головаха Є.І., Паніна Н.В. Кола спілкування та рівні розуміння // Філософ. і соціологічна думка. — 1989. — № 3. — С. 102-109.
 56. Бодалев А.А. Общение и формирование личности // Вопр. психологии познания людьми друг друга и общения. — Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 1978. — Кн.2. — С. 3-12.
 57. Parsons T. Prolegomena to a Theory of Social Institutions // American

- Sociological Review. Vol.55. — 1990. — June. — № 3. — P. 319-333.
58. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного познания. — М.: Педагогика, 1981. — С. 92-122.
 59. Український Я.І. Про етапи і рівні процесу ідентифікації // Вісник Київ. ун-ту. — К.: Вища шк., 1982. — № 14. — С. 61-65.
 60. Rosenberg M. Self-Concept Research: A Historical Overview. — // Social Forces. Vol.68. — 1989. — September. — № 1. — P. 34-44.
 61. Оссовский В.Л. Ценности профессиональной деятельности: Опыт и методологические проблемы социологического исследования // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. филос. наук. — К.: Ин-т философии, 1986. — 32 с.
 62. Старовойтенко Е.Б. Жизненные отношения личности. — К.: Лыбидь, 1992. — 111 с.
 63. Show D.A., Anderson L. Identity Work among the Homeless: The Verbal Construction and Avowal of Personal Identities. // American Journal of Sociology. Vol. 92. — 1987. — May. — № 6. — P. 1336-1371.
 64. Междисциплинарный подход к изучению соотношения между ценностными ориентациями и наблюдаемым поведением // Под ред. В.А.Ядова и др. — М.: Сов. социол. ассоц., 1970. — 11 с.
 65. Выготский Л.С. Собр.соч.: В 6 т. — Т.4. — М.: Педагогика, 1984. — 432 с.
 66. Miller D.T., McFarland C. Pluralistic Ignorance: When Similarity is Interpreted as Dissimilarity // Journal of Personality and Social Psychology. Vol.53. — 1987. — August. — № 2. — P.298-306.
 67. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // Вопр. психологии. — 1983. — № 2. — С. 35-42.
 68. Просецкий В.А. Пример литературного героя как фактор формирования личности // Вопр. психологии. — 1958. — № 2. — С. 100-108.
 69. Берлянд И.Е. Развитие самосознания и теория игр // Филос. и социология науки и техники. — М.: Наука, 1987. — С. 144-175.
 70. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — Л.: Лениздат, 1992. — 400 с.
 71. Нодія Г.О. До філософської інтерпретації психологічних теорій гри // Філософ. та соціологічна думка. — 1989. — № 2. — С. 36-46.
 72. Фромм Э. Душа человека. — М.: Республика, 1992. — 430 с.
 73. Голосенко И.А., Зверев В.М. Социолог Агнесса Звоницкая: Работы и судьба // Соц. исследования. — 1991. — № 2. — С. 75-82.
 74. Burke P.S., Franzoi St.L. Studying Situations and Identities Using Experimental Sampling Methodology // American Sociological Review. Vol.53. — 1988. — August. — № 4. — P. 559-568.

Глава 2

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – С.245 – 257.
2. Giddens A. Structuralism, Poststructuralism and the Production of Culture // *Social Theory Today* / Ed. by A.Giddens and J.Turner. – New York: Polity Press, 1987. – P. 195.
3. Burt R.S. Toward a Structuralist Theory of Action.- New York, Academic Press, 1982; Porpora D. Four Concepts of Social Structure // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol.19. – 1989. – № 2. – P. 195 – 211; Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма // *Социологос – социология, антропология, метафизика*. Вып.1. “Общество и сферы смысла”. – М.: Прогресс, 1991. – С. 159 – 169.
4. Stompka P. Pojecie struktury spolecznej // *Studia Soiologiczne*. – 1989. – № 3.
5. Rubinstein D. Opportunity and Structural Sociology // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol.23. – 1993. – № 3. – P. 265 – 283.
6. Juckes N.J., Barresi J. The Subjective-Objective Dimension in the Individual-Society Connection: a Duality Perspective // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 23. – 1993. – № 2. – P. 197 – 202.
7. Giddens A. Agency, institution and time-space analyses // *Toward an integration of micro and macrosociologies* / Ed. by K.Knorr-Cetina and A.V.Cicoural. – London: Routledge & Kegan Paul, 1981. – P.168 – 171.
8. Комаров М.С. Анализ социальных сетей // *Совр. западная социология. Слов.* – М.: Политиздат, 1990.
9. Social Structures. A Network Approach / Ed. by B.Wellman and S.D.Berkowitz. – New York: Cambridge University Press, 1988. – P. 19 – 61.
10. Merton R.K. The role-set: problems in sociological theory // *British Journal of Sociology*. Vol.8. – 1957. – P. 110 – 120.
11. Makeев С.А. Социальные перемещения в крупном городе. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 118 – 122.
12. Бхаскар Р. Общества // *Социологос – социология, антропология, метафизика*. – С. 219 – 240.
13. Zagurski Z. Proba konstrukcji modelu struktury klasowo-warstwowej spoleczenstwa Polski: Structura wspolczesnego spoleczenstwa Polski w swetle badan Slaskich. T.1 / Pod red. Z.Zagurskiego // *Socjologia*. – №11. – Wroclaw: Wyd. Uniwersytetu Wroclawskiego, 1993. – S. 79 – 100.
14. Giddens A. Agency, institution and time-space analyses. – P. 169.
15. Систематический обзор сделанного и проблематичного здесь см.: Cohen Ira J. Structuration Theory and Social Praxis // *Social Theory Today*. – P. 273 – 308.

16. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. — Cambridge: Polity Press, 1984.
17. Alexander Jeffrey C. *Commentary: Structure, Value, Action // American Sociological Review*. Vol.55. — 1990. — N 3. — P. 339 — 345.
18. Тернер Дж. *Структура социологической теории*. — М.: Прогресс, 1985. — С.291.
19. Филиппов Ф.Р. *От поколения к поколению*. — М.: Мысль, 1989.— С. 38-39.
20. Шпигель-Резинг И. *Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты*. — М.: Прогресс, 1980. — С. 127-128.
21. Weber M. *Class, status, party // Readings on social stratification / Ed. by M.N.Tumin, Prentice Hall, Englewood cliffs*. — New Jersey, 1970. — P. 27 — 39.
22. Гаспаров М.Л. *Античная риторика как система // Античная поэтика*. — М.: Наука, 1991. — С. 29.
23. Аверинцев С.С. *Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т.6*. — М.: Сов. энцикл., 1971. — С. 826-831.
24. Федоров А. *Цех и фратрия: Корпоративные отношения в посткоммунистическую эпоху // Политическая мысль*. — 1995. — № 2-3.
25. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. — London: Penguin book, 1990. — P. 89-90, 108.
26. Головаха Е.И., Панина Н.В. *Социальное безумие: История, теория и современная практика*. — К.: Абрис, 1994. — С. 132 — 140.

Глава 3

1. Barley S.R. *Careers, Identities, and Institutions: The Legacy of the Chicago School of Sociology // Handbook of Career Theory*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — P. 41-65.
2. Brooklyn D.C., Laurent A. *The Internal and External Career: A Theoretical and Cross-Cultural Perspective // Handbook of Career Theory*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — P. 454-471.
3. Тернер Р. *Сравнительный контент-анализ биографий // Вopr. социологии*. — 1992. — № 1. — С. 121-133.
4. Мертон Р.К. *Социальная теория и социальная структура // Соц. исследования*. — 1992. — № 2. — С. 118-124.
5. Костенко Н.В., Оссовский В.Л. *Ценности профессиональной деятельности*. — К.: Наук. думка, 1986. — 151 с.
6. Strauss A.L. *The Contexts of Social Mobility: Ideology and Theory*. — Chicago : Adline Publishing Company, 1971. — 263 p.
7. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
8. Turner D.S. *Status*. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988. — 91 p.
9. Arthur M.B., Hall D.T., Lawrence B.C. *Generating New Directions in*

- Career Theory: The Case for a Transdisciplinary Approach // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 7-25.
10. Dalton G.W. Developmental Views of Career in Organizations // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 89-109.
 11. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 448с.
 12. Силласте Г.Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Соц. исследования. – 1994. – № 3. – С.15-22.
 13. Kanter R.M. Men and Women of the Corporation. – New York : Basic Books, 1977. – 348 p.
 14. Sorensen A.B. A Model for Occupational Careers // American Journal of Sociology. – 1974. – Vol. 80. – № 1. – P. 44-58.
 15. Rosenbaum J.E. Career Mobility in a Corporation Hierarchy. – Orlando: Academic Press, 1984. – 328 p.
 16. Rosenfeld R.A. Race and Sex Differences in Career Dynamics // American Sociological Review. – 1980. – Vol. 45. – P. 583-602.
 17. Kanter R.M. Careers and the Wealth of Nations: A Macro-perspective on the Structure and Implications of Career Forms // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 506-521.
 18. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
 19. Weber M. The Characteristics of Bureaucrasy // Seeing Ourselves. Classic, Contemporary, and Cross-Cultural Readings in Sociology. – Englewood cliffs: Prentice Hall, 1992. – P. 123-126.
 20. Лазарева Е. Секреты “белого воротничка” // Знание – сила. – 1989. – № 9. – С. 21-25.
 21. Savage M. The Missing Link? The Relationship between Spatial Mobility and Social Mobility // British Journal of Sociology. – 1988. – Vol.39. – № 4. – P. 554-577.
 22. Weick K.E., Berlinger L.R. Career Improvisation in Self-designing Organisations // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 313-328.
 23. Haller M., Konig W., Krause P., Kurz K. Patterns of Career Mobility and Structural Positions in Advanced Capitalist Societies: A Comparison of Men in Austria, France, and the United States // American Sociological Review. – 1985. – Vol. 50. – № 5. – P. 579-603.
 24. Jary D., Jary J. The HarperColling Dictionary of Sociology. – 1991 by HarperColling Publishers, Ltd. USA. – 602 p.
 25. Spilerman S. Careers, Labor Market Structure, and Socioeconomic Achievement // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83 – P. 551-593.

26. Thomas R.J. Blue-collar Career: Meaning and Choice in a World of Constrains // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 354-379.
27. De Graaf N.D., Flap H.D. “With a Little Help from My Friends”: Social Resources as an Explanation of Occupational Status and Income in West Germany, The Netherland, and the United States // Social Forces. – 1988. – Vol. 67. – № 2. – P. 452-472.
28. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 78. – P. 1360-1380.
29. Lin N., Ensel W., Vaughn J. Social Resources and Occupational Status Attainment // Social Forces. – 1981. – Vol. 59. – P. 1163-1181.
30. Marsden P., Humlbert J. Social Resources and Mobility Outcomes: A Replication and Extensoin // Social Forces. – 1988. – Vol. 66. – P. 1038-1059.
31. Wegener B. Job Mobility and Social Ties: Social Resources, Prior Job, and Status Attainment // American Sociological Review. – 1991. – Vol. 56. – № 1. – P. 60-71.
32. Rosenbaum J.E. Organisational Career Mobility: Promotional Chances in a Corporation during Periods of Growth and Contraction // American Journal of Sociology. – 1979. – Vol. 85. – № 1. – P. 21-48.
33. Rosenbaum J.E. Organisation Career Systems and Employee Misperceptions // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 329-353.
34. Komarovskiy M. The Concept of Social Role Reviseted // Gender and Society. – 1992. – Vol. 6. № 2. – P. 301-313.
35. Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Соц. исследования. – 1992. – № 7. – С. 135-140.
36. Blossfeld H.-P. Labor-Market Entry and the Sexual Segregation of Career in the Federal Republic of Germany // American Journal of Sociology. – 1987. – Vol. 93. – № 1. – P. 89-118.
37. Andes N. Social Class and Gender: An Empirical Evaluation of Occupational Stratification // Gender and Society. – 1992. – Vol. 6. – № 2. – P. 231-251.
38. Loscocco K.A., Kalleberg A.L. Age and the Meaning of Work in the United States and Japan // Social Forces. – 1988. – Vol. 67. – № 2. – P. 337-356.
39. Wilensky H.L. Careers, Life-Styles, and Social Integration // Organizational Careers. A Sourcebook for Theory. – Chicago : Aldine Publishing Company, 1968. – P. 50-53.
40. Marshall J. Re-visioning Career Concepts: A Feminist Invitation // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 275-291.
41. Maines D.R., Harderty M.J. Temporality and Gender: Young Adult’s Career and Family Plans // Social Forces. – 1988. – Vol. 66. – №1. – P. 102-120.
42. Gallos J.V. Exploring Women’s Development: Implication for Career

- Theory, Practice, and Research // Handbook of Career Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 110-132.
43. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Соц. исследования. – 1995. – №4. – С. 3-14.
 44. Перепелкин О.В. Российский предприниматель: штрихи к социальному портрету // Соц. исследования. – 1995. – №2. – С.35-40.
 45. Рукавишников В.О. Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и восточно-европейских странах) // Соц. исследования. – 1994. – №6. – С.25-32.

Глава 4

1. Старовойтенко Е.Б. Жизненные отношения личности. – К.: Лыбидь, 1992. – 111 с.
2. Кроник А.А. Межличностное оценивание в малых группах. – К.: Наук. думка, 1982. – 159 с.
3. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного познания. – М.: Педагогика, 1981. – С. 92-122.
4. Галєєв В.А. Соціальний статус військовослужбовців в умовах трансформації суспільства / Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата соціологічних наук. – К., 1995.
5. Черноволенко В.Ф., Оссовский В.Л., Паниотто В.И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. – К.: Наук. думка, 1979. – 214 с.
6. Войтович С.А. Динамика престижа и привлекательности профессий. – К.: Наук. думка, 1989. – 132 с.
7. Beeghley L. The Structure of Social Stratification in the United States. – Needham Heights : Allyn and Bacon. – 1989. – 332 p.
8. Социальный облик молодежи. – К.: Наук. думка, 1990. – 216 с.
9. Rosenbaum J.E. Career Mobility in a Corporation Hierarchy. – Orlando: Academic Press, 1984. – 328 p.
10. Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Соц. исследования. – 1995. – № 1. – С. 134-138.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Личностный ракурс процессов идентификации (Е. В. Швачко).....	9
§1. Идентификация и самоидентификация как индивидуальная и социальная проблема.....	9
§2. Идентификационные механизмы на микроуровне социума	20
§3. Индивидуальный процесс идентификации	32
Глава 2. Социально-структурный аспект процессов идентификации (С. А. Макеев)	41
§1. Понятие “социальная структура”	41
§2. Механизм воспроизводства социальной структуры	46
§3. Статусно-символические идентичности в социальной структуре.....	55
§4. Тенденции стратификации и процессы идентификации.....	61
Глава 3. Трудовая карьера – пространство социальных идентификаций (С. Н. Оксамитная)	77
§1. Понятие карьеры	77
§2. Организационный контекст идентичности	88
§3. Гендерный контекст идентичности.....	93
Глава 4. Идентификационные практики	102
§1. Проективные идентичности в молодежном сознании (Е. В. Швачко, С. Н. Оксамитная)	102
§2. Статусные идентификации и идентичности в малых группах учащейся молодежи (Е. В. Швачко).....	113
§3. Престиж профессий в современной Украине (С. Н. Оксамитная, С. А. Макеев, Е. В. Швачко)	122
§4. Динамика и неоднородность идентификации уважения и признания молодежью (С. Н. Оксамитная, С. А. Макеев).....	133
§5. Идентичности в пространстве трудовой карьеры (С. Н. Оксамитная)	144
§6. Предписание идентичности символами признания (С. А. Макеев).....	154
§7. Производство политических идентичностей (С. А. Макеев)	158
§8. Регионализация идентификационных практик в Украине (С. А. Макеев).....	164
Послесловие	173
Литература	175

Наукове видання
Інститут соціології НАН України

Макеєв Сергій Олексійович
Оксамитна Світлана Миколаївна
Швачко Олена Валентинівна

Соціальні ідентифікації та ідентичності

Російською мовою

Відповідальний за випуск: Суїменко В.Х.
Оригінал-макет: Ситко В.А.

Підп. до друку 8.05.96. Формат 60x80. Папір офсетний. Обл. — друк.
арк. 11,5 Зам. 66. Тираж 500 примірників.

252021, Київ-21, вул. Шовковична, 12